

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

Угловой
дом

ISSN 977-172785400-9

1 2 0 1 2

**ПОДПИСКА
НА ЖУРНАЛ
«ВОКРУГ СВЕТА»
И АЛЬМАНАХ
«ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК»**

Объединенный каталог «ПРЕССА РОССИИ». Индексы:

- 41700 – «Вокруг Света», годовая подписка;
- 84702 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
- 41505 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
- 84701 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
- 84704 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 84705 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 83248 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 84703 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
- 84707 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 84708 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 83249 – комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 84706 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог «Газеты. Журналы. Агентство «РОСПЕЧАТЬ». Индексы:

- 80650 – «Вокруг Света», годовая подписка;
- 83321 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
- 80475 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
- 83320 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
- 83324 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 83323 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 84170 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 83322 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
- 83624 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 83625 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 83084 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 83623 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог российской прессы «ПОЧТА РОССИИ». Индексы:

- 99440 – «Вокруг Света», годовая подписка;
- 12464 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
- 99118 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
- 12463 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
- 12466 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 12467 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 10853 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 12465 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
- 12469 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
- 12470 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
- 10854 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
- 12468 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

льготная подписка действительна для предъявителей подписного купона за предыдущий период

Годовая подписка на журналы в отделениях связи оформляется ежегодно с 01 сентября по 10 декабря

БОРИС СТРУГАЦКИЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
АЛЬМАНАХ ФАНТАСТИКИ

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

ДЕКАБРЬ
2012

«УГЛОВОЙ ДОМ»

ПОЛДЕНЬ, XXI век «УГЛОВОЙ ДОМ»

Главный редактор
Борис Стругацкий
www.rusf.ru/abs
e-mail: *BStrugatsky@vokrugsveta.ru*

Учредитель и издатель:
ООО «Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»
129515, Москва, а/я 6
e-mail: *vokrugsveta@vokrugsveta.ru*
Тел./факс (495) 491 96 45

Размещение рекламы
Коммерческий директор Наталья Ознобина
Заместитель коммерческого
директора Марина Панова
Руководители направлений:
Светлана Орловская,
Роман Погорелов
Ведущие менеджеры: Татьяна Безверхая, Юлия Мокрецова
Руководитель спецпроектов Татьяна Голубева
Трафик-менеджер Александра Котова
Координатор Светлана Рязанова

Распространение и подписка
ЗАО «Межрегиональный Дистрибьютор Прессы «МААРТ»:
тел. (495) 744 55 12. e-mail отдела продаж: *sl@maart.ru*
e-mail отдела подписки: *podpiska@maart.ru*

Юридическое сопровождение
ООО «Правовое бюро «Омега»:
тел. (495) 232 49 51

Информационная продукция для детей, достигших возраста 16 лет

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ 77-16622 от 10 октября 2003 г.

Изд. лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98

Подписано в печать 03.11.12. Формат 84 x 108 ¹/₃₂

Гарнитура журнальная. Печ. л. 5.5. Тираж 14 840

Заказ № 2694

ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46

ISBN 978-5-98652-412-2

9 785986 524122

Адрес редакции:
199053, Санкт-Петербург,
1-я линия В.О., д. 28
Тел./факс (812) 328 63 29
e-mail: *polden@vokrugsveta.ru*

Информационная поддержка:
Александр Сидорович
(«ИНТЕРПРЕССКОН»)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Тексты принимаются в формате RTF на дискетах
или по электронной почте: *polden@vokrugsveta.ru*

Колонка дежурного по номеру

Новая серия мрачных и захватывающих историй. (Правда, оканчиваются две или три сравнительно хорошо.) Некоторые могли — или могли бы — или могут еще случиться. Поскольку описанные в них события правдоподобны и даже вероятны. Но настолько очевидно нежелательны, что нам кажется: не должны они произойти, а если все-таки когда-нибудь произойдут, то не при нас. В наше, так сказать, отсутствие.

Как, например, мировая атомная война.

Ведь она начнется — если начнется — не иначе, как по чьей-то глупости, верно? Не прежде, чем кто-нибудь очень влиятельный спятит. От старости. Или от ненависти. Или от страха. Руководитель какого-нибудь государства. А руководители государств сходят с ума не так часто. Ну а уж если который-нибудь сойдет, ему же не дадут начать войну, обязательно свяжут. Если посмеют.

Не о чем, в сущности, беспокоиться. Тем более, что от нас ровно ничего не зависит. Вряд ли в число читателей «Полдня» входят руководители государств.

Так насладимся игрой чужих предчувствий, невзирая на печальный колорит. Надо же куда-то девать время: жизнь длинна.

И тем хороша, что подражает литературе: строит характеры, старается мотивировать поступки, в нужные моменты включает пейзаж. Разве что диалоги ей не удаются. Да вот не умеет соблюдать единство интереса.

Отчего литература увлекательней: текст всегда знает свой финал, к нему и ведет шаг за шагом. Только финал придает тексту его настоящий смысл. Жизни — тоже, но человек, ее теряющий, спохватывается обычно в последнюю минуту и не успевает, наверное, оценить качество сюжета.

А тут их сразу несколько: вышел из одного — вошел в другой. И участвуешь — таким неуязвимым невидимкой — в разборках персонажей.

Главное — скорость: фантастика не отвлекается на описания медленных чувств. Аффект — и выстрел. Только форсированные ходы. Единственно возможные для ума, выбирающегося из смертельных ловушек, расставленных глупостью.

Переиграть ее нельзя, но это — в жизни. В литературе есть кой-какие шансы на ничью.

Самуил Лурье

«Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»
Генеральный директор Светлана Головатюк
Директор по производству Евгений Колесов
Арт-директор Антон Федоров
Коммерческий директор Наталья Ознобина
Директор по распространению и лицензированию Леонид Наумов
Директор по маркетингу Сергей Воронов
Трафик-менеджер Александра Котова
Художник Дмитрий Лигай
Иллюстрация на обложке Дмитрий Лигай
Дизайнер Елена Кузанина
Технологи Сергей Дудин, Сергей Соловьев, Сергей Цветков

Редакция:

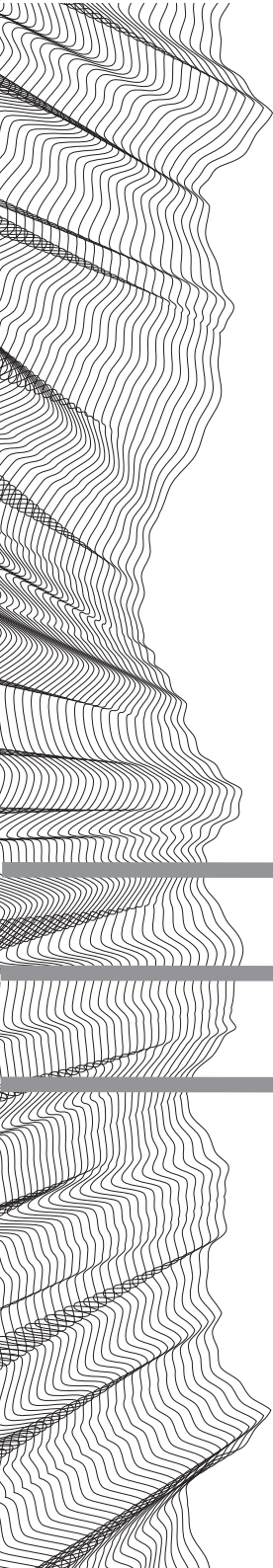
Николай Романецкий, отв. секретарь
NRomanetsky@vokrugsveta.ru
Самуил Лурье, редактор отдела прозы
SLurie@vokrugsveta.ru
Елена Минина, редактор отдела критики
EMinina@vokrugsveta.ru
Надежда Бельская, зав. редакцией
polden@vokrugsveta.ru

Общественный Совет при журнале:

Андрей Измайлов <i>www.mo-nast.ru</i>	Сергей Переслегин <i>pereslegin.net/</i>
Святослав Логинов <i>www.rusf.ru/loginov</i>	Вячеслав Рыбаков <i>www.rusf.ru/rybakov</i>
Евгений Лукин <i>www.rusf.ru/lukin</i>	Михаил Успенский <i>fantlab.ru/autor184</i>
Сергей Лукьяненко <i>www.rusf.ru/lukian</i>	Александр Щёголев <i>fantlab.ru/autor384</i>

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

ДЕКАБРЬ (96) 2012

ИСТОРИИ
ОБРАЗЫ
ФАНТАЗИИ

1

The image features a vertical topographic map on the left side, characterized by dense, wavy contour lines. To the right of the map, there is a geometric composition consisting of a black square containing a white number '1', and a light gray square divided into four smaller squares by a white cross. The entire design is set against a white background.

Угловой дом

Повесть

Случай — вот что управляет нами в жизни. К этой мысли я пришел после долгих размышлений над человеческой природой, хотя отец вбивал в меня с детства, что рассуждать я не способен, зато с моей памятью мог бы стать адвокатом или даже судьей, поскольку в этом деле главное — помнить все статьи законов и произносить нужные слова в нужное время. На самом деле я не стал поступать в Колумбийский колледж, потому что по дороге в Нью-Йорк у дилижанса отвалилось колесо, я счел это плохим предзнаменованием и вернулся, решив не испытывать судьбу.

История, начавшаяся в ночь на 12 сентября 1876 года и круто изменившая мою жизнь, тоже стала результатом случайного совпадения. Я не собирался идти в Угловой Дом (так называлось одноэтажное строение в конце нашей Уайлдвуд-Террас, где лет уж десять никто не жил, но никто и не покупал его у нынешнего владельца, старого Морриса, потому что он заламывал цену, не соответствовавшую реальной стоимости этого длинного невзрачного здания времен Бостонского чаепития). Мне, как и никому из взрослых жителей Глен Риджа, нечего было там делать — тем более ночью. Но совершенно случайно в тот вечер кот миссис Чедвик, с которой моя матушка любила посудачить о жизни, забрался в Угловой Дом и, видимо, попал там в беду. Кот истошно орал, а старая женщина, скрученная артритом, не могла

встать с постели и попросила меня вызволить любимца. В ответ на мои слабые возражения, мол, утро вечера мудренее, ничего с котом за ночь не случится, старушка так на меня посмотрела, что я вставил свечу в фонарь и пошел в дом, где мне, вообще говоря, знаком был каждый угол, потому что здесь мы с Джеком лет еще шесть или семь назад играли в пиратов и разбойников.

Я увидел его в большой зале, где во времена президента Линкольна, наверно, устраивали балы. Не кот я увидел (которого, к слову сказать, так и не нашел — к утру он сам явился домой, ободранный, злой и голодный), а бестелесную белесую, похожую на сконцентрированный туман, фигуру, стоявшую в углу и, как мне показалось, наблюдавшую за мной с целью озадачить или напугать. И то, и другое ей удалось — я выронил фонарь, отчего свеча погасла, а темнота стала непроницаемой.

Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться: передо мной призрак. Где же ему и являться, если не в старом доме с многочисленными комнатами и коридорами? Наверняка здесь кто-нибудь умер насильственной смертью — не могло быть такого, чтобы за сотню лет никто никого не заколол, не отравил или не отправил на тот свет иным не менее ужасным способом.

— О-уж... — Голос у призрака оказался низким, будто шел из глубокого колодца. Я ничего не понял, и, когда он, протянув ко мне руки и завывая на манер безумного Роузена, двинулся в мою сторону, я перепугался не на шутку и помчался по коридорам, натываясь на стены, углы, мешки, камни — все, что попадалось на пути, а за спиной мне мерещилось шумное дыхание и низкий голос повторял одно и то же:

— О-а-ур...

В себя я пришел на дорожке перед домом, повалился в траву и какое-то время лежал, глядя в небо, покрытое облаками, сквозь которые выглядывали звезды, и мне представлялось, что смотрели они на меня с издевкой: что ты за мужчина, если, как заяц, бежал от бестелесного призрака, который, может, и не призраком был вовсе, а твоим же отражением в старом потускневшем зеркале — почему бы нет, на самом деле?

Я подумал, что хотя бы для восстановления самоуважения должен вернуться и, во-первых, убедиться, что никаких призраков в доме нет, а во-вторых (и это представлялось мне более важным), забрать фонарь, отсутствие которого отец непременно обнаружит, и тогда мне достанется куда больше, чем могло бы сотворить любое самое зловерное привидение.

Перекрестившись, я вернулся в злосчастный дом. Глаза мои успели привыкнуть к темноте, и я довольно отчетливо различал, куда иду. Настороженный слух вылавливал из тишины странные звуки — хруст, шелест, — никак, однако, не напоминавшие человеческий голос, а тем более, голос из преисподней. Кот тоже не орал — да его, как я подумал, в доме, скорее всего и не было.

Лампу я уронил в большой зале, туда и направлялся, когда призрак преградил мне дорогу в длинном коридоре, сложил руки на груди и что-то сказал, завывая.

Теперь-то я увидел, что это мужчина — одежда на призраке была не такой прозрачной, как открытые части его нематериального тела. Призрак не носил саван, на нем были штаны и свиток, правда, очень широкие и не по фигуре. Темные глазницы и светлое пятно на месте носа делали голову этого существа не похожей даже на череп. Как-то старый Джошуа рассказывал, что видел прокаженного: лицо страдальца выглядело примерно так же, как лицо призрака, и я с ужасом подумал, что, возможно, этот человек умер от страшной болезни, и, если он дотронется до меня своей бестелесной ладонью... Можно ли подхватить смертельную болезнь от привидения? Нелепая мысль, но она занимала меня, пока я стоял, прикованный к месту вернувшимся страхом, а призрак медленно приближался, разглядывая меня провалившимися глазами.

— Ва-о... — гулко произнес он и протянул руку, будто хотел поздороваться.

Господи, спаси!

— Каа... — сказал призрак, и, поняв, что нет спасения, я прижался к стене коридора, холодной и влажной, будто покрытой плесенью.

— Кое...

Призрак раскачивался и размахивал руками, будто пытался жестами досказать то, чего не мог произнести словами.

— Чи...

Что-то слышалось мне в этом звукоизвержении, или то была игра моего сознания — не скажу «ума», поскольку ум мой спрятался где-то глубоко и не давал о себе знать ни одной мыслью, за которую можно было бы уцепиться.

— Ссс... — сипел призрак и неожиданно довольно ясно добавил: — Ло.

Хорошо, что ум мой впал в прострацию. Умом я бы точно не понял сказанного, а сейчас сипящие, хрипящие и булькающие звуки сложились в единое целое. «Какое число», — вот что сказал призрак.

И знаете, я сразу успокоился. Ну, призрак. Эка невидаль. Мне призраки ни разу не попадались, но рассказы о привидениях я слышал с детства. Если верить всему, что говорили, призраками был напичкан каждый второй дом в Глен Ридже, и скорее нужно было удивляться, почему я ни разу прежде не встречался с этими вздорными и докучливыми существами, которые не могут покинуть место, где смерть застала их брненное и давно похороненное тело.

Призрак ждал ответа. То есть это мне показалось, что ждал, — на самом деле он вполне мог готовиться к тому, чтобы коснуться меня холодной ладонью и утащить в мир мертвых.

— Двенадцатое сентября, — сказал я.

Призрак покачал головой и пробормотал что-то невразумительное. Не расслышал? Или его не удовлетворила дата?

Я подумал: если этот человек умер здесь, в доме, много лет назад, то потерял счет времени, и тогда, кроме числа и месяца, его мог интересовать еще и год.

— Двенадцатое сентября, — повторил я и добавил: — год тысяча восемьсот семьдесят шестой от рождества Господа нашего Иисуса.

Не знаю, понял меня призрак или нет, но поступил он странно (впрочем, может, как раз вполне обыденно для привидений, но странно с моей, человеческой, точки зрения). Белесое создание воздело руки к потолку (возможно, призрак обращался к небу, но низкий потолок коридора нависал над ним вовсе не небесной твердью) и принялось бить себя по темени. Мне даже показалось, что я слышу гулкие удары кулаками по лысине — почему, кстати, я тогда решил, что призрак был лысым?

Досталось и стене, по которой привидение ударило ногой с понятным для меня, но, видимо, неожиданным для него эффектом: нога «утонула» в камне до колена, и какое-то время бледнолицее создание стояло, покачиваясь, на одной ноге, что выглядело не столько страшным, сколько смешным. Должно быть, я действительно рассмеялся нервным (каким же еще?) смехом, потому что, выпростав ногу из стены, призрак замахнулся и пошел на меня, собираясь, скорее всего, выместить на мне свое раздражение.

Дождаться я не стал.

* * *

Я лежал в своей постели и старался не думать о том, что произошло в Угловом Доме.

Я вынужден был признаться себе, что встреча с призраком — это страшно, это очень страшно, это страшно до умопомрачения, и я никогда больше не войду ночью ни в один пустой дом, где бы он ни стоял. И еще: никогда и никому не стану рассказывать о происшедшем. Не потому, что мне не поверят, а по противоположной причине: люди любопытны без меры, особенно когда речь заходит о сверхъестественном, а я не смогу без дрожи в коленях вспоминать, как призрак надвигался на меня, воздев руки и желая утащить меня с собой в мир мертвых.

Утром, собираясь по делам в соседний Блумфилд, отец обнаружил пропажу фонаря, обычно висевшего на гвозде в прихожей, и обрушился на матушку, мывшую на кухне посуду после завтрака, и на сестру, вообще не понимавшую, что происходит, и продолжавшую, как всегда, шепотом считать, сколько гвоздей вбито в стену гостиной и сколько облаков проплывает мимо большого французского окна, выходящего в сад. Попадись я под руку, отец отхлестал бы меня просто для профилактики — я-то знал, что фонарь был сейчас ему совсем не нужен, и злился он только потому, что нарушен оказался порядок, заведенный им еще в те дни, когда меня и на свете не было. «Каждая вещь, — говорил отец, — должна иметь свое место. В этом доме и в этом мире».

Когда отец ушел, мать заглянула ко мне в комнату и выместила на мне уже собственный гнев: отчего валяешься, когда тебе нужно, во-первых, в лавку Бравермана за продуктами, список которых лежит на столике в прихожей, во-вторых, к старой миссис Чедвик — признаться, что кот я так и не нашел, хотя весь вечер и часть ночи болтался неизвестно где и с кем, и, в-третьих, своди Дженнифер на поляну, ей там спокойно и есть что считать — от бабочек до листьев. И чтоб не попадался отцу под руку, когда он вернется, понятно?

Успокоившись и уже выходя, матушка задумчиво спросила сама себя:

— А фонарь-то, действительно, куда делся?

И я понял, что мне придется тащиться в Угловой Дом еще раз, иначе вечером... что будет вечером, не хотелось и думать.

Но ведь днем — не то же самое, что ночью. Днем призраки не появляются. И со мной будет Дженнифер, а она вообще ничего не боится, она даже не понимает, что такое страх, для ее куриных мозгов это слишком сложное понятие. Сколько раз она брала в руки горячую кастрюлю, сколько раз пыталась сунуть пальцы в пламя свечи! Матушка требовала, чтобы кто-нибудь постоянно находился рядом с Дженни и не позволял делать то, что могло ей

навредить. Она не умела думать, как другие люди, и невозможно было предвидеть, что бедняжка сотворит в следующую секунду. Когда дома не было ни отца, ни меня, мать держала Дженнифер при себе — иногда даже привязывала ее веревкой за пояс платья и водила за собой, как собачку. Это было порой трогательно, но чаще хотелось плакать. Я очень жалел сестру, что она такой родилась и в свои семнадцать имела ум трехлетки. Порой Дженнифер доводила меня до истерики, когда хотелось ее убить, пристукнуть, придушить, никогда больше не видеть... Гнева моего хватало обычно на минуту-другую, а потом захлестывали такая нежность и жалость к этому невинному созданию, что я готов был возиться с ней всю жизнь, потому что не было у меня друга более верного и, я знал, готового ради меня на все, даже на смерть — ведь страха, как я уже отметил, Дженни не знала.

* * *

Сквозь огромные окна солнце освещало даже самые дальние углы. Я помнил, какие комнаты проходил ночью, но днем все выглядело иначе, и мне казалось, что я непременно сверну не туда. Дженни шла за мной, как приклеенная, время от времени хватала меня за руку и называла какое-то число. Что она тут считала, я не мог взять в толк, но когда мы дошли до комнаты, выходившей окнами в сторону леса, Дженни досчитала до шестисот тридцати восьми и сообщила мне об этом с таким удовольствием, будто это было самое счастливое число на свете.

— Шестьсот тридцать восемь чего? — спросил я, но на такие вопросы Дженнифер не отвечала никогда. О том, что именно она считала в каждый момент времени, приходилось догадываться по ее взгляду, а сейчас она устала в угол комнаты, где ровно ничего не было, даже паутины. Зрачки ее были расширены, как у человека, попавшего в темную комнату, но здесь-то был яркий свет, и потому от вида Дженнифер меня пробрал страх, да такой, какого я не испытывал и вчерашней ночью.

— Дженни, — позвал я почему-то шепотом. Мне показалось, что, если я стану говорить громко, то что-то в воздухе комнаты изменится, что-то с сестрой произойдет. Я не знал, почему мне это показалось, но был уверен, что так оно и случится.

Дженни провела рукой по воздуху, будто коснулась невидимого предмета, и раздался звук, похожий на скрежет водяного колеса на мельнице Матесона, только потише и не такой противный.

Стало холодно. Может, холодно стало только мне? Возникло ощущение, что все вокруг изменилось, хотя и осталось прежним. Так иногда кажется, когда проснешься утром, не узнавая собственную комнату.

И опять я услышал скрежет, но теперь понял, что это звук человеческого голоса. Не то чтобы я распознал слова или хотя бы звуки, но понимание того, что говорит человек, возникло само, как иногда бывало в присутствии сестры: посмотрит она на что-то, на стул, например, и вдруг начинает казаться, что это не просто стул, а живое страдающее создание Божье, и хочется не сесть на него, а погладить по спинке и смахнуть пыль с сиденья.

Призрак был здесь. Я не мог его видеть — днем, при ярком свете, он был невидим, как воздух. А Дженни своим чутьем его распознала, потому ее зрочки и расширились, как у кошки. Она его видела?

Я понимал, что спрашивать Дженни бесполезно — она все слышала, конечно, она многое слышала лучше любого из нас, но отвечала только тогда, когда сама того хотела. Спросить-то можно...

— Дженни, — сказала, — ты слышишь? Кто-то разговаривает?

Она не обратила на меня никакого внимания. Стояла, наклонившись вперед, и что-то внимательно рассматривала — невидимое и, возможно, не существовавшее. Я встал рядом и опять услышал скрежещущий звук, будто проводишь тупым лезвием по вращающемуся точильному камню. Подумал, что, будь здесь темнее, я увидел бы искры.

— Нет, сэр, — произнесла вдруг Дженнифер, — это не Флорида, сэр. Это Глен Ридж, штат Нью-Джерси, десять миль от Нью-Йорка.

Ого! Кажется, я непроизвольно присвистнул. Никогда не слышал, чтобы Дженни изъяснялась столь определенно! Я не подозревал даже, что она вообще знала, где находится наш городишко.

И тут до меня дошло. Она отвечала призраку?

Я вспомнил вчерашнее. Мне ведь показалось, что призрак спросил, какой нынче день. Сейчас, правда, я ровно ничего не мог разобрать в этом сверчении, но Дженни...

— Да, сэр, — произнесла она ясным, спокойным, вежливым голосом. — Сегодня тринадцатое сентября тысяча восемьсот семьдесят шестого года.

Вот те на! Я никогда не думал, что Дженни знала календарь и даты! Она этим не интересовалась, разве что, когда взгляд ее

падал на страницу отрывного календаря Штрауса, но тогда она всего лишь продолжала счет, бормоча числа себе под нос. Могла дойти и до миллиона, но обычно ее что-нибудь отвлекало — комары, например, вившиеся вокруг лампы, и она начинала считать их, тыкая пальцем. Проверить счет было невозможно, никто и не пытался, как, впрочем, остановить Дженни — это можно было сделать, только заткнув ей рот.

Что-то булькнуло, Дженни наклонила голову, закрыла глаза и произнесла речь, повергнув меня в изумление.

— Сэр, — сказала она, — я вполне понимаю ваше затруднение, но, боюсь, мои скромные познания в науках не помогут. Я не ходила в школу, как мой брат Джон, присутствующий здесь, но не способный вас услышать, так что если вы хотите что-то спросить или поведать, то говорите мне, я повторю для брата, а потом передам вам его ответы, если, конечно, пойму их.

— Дженни! С кем ты разговариваешь?

Я попробовал нащупать то, что, видимо, было доступно ее осязанию, но в воздухе ничего не было, решительно ничего, пальцы Дженни трогали пустоту, я коснулся их своими пальцами, и она отдернула руку, будто дотронулась до слизняка, а на лице ее мелькнула гримаса, которую я принял за выражение отвращения.

— Сэр, — проговорила она, — не сердитесь на брата, он добрый и помог бы вам гораздо больше, чем смогу я, но, как он для вас выглядит бестелесным призраком, так и вы для него всего лишь ночная тень, а днем так и вовсе ничто.

— Дженни!

Иногда она реагировала на свое имя — если повторять его десятки раз, да еще внушительным тоном. Отцу это время от времени удавалось, мне — почти никогда.

Показалось мне, или в воздухе действительно пронесся ржавый вздох, сдобренный тихим то ли всхлипыванием, то ли смехом? Описать эти звуки я не мог, понять — тем более.

Сестра опустила на колени и принялась водить пальцами по прогнившим доскам пола — кое-где доски отошли друг от друга, между ними начала пробиваться растительность, и я понял, что привлекло внимание Дженни: она пересчитывала травинки, и от этого занятия ее уже ничто не могло отвлечь. Не я, во всяком случае. Звуки стихли, воздух был прозрачен и чист, призрака я не видел, да и откуда ему было взяться в это время суток? Призрак — существо ночное, а если является днем (слышал я и о таких случаях), то с единственной целью: забрать в мир иной

умирающего, как это случилось со старым Орвином, лежавшим на смертном одре, неожиданно воскликнувшим: «Ах, ты пришел за мной, так подойди ближе, я хочу тебя рассмотреть», и с этими словами покинувшим бренный мир.

Оставив сестру производить привычные ей подсчеты, я отправился на поиски лампы и нашел ее там, где вчера оставил — точнее, бросил от страха. Подняв лампу, я вернулся за Дженнифер, и она, на удивление спокойно позволила взять себя за руку и повести домой. По дороге она, правда, продолжала вести подсчеты, но, поскольку делала это всегда, я даже не пытался привлечь ее внимание расспросами о том, с кем она только что разговаривала и чьи слова собиралась пересказывать мне с тем, чтобы я мог оказать кому-то посильную помощь. Скорее всего, неведомая личность существовала лишь в ее воображении, но чего я все же не мог понять, так это неожиданно четких, хотя и бессмысленных, фраз, каких никогда от Дженни не слышал.

— С кем ты разговаривала в Угловом Доме? — все же задал я бесцельный вопрос, когда мы вошли во двор и я запер калитку.

Ответа, естественно, не дождался. Лампу повесил в прихожей на обычное место, но отец успел заметить ее отсутствие, и я не стану описывать, чем для меня закончился его гнев. Собственно — чем обычно, ничего нового.

Вечером я рано отправился спать — во-первых, утром мне предстояло ехать в Нью-Йорк, а во-вторых, мать с отцом, похоже, хотели о чем-то потолковать наедине. Они и Дженни отвели в ее комнату, хотя сестра сопротивлялась, но отца она все-таки не то чтобы понимала, но знала, что спорить с ним так же бессмысленно, как отвлекать саму Дженнифер от подсчетов числа крапинок на боку нашей коровы Мери.

Погружаясь в сон, я пытался понять, что все-таки произошло с Дженнифер. Неужели, думал я, в ее состоянии наметилось улучшение? Или, наоборот, ей стало хуже, и теперь она будет нести еще большую околесицу, чем раньше?

Не придя ни к какому выводу, я повернулся лицом к стене и неожиданно услышал, как скрипнуло окно в комнате Дженнифер. Она никогда прежде не открывала окно, ей было все равно, спать ли в душной комнате или на свежем воздухе, меньше всего ее заботили соображения удобства. Впрочем, ее и другие соображения заботили не больше. К тому же я был уверен, что у сестры, с ее куриными мозгами, не хватит соображения для того, чтобы отвернуть верхний и нижний шпингалеты, потом повернуть гвоздь, и только после этого толкнуть тугие рамы, которые

открывали в последний раз весной, когда матушка мыла стекла на Пасху.

Я поднялся и выглянул в окно — мое-то я всегда держал открытым, поскольку это был единственный способ общения с внешним миром после десяти вечера, когда мать запирала входную дверь и прятала ключ в карман фартука.

Я даже не удивился — не то чтобы ждал чего-то подобного, но дневные события все-таки подготовили меня к странному продолжению. Дженни перелезла через подоконник и неловко спрыгнула в траву. Тихо вскрикнула — должно быть, подвернула ногу. Да, так оно и было, потому что к калитке сестра ковыляла, прихрамывая, но уверенно, прекрасно, видимо, представляя, что собирается делать.

Я оделся за полминуты, а выбраться из окна для меня никогда не составляло проблемы. Дженнифер я догнал уже на дороге — она догадалась, что калитку нужно открыть, повернув щеколду. Может, она и раньше это знала, только виду не подавала и всегда ждала кого-нибудь, чтобы выйти погулять в поле или в лесок.

Дженнифер уже не прихрамывала, а уверенно шла почти в полной темноте по тропе, которая вела к Угловому Дому. Нетрудно было догадаться: шла она на встречу с призраком, тем, что явился прошлой ночью и, видимо, днем тоже, хотя рассудок и все, что я знал о привидениях, говорили мне об обратном.

Дженни что-то бормотала под нос, как обычно, и я расслышал что-то вроде «три миллиона двести семнадцать тысяч». Может, она просто отсчитывала секунды, подобно часам, висевшим на кухне, — Дженнифер частенько это делала, когда ей нечего было больше считать.

Угловой Дом возвышался черной громадой, и сегодня, когда я знал, с кем нам, скорее всего, предстояло встретиться, страх мой был куда более сильным, чем вчера, когда я хотя бы мог освещать себе путь, а не плестись в полном мраке, рискуя свернуть шею, споткнувшись о камень. Дженни, однако, шла, будто ее глаза, подобно кошачьим, видели в темноте так же, как при дневном освещении.

Вступив в анфиладу, Дженнифер замедлила шаг, но не остановилась. Меня она не замечала, а может, не обращала внимания, как обычно. Я действительно споткнулся и, наверно, вскрикнул, но успел выбросить вперед руки и, упав, только ободрал ладонь и ушиб колено. Было больно, но я все же поднялся и поплелся дальше.

В темноте я мог ориентироваться только по гулким шагам сестры. Она свернула в левый коридор, я шел следом, касаясь рукой стены, мы вошли в какую-то комнату с очень маленьким оконцем. Скорее всего, когда-то здесь была кладовая, одна из многих в этом доме.

Окошко мутно виднелось темным прямоугольником во мраке, который вдруг перестал быть абсолютным, потому что...

Я прислонился к стене и сполз на пол — ноги перестали меня держать. Посреди комнаты возник давешний призрак — белесый, бестелесный, будто фосфоресцирующий. Я мог даже детально рассмотреть его одежду, если это была одежда, а не что-то иное — мало ли в каком виде являются на землю привидения. Короткий камзол был чуть темнее его лица, на ногах штаны и башмаки, а может, мне это только казалось, я ведь сам мысленно дорисовывал образ этого существа. Может, он был голым, и то, что виделось мне камзолом с длинными рукавами, на самом деле — всего лишь часть его нечеловеческого тела?

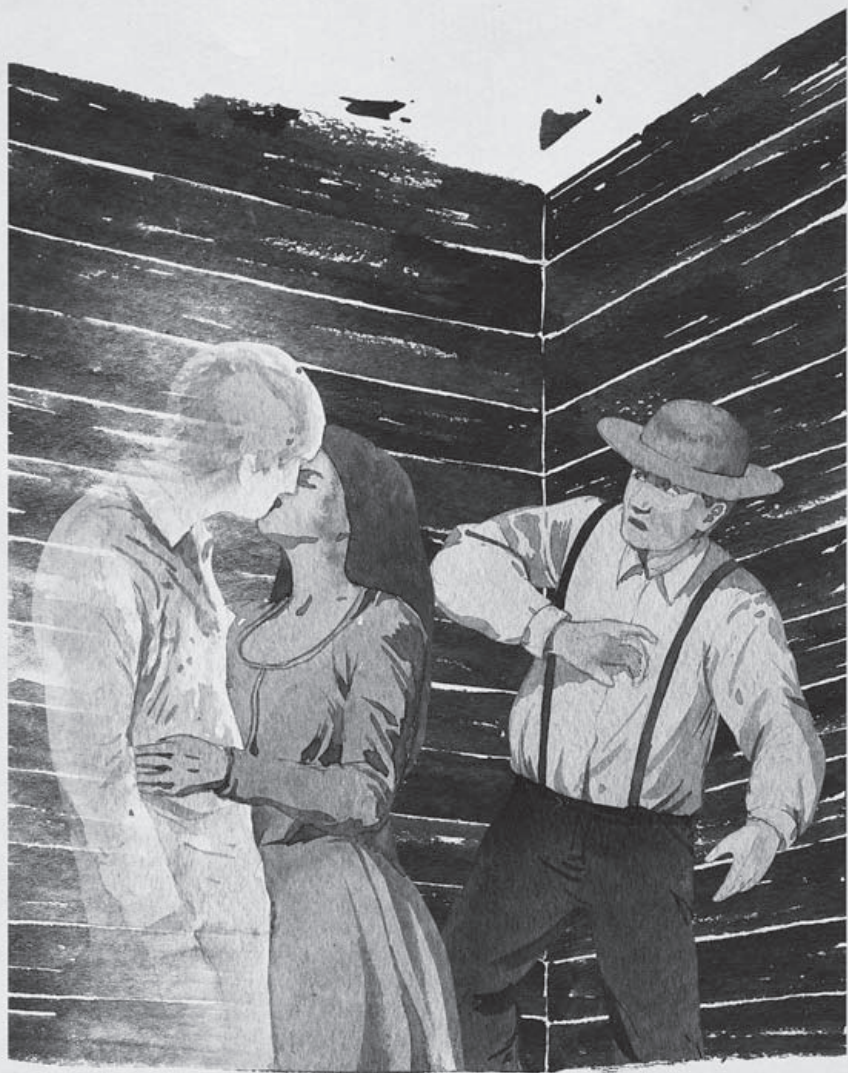
Я опять услышал тихий звук, похожий на ржавое ворчанье. Почему-то этот звук пугал больше всего, он подавлял, от него мурашки бежали по коже, и хотелось выть на луну. Луны, однако, не было, а взвыть я не успел. Дженнифер подошла к призраку почти вплотную, наполовину загородив его от меня, и сказала что-то, пытаюсь подражать гнусному голосу. Должен сказать, у нее это хорошо получилось, я и предположить не мог, что сестра способна извлекать такие звуки.

Призрак ответил ржавым голосом, Дженни тоже что-то сказала, и я понял, что между ними завязался разговор — эти два странных создания, похоже, прекрасно понимали друг друга. У сестры, наверно, заболела подвернутая нога, и она, наклонившись и потеряв рукой щиколотку, опустилась на пол. Я уже неплохо видел в темноте — впрочем, в комнате было не совсем темно, призрак своим слабым свечением если не разгонял мрак, то делал его будто более прозрачным. Я различал, хотя и с трудом, не только силуэт сестры, но и комод, стоявший у дальней от окна стены, и груду хлама в углу.

Что они говорили друг другу? Как эти два божьих создания нашли общий язык?

И вдруг я услышал слова, обращенные не к призраку, а ко мне. Я не сразу понял и пропустил что-то, возможно, важное.

— ...Буду пересказывать тебе то, что он говорит, а ты не понимаешь. Сам ты не можешь расслышать слова, верно?

— Э-э... — с трудом выдавил я и продолжил, откашливаясь: — Дженни, ты это мне?

— Конечно, — сказала сестра. — Ты же шел за мной от самого дома.

— Как ты... — Я пытался подыскать слова, которые, похоже, рассыпались по полу. — Ты понимаешь язык призраков?

— Не говори глупостей, — с неожиданным раздражением отозвалась Дженнифер. Она никогда прежде не раздражалась, никогда не говорила ни с кем таким тоном и не произносила таких слов; ее будто подменили. — Мы говорим, конечно, по-английски. У Нормана странный акцент, а некоторых слов я не понимаю, но он говорит, что и эти слова — английские, просто их еще не придумали, вот в чем на самом деле заковыка, Джон.

— Норман! — пораженно воскликнул я. — Призрака зовут Норман! Когда он тут жил? Что ему надо? Его здесь убили?

— Не говори глупостей, — повторила Дженнифер и произнесла слова, заставившие меня надолго замолчать, потому что принять это в сознание было трудно, если вообще возможно. — Норман не призрак. Он говорит, что призраков вообще не бывает, потому что нет потустороннего мира. Он из будущего. Он ведь спрашивал тебя, какое нынче число.

— Да, — буркнул я, пытаясь мысленно переварить то, что она сказала. Число он спрашивал — точнее, мне вчера показалось, что он прохрипел-пробулькал именно этот вопрос, и я на него ответил, но ничего больше не понял, в отличие от Дженни, которая не только нашла с призраком общий язык, но неожиданно обрела способность нормально говорить и со мной, а не делать вид, будто способна только считать мух и бормотать несурезицу.

— Есть вещи, — сказала Дженнифер, — которых я не знаю, потому что отец не позволил мне ходить в школу.

Еще бы отец позволил ей это! Над бедняжкой потешался бы весь класс. В городе и без того ходили разговоры о помешанной девочке, которая научилась только счету и потому считает все, что видит, а больше ни к чему не способна.

— А ты ходил в школу и даже хотел поступить в колледж. — В голосе сестры я уловил отчетливую зависть, но это могло мне показаться. — И знаешь разные вещи, о которых я не имею представления.

О, Господи! Дженнифер выражалась, как леди, а она и пары слов связать не умела!

— В общем, — решительно сказала сестра, — Норман будет говорить, а я стану пересказывать тебе его вопросы. Извини, но

некоторые слова мне не известны, и я буду произносить их, как слышу, — может, ты знаешь, о чем это он.

Норман, или как-его-там, сделал несколько шагов в мою сторону и остановился в десяти футах от меня, так что я сумел даже разглядеть кое-какие черты на его лице, будто полутени на полупрозрачной поверхности: узкий рот, широкий светлый нос, а глаза, и это выглядело ужасно, показались мне темными озерами, в которых плавало и колыхалось что-то необъяснимо жуткое — хотелось отвернуться и никогда больше не глядеть на это карикатурное подобие человека.

Ржавые звуки медленно плыли, вращались, поднимались, падали в сгустившемся воздухе. Я не утверждаю, что так было на самом деле — говорю о своих ощущениях. Мне казалось, что звуки его голоса более материальны, нежели тело, и, протянув руку, я мог бы схватить какой-нибудь ржавый звук, сжать его в кулаке и выдавить смысл. Он говорил что-то, он точно что-то произносил, я явственно видел, как шевелилась темная линия его губ — правда, совсем не в соответствии с издаваемыми звуками, что делало происходившее не просто нереальным, а невозможным.

— Почему он не уходит? — вырвалось у меня. — Что ему надо?

Дженни поднесла ко рту ладони и зашипела, будто подражая змее, я вздрогнул, так это было похоже. И — вот странно — Норман (или как-его-там) затих, губы его продолжали шевелиться, но не издавали ни звука. Неужели призрак слушал шипение Дженни и понимал его смысл, если в том был хоть какой-то смысл?

Дженнифер перестала шипеть, когда я подумал, что она никогда не закончит, и неожиданно взяла призрака за руку. Я был уверен, что ее ладонь пройдет сквозь это бесплотное создание, но случилось странное: две ладони соединились в пожатии, и — Господи, неужели это происходило на самом деле? — другой рукой Дженни коснулась лица призрака. Коснулась, я точно это видел, потому что только фигура призрака и освещала мрак, а ладонь Дженни скользнула по губам Нормана, по его щеке, по лбу, это было похоже на то, как тень Земли скользит по диску полной Луны во время затмения, — я видел такое единственный раз в жизни — четыре года назад. Призраку, похоже, понравился жест Дженнифер, он взял ладони сестры своими полупрозрачными пальцами, поднес их к темной линии рта и... Поцеловал? Я не слышал звука поцелуя, какие-то иные звуки здесь все время

рождались и умирали, поглощенные темной массой воздуха. Но я почему-то явственно, как никогда прежде, ощутил тень, след удовольствия — будто это мою руку поцеловал... нет, не призрак, а самый родной мне человек...

— Он не уходит, — сказала Дженни, не оборачиваясь, будто слова предназначались не мне, а Норману, — потому что... — она помедлила, видимо, подбирая слова, а может, прислушиваясь к тому, что неслышно для меня говорил призрак, — потому что в его задачу входит сбор данных о времени между гибелью Линкольна и инаугурацией президента Джеймса Гарфилда.

— Кого? — удивился я.

Президентом у нас был Ратерфорд Хейз, избранный полтора года назад, и, помню, я очень огорчился от того, что не мог еще голосовать. Гарфилд... Кажется, я слышал о таком политике-республиканце.

Мне очень не понравилось, как призрак касался Дженни, как она нежно провела пальцами по его лицу и, похоже, чувствовала под рукой не пустоту, а теплоту человеческой кожи.

— Спроси его, — сердито сказал я, — когда он умер, отчего?

— Он не умер, — обиженным тоном отозвалась Дженни. — Норман еще молод, почему он должен умереть?

— Но... — растерялся я. — Призраки... они...

— Глупости, — сказала Дженни и отступила. Призрак оказался прямо передо мной, я не мог оторвать взгляда от его глаз, они привязали меня к себе, будто цепью, я почувствовал, что не могу не только сделать шаг, но и ни слова не способен из себя выдать. Только слушать, смотреть...

— Глупости, — повторила сестра. — Это результат неправильной интер... — она запнулась, слово было ей не знакомо, прислушалась к чему-то и закончила: — ...претации. Интерпретации, — повторила она более уверенно.

— Вот как? — произнес я с иронией. Почему-то недавний страх сменился совсем иным ощущением: будто я присутствовал на нелепом, бессмысленном представлении, меня дурачили, а я не мог понять, каким образом из меня делали посмешище. — Неверная интерпретация? А какая интерпретация верная? Как еще можно интерпретировать появление бестелесной... — я запнулся, вспомнив, как Дженни гладила Нормана по щеке.

— Норман, — сказала Дженни, — такой же человек, как ты и я. Как мама и папа.

Подумав, добавила:

— Как мистер Брикстон и миссис Чедвик.

О да, эти двое точно были живыми людьми, а не призраками, особенно когда старый Брикстон напивался вдрызг и орал на Радушной площади песни времен Гражданской войны.

Сравнение с мистером Брикстоном меня доконало. Я понял, что происходящее недоступно осознанию, и все, что я могу сделать, — слушать, смотреть и, конечно, запомнить, чтобы потом попытаться понять.

— Норман Линдер, — сообщила Дженни, повторяя, видимо, сказанное призраком, — учится в Колумбийском университете.

— Колледже, — механически поправил я.

— Университете, — упрямо повторила Дженнифер. — На вторую степень по физике... м-м... да, по квантовой физике.

Если бы здесь было хоть немного светлее, я, возможно, увидел бы, как Дженни обернулась к Норману, но шипение я услышал точно, размазну из звуков.

— Ну да, — сказала сестра без тени сомнения. — На четвертом курсе, и у него через две недели экзамен по физике темпоральных перемещений.

— Э-э... — Происходившее выглядело настолько абсурдным, что я с трудом подбирая слова, а над смыслом и вовсе не задумывался. — Темпо... в каком смысле? И почему через две недели? — неожиданно для себя прицепился я к фразе, скорее всего, не имевшей никакого значения. — Осенью экзаменов не бывает.

— У него весна, — сказала Дженни. — Май. Две тысячи семьдесят четвертого года.

— Че-е-го?

— От Рождества господа нашего Иисуса, — добавила Дженнифер, видимо, для убедительности.

Через сто девяносто восемь лет. Число возникло в сознании — я вроде бы даже и подсчитать не успел. Ощущение, будто мне подсказали.

Стало смешно. Право, я не могу объяснить, почему, испытывая ужас перед созданием, с которым Дженни разговаривала так просто, как никогда ни с кем из родных, я неожиданно зашелся смехом, причем не вымученным, что было бы естественно в этой ситуации, а самым что ни на есть искренним.

Я хохотал, а Дженни отошла в темноту, я перестал ее видеть и остался один на один с Норманом. Призрак приблизился на расстояние вытянутой руки, и я, отсмеявшись, разглядел то, чего не мог видеть раньше. То, что я издали принимал за сюртук, оказалось при ближайшем рассмотрении чем-то вроде рубахи без разреза спереди и без пуговиц. Я никогда прежде не видел такой

одежды, больше всего это подобие рубахи напоминало женскую ночную сорочку, только не такую длинную, конечно.

И на полупрозрачном одеянии более темным, едва отличимым от белесого фона, будто маленькие долгоязыие облачка на сером предрассветном небе, явственно — сейчас явственно, потому что я обратил внимание, а на более далеком расстоянии совершенно неразличимые — проступали слова, написанные готическими буквами:

*«Колумбийский университет
2073-2074*

В свете твоём увидим свет»

Мне некуда было отступать, я упирался спиной в стену. Мне некуда было бежать — я уже не помнил, где здесь выход. Мне опять стало не до смеха, но и прежнего ужаса я не испытывал. Навалилось ощущение безнадежности, мне стало все равно, и, пожалуй, если и было нечто, меня хоть немного беспокоившее, это судьба Дженнифер, хотя о ней-то, наверно, беспокоиться не стоило. Сестра подошла, возникнув из мрака и встав между мной и призраком, взяла его под руку — да-да, и рука ее не прошла насквозь, я мог в этом поклясться! — и сказала, обращаясь, кажется, к нам обоим:

— Все хорошо. Все хорошо.

Конечно. Ведь мы увидим свет, я его уже увидел! Этот девиз был начертан в холле Колумбийского колледжа почти с самого основания заведения, открытого согласно хартии короля Англии Георга II.

Я схватил сестру за руку (другой рукой она обнимала призрака за талию, и ему это нравилось, во всяком случае, он не делал попыток вырваться).

— Пойдем, — сказал я. — Ты слышишь меня? Нужно идти.

Я не был уверен, что Дженни меня слышала. Она, кажется, прислушивалась к опять возникшему шипению и шуршанию, а призрак склонился к сестре, и впечатление было таким, будто он что-то нашептывал ей на ухо.

— Пойдем, — повторил я и потянул Дженнифер за собой.

Она вырвала руку и сказала:

— Джон, подожди! Я должна тебе сказать. То есть, сказать хочет Норман, но без меня ты его не поймешь. Так что помолчи, хорошо?

Дженни держала призрака за руку, я держал за руку Дженни, мы стояли странной скульптурной группой, пока Норман что-то шипел, а сестра, будто заведенная, повторяла, пересказывала

или переводила (не знаю, как точнее выразиться), наверняка не понимая и половины слов, которые произносила. А я понимал? Многие слова и для меня были звуками, лишенными смысла, я уверен был лишь в том, что правильно их запомнил...

— Я учусь на физическом факультете, — говорила Дженнифер, прислушиваясь к шелесту, шорохам, скрежету и завываниям. — Изучаю физику времени, но не теоретически, как мои коллеги с кафедры квантовой физики, а экспериментально. Делаю курсовую работу по американской истории между Гражданской и Мексиканской войнами.

Дженнифер произносила слова так, будто с младенчества знала, что такое физика, которая... я запомнил произнесенное ею слово, но что-то подсказывало мне, что Дженни не смогла повторить его правильно. И еще: о Мексиканской войне... Не было такой войны, что за странное название?

Я хотел прервать ее, подозревая, что сестре было трудно воспроизводить слова, недоступные ее пониманию. Даже слово «электричество» было почти невозможно заставить Дженни произнести. Отец пытался, когда прочитал в газетах, как молния убила трех коров и мальчишку-пастуха. Я не хотел, чтобы Дженнифер мучилась — потом это отразится на нас, ее близких; приступы безумия надолго выбивали всех из колеи, — и я открыл рот, чтобы сказать: «Хватит, замолчи!», но — о, ужас! — не смог выдать ни звука. Какая-то сила лишила меня дара речи и приковала к месту — я только и мог стоять столбом, слушая странные речи сестры, которые, как я понимал, были на самом деле речами призрака.

— Я не стану рассказывать, как устроена машина времени, это долго, и ты, Дженни (Господи, он уже называл сестру по имени и на «ты»!), не сможешь повторить мои слова так, как они звучат на самом деле, да и брат твой не поймет принцип, открытый два столетия спустя после его рождения.

Что-то я, наверно, все-таки выкрикнул или, может, прошептал: Дженни запнулась, не договорив фразу, я не мог видеть в темноте ее лица, а призрак Нормана приник к темному силуэту Дженнифер, будто ореол возник рядом с ее фигурой. Неужели Дженни ощущала его теплым живым человеком, а не холодным и полупрозрачным существом не нашего мира?

— Все хорошо, — сказала Дженнифер чужим голосом: тепло, заботливо, участливо. У меня слезы навернулись на глаза: так говорила со мной только матушка, да и то очень давно, когда мне было три или четыре года и я боялся спать в темной

комнате. Мама садилась у изголовья и пела песенку о трех овечках, отбившихся от стада. Припевом были слова: «Все хорошо, все будет хорошо», но все хорошо не было, никогда не бывает все хорошо...

— Да, — пробормотал я. Фигура Нормана отделилась от Дженни, отошла на шаг и что-то опять прошипела, а сестра, будто в нее взошел дух (Может быть! Неужели призраку удалось овладеть ее сознанием? Бедняжка...), продолжала говорить, и мне ничего не оставалось, как только слушать и напоминать. Запоминать, не понимая, потому что смысла в этих речах было не больше, чем в бреде нашего городского сумасшедшего, Роузена, свалившегося года три назад с водонапорной башни и с тех пор болтавшего вздор.

— Мы, я говорю о нашем факультете, занимаемся проблемой ветвления исторических событий. Это, если хотите знать, самая важная часть темпорологии, поскольку историки до сих пор уверены, будто история не имеет сослагательного наклонения. Это заблуждение! Мироздание ветвится, каждое физическое явление имеет множество равно реализуемых следствий. Тогда и причин у каждого явления может быть множество — сотни, миллионы! — и каждая причина суть реально физически существующая ветвь мироздания! Отправляя в прошлое темпонавта, мы, экспериментаторы, не можем сконцентрировать его в одной, тем более заранее выбранной, ветви. Темпонавт — и это доказывает существование ветвления в прошлое — попадает одновременно (если можно использовать такой эвфемизм) во все миры, существовавшие в прошлом и ставшие причинами возникновения нашего конкретного настоящего.

Более невнятной речи я в жизни не слыхивал, если, конечно, не считать предвыборной риторики нашего нынешнего шерифа. Тот говорил еще более непонятно, потому его и выбрали — в противовес Мозеру, который только повторял: «Выберите меня, и я уничтожу Дайтона!» Каждый дурак в городе знал, что уничтожить Дайтона не сможет никто, во-первых, потому что у него свой человек на Капитолийском холме, а во-вторых, потому что Дайтон держал в руках и Мозера, поскольку был женат на его племяннице.

Призрак попытался встать между мной и Дженнифер, но сестра отодвинула его движением руки — я видел, как она это сделала: взяла за локоть и толкнула, он чуть не упал, едва на ногах удержался. Призрак! Бесплотное создание! Чудеса...

И шипение...

— Я просто хочу объяснить, почему вы приняли меня за привидение. Не утверждаю, что все призраки имеют такое же происхождение, хотя подозреваю, что так оно и есть — не нужно придумывать сущностей сверх необходимого. К тому же в загробный мир и в нематериальных призраков верят только невежды...

Однако! Если это существо явилось не из мира мертвых... Впрочем, Дженнифер говорила и говорила, иногда лишь на мгновение останавливаясь, чтобы перевести дух и, похоже, прислушаться к чему-то, сказанному Норманом.

— Представьте себе: вы отправляетесь в прошлое на машине времени. Но прошлых, которые привели к вашему настоящему, миллионы — как множество корней, ведущих к одному стволу. Решая квантовые уравнения, теоретики из Принстона и Шанхая доказали, что путешественник во времени (в прошлое или будущее — без разницы, поскольку ведь и будущее ветвится) «размывается» по всем ветвям альтерверса, и в каждой ветви присутствует тем менее материально, чем на большее число ветвей разделилось его прошлое.

Что он говорил? Уже потом, лежа в постели без сна, слыша в соседней комнате похрапывание отца, я пытался повторить и, главное, понять сказанное призраком. Повторить — да, мог, я был уверен, что запомнил каждое слово. Запомнить-то запомнил и повторить мог хоть перед судом присяжных, представляется такая возможность, и, если бы потребовалось, на Библии поклялся бы, что все запомнил правильно. Но смысл ни единой услышанной фразы не был мне понятен. Это удручало меня и заставляло повторять мысленно слово за словом в надежде, что в какой-то момент мне станет понятно, о чем толковал призрак. Так однажды, повторяя строки из книги Бенджамина Франклина о молниях, я начал понимать, что хотел поведать миру этот удивительный человек.

«В загробный мир верят только невежды», — сказал призрак, и это было самое удивительное, что я слышал в ту ночь и что мог понять своим куцым умом. И вот что еще сказал Норман, обняв за плечи мою сестру, а она — что удивительно! — и не думала сопротивляться (я представил, как сам крутился бы ужом, стараясь избавиться от этих отвратительных объятий), приникла к груди кошмарного создания и говорила за него своим звонким голосом, отражавшимся от стен и создававшим эхо, будто специально для того, чтобы слова, повторяясь, проникали глубже в мое застывшее сознание.

— Теория без экспериментальной проверки не может считаться доказанной, даже если весь ученый мир уверен в ее правильности. Никто из теоретиков полтора столетия назад не сомневался в справедливости общей теории относительности, но все же, если бы сэр Эддингтон не обнаружил отклонение звездного луча вблизи Солнца во время затмения тысяча девятьсот девятнадцатого года, разве мог кто-нибудь утверждать, что Эйнштейн прав, и пространство подобно туго натянутому полотну, в котором движутся тяжелые шары звезд и планет?

Удивительно, как у Дженнифер поворачивался язык выговаривать эту ахинею! Она неожиданно замолчала, и в следующее мгновение произошло нечто, повергшее меня в состояние не то чтобы ужаса — подобного чувства, способного заставить человека совершать безумные поступки, я уже не испытывал, будто внутри меня сгорело нечто, а оставшиеся угли не способны были вызвать сильных эмоций, и потому не ужас, как следовало ожидать, сковал мои члены, а некая оторопь: на моих глазах призрак сильными движениями рук (я видел, как сопротивлялась сестра, будучи девушкой честной и непорочной) привлек Дженнифер к своей полупрозрачной груди, сквозь которую смутно видна была дальняя, погруженная во мрак, стена, приподняв правой рукой ее подбородок и — о, Господи! — впился белесыми, отвратительными губами в губы моей сестры, и что меня поразило более всего, — Дженни без признаков протеста ответила на кощунственный поцелуй, и два тела, темное, девичье, и блекло-серое, мужское, слились в единое целое, страстное и безумное в своей непостижимой откровенности. Их единство и устремленность друг к другу были так же ясны, как неясен и скрыт оставался смысл речей Нормана.

Не могу сказать, сколько прошло времени, пока я в ступоре таращился на это зрелище. В какое-то мгновение мелькнула у меня мысль: что если сейчас сюда явится отец? Вполне возможно, что он, проснувшись и отправившись на кухню, чтобы напиться, обнаружил отсутствие мое и, главное, сестры в своих постелях и, недолго думая, бросился на поиски.

Все-таки странные мысли приходят человеку в голову, когда он находится в чрезвычайно непривычной для себя ситуации. Я даже оглянулся — мне послышался в ночной тишине грозный далекий отцовский крик. Померещилось. Но не померещился поцелуй, длившийся, как мне показалось, вечность.

— Эй! — то ли выкрикнул, то ли прошептал я, и, преодолев не страх, а ступор, шагнул вперед и схватил Дженнифер за

плечо. Никогда прежде я не позволял себе такого грубого жеста, сестра была очень чувствительна к прикосновениям, она и материнских ласк сторонилась, желая остаться одной в своем мирке, мало соприкасавшемся с реальностью.

Дженни дернула плечом, ладонь моя соскользнула, и рука прошла сквозь тело призрака — конечно, могло ли быть иначе? — на что Норман не отреагировал.

Поцелуй все же прервался, и парочка стояла, обнявшись и поедая друг друга взглядами.

— Эй! — повторил я. Других слов у меня не то чтобы не было, но они застряли у меня в горле, а произнесенное вызывает ощущение удушья, будто звуки, слипшись, не позволяют вздохнуть.

Призрак что-то тихо шипел, бубнил и порывивал, и, что самое странное, Дженнифер не только вполне его понимала, но и отвечала теми же звуками, которые казались мне не от мира сего, настолько они были нечеловеческими, варварскими, да просто нелепыми.

— Эй! — повторил я третий раз, и только тогда Дженни меня услышала, а может, просто вспомнила о моем присутствии. Неожиданно не только для меня, но и для призрака, покачнувшегося и едва удержавшегося на ногах, Дженнифер оттолкнула Нормана, и ее темный силуэт бросился в сторону, где была дверь в анфиладу, по которой мы попали в эту комнату. Естественно, я последовал за сестрой, тут же обо что-то споткнулся, но сумел удержаться на ногах. Призрак остался сзади — он, похоже, не собирался (и слава Богу!) следовать за нами, и мы — Дженнифер впереди, я следом — в почти полной темноте бежали (бежали? Скорее пробирались, нащупывая руками стены) из проклятого дома наружу, в ночь, где светили звезды, а со стороны Ратушной площади доносились тихие разговоры, казавшиеся громкими в ночной тишине.

Дома все спали. Из комнаты родителей доносился громкий храп, и я возблагодарил Бога за то, что Он не позволил отцу проснуться среди ночи. Сейчас я прекрасно представлял себе, что до конца этой истории еще далеко, и Дженнифер еще не раз покажет, на что способна, и что она совсем не такая убогая, какой выглядела и какой все ее считали. Девушка, без запинки выговаривающая такие странные слова, как «экспериментальная проверка» и «общая теория относительности», что бы эта абракадабра ни означала...

Я хотел помочь Дженнифер взобраться на подоконник, но изумлению моему в ту ночь суждено было продолжиться: сестра

подтянулась обеими руками и перевалилась в комнату, не произведя при этом никакого шума. Даже я не сумел бы проделать это так ловко, что и продемонстрировал минуту спустя, с грохотом повалившись на пол после того, как больно ударился локтем о раскрытую раму.

За стеной послышалось движение — должно быть, отец если и не проснулся, то что-то услышал во сне и принялся ворочаться с боку на бок.

Через минуту все стихло. Тихо было и в комнате Дженнифер. Я быстро разделся и попытался уснуть, но сна не было ни в одном глазу, и весь остаток ночи я провел, вспоминая полупрозрачное, с огромными глазами, лицо призрака, тень сестры, потянувшуюся к нему, чтобы погладить ладонью нематериальную щеку, и странный, необъяснимый, волнующий поцелуй, которому я сейчас завидовал белой завистью, понимая, что никакие мои поцелуйчики с соседскими девочками и близко не шли в сравнение с этим проявлением истинной страсти.

До восхода солнца я вспоминал, забывал, вспоминал вновь и старался запомнить слова, произнесенные Дженнифер, а ей подсказанные Норманом, студентом колледжа, который он почему-то называл университетом, и я не то чтобы верил каждому слову, но подозревал, что от веры моей или неверия ничего не зависит. Что есть, то есть. Что произошло, того не изменишь. А будущее...

С будущим мне пришлось столкнуться на следующую ночь, и, засыпая утром под первыми лучами восходившего солнца, я не подозревал ни о чем и воображал, что мои и Дженнифер приключения закончились...

* * *

Не выспавшись и чувствуя себя побитым, я отправился в Нью-Йорк, в адвокатскую контору «Пэн и Сточер», которая вела дела отцовской фирмы. Старший Пэн, по мысли отца, должен был стать моим наставником на адвокатском поприще, которое не столько не соответствовало моей натуре, сколько моя натура не была приспособлена к этому виду деятельности. Мистер Пэн прекрасно это понимал, он знал людей, а будучи знаком с моим отцом с юных лет, неоднократно предупреждал его (я так полагаю, хотя отец никогда не говорил об этом) о бесполезности моего приобщения к миру юридических формулировок и казусов. Возможно, не без влияния мистера Пэна отец согласился с тем,

чтобы я остался в Глен Ридже и помогал ему в деле, которым он занимался всю жизнь, но, по моим наблюдениям, все же недолгоблывал, полагая для себя лучшей долей именно адвокатуру, закрытую для него в молодые годы в силу того, что ему нужно было не об учебе думать, а содержать семью после смерти родителей.

Мы хорошо поговорили со старым Пэном и с молодым Сточером перекинулись парой слов, пока клерк готовил для подписи документы. Перекусил я в закусочной у Моррисона на семьдесят второй улице и возвращался под вечер домой в прекрасном настроении. Необычное оживление на нашей Уайлдвуд-Террас заставило меня вернуться в реальность из мира грез, в котором я пребывал всю дорогу.

— Джон! — окликнула меня из своего окна миссис Чедвик, только я свернул к нашему дому. — Поворачивай коляску к Ратуше! Твой отец там и все мужчины!

— Что случилось? — спросил я, предчувствуя уже, что услышу.

— Дженнифер пропала! — выпалила миссис Чедвик. — Около полудня вышла со двора, и с тех пор ее никто не видел! Видимо, пошла в лес и заблудилась. Она любит считать всякую чепуху, а в лесу нынче цветов полно, есть что пересчитывать. Ей на весь век хватит, вот только бедняжка не соображает...

Я не стал слушать, что думает соседка об умственных способностях Дженни и, поставив коляску в сарай, а лошадь в конюшню, забежал на минуту домой, где застал матушку, рыдающую у окна в кухне. Не стал я слушать и ее причитаний, в которых никогда не было ни здравого смысла, ни сколько-нибудь умной мысли, и, схватив лежавший на столе пирожок (даже в эти часы мать продолжала выполнять обычную работу — кормить-то все равно надо), бросился со двора — не к площади, где, по словам миссис Чедвик, шериф устроил сборный пункт, а в противоположную сторону — к Угловому Дому.

Солнце стояло еще довольно высоко, и строение выглядело очень мирным, с увитым плющом фасадом. К моему разочарованию, в зале, где вчера Дженни целовалась с призраком, ничего не было. Неужели я ошибся? Нет! Странное журчанье послышалось то ли из соседней комнаты, то ли снаружи — отражаясь от стен, звуки создавали распадавшееся эхо, будто разговор, разорванный на мелкие клочки, которые невозможно соединить правильно.

Я осторожно направился в соседнюю комнату. Здесь было небольшое окошко, выходившее на восточную сторону,

и солнечный свет сюда не проникал, а потому в полумраке было трудно ориентироваться. Дженнифер стояла на коленях лицом к дальней стене, а призрака я сразу не заметил — он-то и издавал звуки, напоминавшие журчанье. Приглядевшись, я понял, что Норман тоже стоит на коленях и держит руки Дженнифер в своих. Похоже, эти двое только что целовались, а может, занимались еще чем-то, но я отогнал от себя недостойную мысль — не знаю, как она вообще могла прийти мне в голову.

На сестре было ее лучшее платье — зеленое, в оборочку, с отложным воротом, — которое она, несмотря на свою умственную убогость, сумела выбрать среди вороха тряпья в своем шкафу. Призрак, насколько я мог судить, едва различая его белесую фигуру, тоже был сегодня при параде — угадывались контуры то ли длинного сюртука, то ли пальто, поди пойми на самом деле, но на голове у него была то ли шляпа с узкими полями, то ли (так мне показалось) перевернутая кастрюля без ручек.

И они разговаривали. Было так странно это слышать и видеть, что я застыл в дверном проеме, и все застыло вокруг, будто Дженни с Норманом были актерами на подмостках удивительной сцены, а я — единственным зрителем.

Норман журчал ручьем, Дженнифер тихо нашептывала, звуки казались призрачными, но для них двоих были настоящими и реальными, — скорее они меня воспринимали призрачным существом, мешавшим им познавать радость общения.

Я прислушался, но не понял не только ни единого слова, но даже того, говорили ли они или мурлыкали, как два довольных друг другом котенка.

И что было делать? Шериф, отец и другие мужчины не найдут Дженнифер в лесу, потратят на поиски вечер и всю ночь... Нужно как можно быстрее вернуть сестру домой, притом исхитриться сделать так, будто она пришла сама, не помня, куда ходила. Последнее было нетрудно, никто бы и допытываться не стал, прекрасно зная, что вопросами от Дженнифер толку не добиться. Но как доставить ее домой незаметно, ведь около ворот и во дворе наверняка собрались женщины, бросившие домашние дела ради возможности почесать языками и перемыть косточки не только пропавшей девушке, но и всему населению Глен Риджа.

Я взял сестру за руку, причем не мог не коснуться Нормана, прижимавшегося к Дженнифер всем своим призрачным телом. Рука моя прошла сквозь руку призрака, но он был так занят беседой, что не обратил на меня внимания. И лишь когда я потащил Дженни к двери, оба поняли наконец, что находятся здесь

не одни, — и хорошо, что это был я, а если бы их нашли шериф с компанией?

В тот момент я решил, что призрак, явившись, конечно, не из будущего, а с того света, хочет забрать с собой Дженнифер, как Мефистофель в книге Гёте пытался унести на небеса душу Фауста. А поскольку забрать потусторонние силы могли только душу, я с неодолимой ясностью осознал, какая смертельная опасность грозила Дженни.

Осознав это, я потянул сестру прочь из Углового Дома, чуть не вывернув ей руку, а она сопротивлялась, причем молча, что меня тоже поразило: неужели понимала, что криком привлечет внимание, и сюда нагрянет все мужское население Глен Риджа?

Я оглянулся: призрак стоял посреди комнаты, едва видимый в полумраке, он воздел руки к небу, призывая, должно быть, на помощь силы небесные, и я услышал шипение, на этот раз настолько громкое, что мне заложило уши. Я споткнулся, Дженни вывалилась, бросилась назад и, обняв призрака, громко сказала:

— Ты выслушаешь Нормана, Джон, а потом я тебе скажу, как ты глуп и ничего не понимаешь в жизни.

Надо же, и это говорила Дженнифер, вообще не представлявшая, что в жизни можно делать много всякого, кроме как считать бабочек, облака, тарелки, коров, звезды, бревна и вообще все, что поддавалось счету.

— Я люблю Нормана, — сказала Дженни, а призрак подтвердил эти слова кивком полупрозрачной головы, прошипев что-то, возможно, означавшее: «Я тоже ее люблю».

— Норман — единственный, кто понимает меня.

С этим я не мог спорить. Очевидно: только присутствие призрака каким-то непостижимым образом позволяло Дженнифер разговаривать, будто она была нормальной девушкой и даже более того — умной, поскольку могла выговаривать слова, которые не понимал я, имевший все-таки какое-никакое, но образование. Если Нормана не было рядом, Дженни возвращалась в свое обычное состояние.

Дженнифер говорила, а призрак, обняв ее за плечи, подсказывал слова гнусным шипением.

— Наши теоретики об этой возможности говорили еще за несколько лет до того, как была сконструирована первая темпоральная машина. Движение во времени — квантовый процесс, вот почему все попытки создать такую машину на основании классических представлений о сущности времени не приносили успеха. Общим мнением было, что движение вспять во времени

или невозможно, поскольку приводит к неустрашимым парадоксам, или возможно, но требует энергетических затрат, равных полной энергии Вселенной, что, как вы понимаете, тоже делало невозможным всякое смещение вспять во времени.

«Как вы понимаете!» Слова эти в устах Дженнифер были так же безумны, как темпоральная машина, о которой толковал призрак устами сестры, сделав ее своей марионеткой. Он воображал, что читает лекцию? Кому? Он понимал вообще, что находится не в потустороннем университете, а в заброшенном доме в Глен Ридже, штат Нью-Джерси?

Мысли мои на какое-то время смешались, и я пропустил что-то из речи призрака, озвученной Дженнифер с «мастерством» актера, плохо заучившего роль и внимательно слушавшего подсказку суфлера.

— ...и решается в уравнениях квантовой физики, — продолжала между тем Дженни, тщательно проговаривая слова, не существовавшие в языке Шекспира, Диккенса и Лонгфелло. — Только тогда и удалось разрешить сразу две проблемы — перемещений вспять во времени и темного вещества, заполняющего Вселенную.

— Дженни, — сказал я, заполнив возникшую паузу (сестра обернулась к призраку и страстно — так мне показалось — поцеловала его в губы, а призрак обнял ее обеими едва видными, но для Дженнифер, очевидно, сильными руками, привлек к себе, и поцелуй, недопустимый никакими житейскими установлениями, длился столько, что я успел начать, продолжить и закончить фразу). — Дженни, пожалуйста, пойдем со мной, нужно вернуться домой раньше, чем отец с шерифом и мужчины, отправившиеся на твои поиски. Ты не понимаешь, что может произойти, если они, не найдя тебя в лесу, станут обшаривать каждый заброшенный дом в окрестности и непременно будут здесь. Дженни!

Она оторвалась наконец от холодных и скользких (могу себе представить!) губ кошмарного существа, которое сразу же начало опять издавать шипящие, скулящие и стонущие звуки, в которых не было ничего человеческого. Дженни даже не подумала отвергнуть его объятия, только голову повернула в мою сторону, но в глаза не смотрела. По-моему, она меня и не видела, а только произносила слова, складывавшиеся в ее сознании из призрачного шипения и свиста.

— Каждому известно, что результат чего бы то ни было можно получить множеством разных способов. Вот вы поднялись утром с постели в дурном расположении духа. Вы могли ночь не

спать, думая о прошлой вечеринке. Могли спать без задних ног, и дурное ваше расположение возникло исключительно по причине того, что ванная занята соседом по квартире. Вы могли прийти домой под утро и не успеть еще лечь в постель. Могли вечером читать книгу или играть с друзьями в «Джугарбу-девять», или стоять весь вечер у окна, глядя на звезды. Вы понимаете меня? Все эти варианты вашего прошлого могли привести к одному и тому же результату: дурному настроению поутру. Уравнения квантовой физики утверждают, что, если многовариантно будущее, то и прошлое многовариантно не менее, а то и более — в оценках числа ветвлений реального мира в прошлое наши теоретики разошлись на три порядка, и проверить их расчеты можно было только экспериментом.

Слишком много слов...

— Дженни, — я попытался взять ее за руку и опять потерпел неудачу. Дженнифер отбросила мою руку с такой силой, что я едва удержался на ногах, и сделала жест, невозможный для девушки ее положения и возраста: положила руку призраку на бедро и заговорила, на меня по-прежнему не глядя:

— Вот и получилось то, что получилось, — сказала сестра. — Так разрешаются, оказывается, все парадоксы путешествий в прошлое. Вы можете выбирать будущее, но прошлое вы выбрать не можете и потому оказываетесь сразу во всех случившихся вариантах мироздания. Чем больше таких вариантов (а их на самом деле почти бесконечно много!), тем меньше ваше реальное присутствие в каждом из них. Тем меньше вы можете взаимодействовать с тем физическим миром, в каком оказались. Темное вещество во Вселенной, составляющее четверть ее массы, — это вещество, попавшее в прошлое. Оно очень слабо взаимодействует с обычным веществом. Так и путешественник в прошлое — подобно темному веществу, он почти невидим, неосязаем, он не может на прошлое влиять, и прошлое не способно влиять на него.

Как ни был я шокирован происходившим, как ни был способен совершить хоть какое-то действие, я все же понял неожиданно для себя одну простую вещь, которую, возможно, и хотел призрак изложить мне столь экстравагантным способом.

Для этого Нормана я был так же нереален и прозрачен, как он для меня. Значит, и дом этот, и стены, и весь город, и леса, и люди — все-все-все было для него призрачно и проницаемо.

Кроме Дженнифер.

«Слабое взаимодействие с реальностью», — сказал он. Именно. Сестра так слабо взаимодействовала со всем окружением,

что не могла понять смысла и необходимости большинства поступков, совершаемых обычными людьми. Она уходила от реальности, считая деревья, птиц, облака, посуду, окна, число картинок в книге и число книг на полке. Она жила не в реальном мире, а в каком-то своем. Может, поэтому Норман оказался для нее человеком во плоти.

— Эй, — сказал я, понимая уже, к чему могут привести эти объятия, этот поцелуй и эта речь, будто Дженни и Норман стали единым существом в своем мире, для них таком же реальном, как для меня башмак на правой ноге, начавший неожиданно жать, будто стал на номер меньше. — Эй, извини, друг (я говорил сестре и был уверен, что она передаст мои слова своему приятелю — не переведет, а именно передаст, потому что говорили мы все трое, конечно, на английском, но призрак не мог воспринимать обычные звуки, его уши, как он сам сказал, слишком слабо... хе-хе... взаимодействовали с реальностью, а я воспринимал как шипение и свист обычную английскую речь этого жуткого создания).

— Извини, друг, — сказал я. — Если Дженнифер сейчас же не вернется домой, могут произойти неприятности. Для тебя, кстати, тоже.

Я услышал на улице шум и громкие возгласы — похоже было, что мужчины возвращались, возбужденные и уверенные в том, что Дженнифер постигла ужасная судьба. И если прежде они искали заблудившуюся и ничего в жизни не понимавшую девушку, то сейчас возьмут ружья и отправятся искать убийцу и насильника. Искать будут везде — и Угловой Дом не обойдут своим вниманием.

Поздно уже было выбирать — шум на улице нарастал, толпа мужчин как раз сейчас проходила под окнами. А когда они пройдут... Нам с Дженни все равно нельзя будет сразу возвращаться домой: прямо в руки разъяренному отцу и шерифу, который, конечно, начнет вытряхивать из меня душу — где, почему, зачем, как... Если же Дженни вернется одна, ее запрут в комнате, но, по крайней мере, не станут приставать с идиотскими вопросами — что взять со слабоумной? По всему получалось, что мне следовало отвести Дженнифер туда, откуда она одна могла бы прийти до дома. А самому сделать ноги — может, даже съездить в Нью-Йорк, чтобы, вернувшись, делать вид, будто я не в курсе происшедшего.

Не годилось. Меня увидят, когда я стану садиться в дилижанс. Что ж, поскольку другого выхода не было...

Я крепко ухватил Дженнифер за локоть и сказал:
— Пойдем домой, сестренка. Нас... тебя там ждут.

Легче было двинуть с места городскую водонапорную башню. Я и не подозревал, что в тщедушной девушке столько силы — не духовной, а самой что ни на есть физической. Все внимание сестры было приковано к призраку — должно быть, именно Норман передал Дженни что-то вроде своей призрачной энергии.

— Если тебя... нас обоих... застанут здесь, а скоро шериф с компанией станут обшаривать каждый дом, можешь не сомневаться, беды не миновать.

Дженни оттолкнула мою руку, и я от неожиданности (не ожидал толчка такой силы!) повалился на пол, крепко приложился локтем и затылком, взвыл от боли и, пока поднимался на ноги, успел увидеть, как Дженни медленно удаляется в сторону внутренних комнат, где не было окон. Шла она неуверенно, будто не видела ничего перед собой, и могла в любой момент споткнуться, как я... Слабый ореол — Норман — рядом с Дженнифер становился все менее заметен, будто угасал на глазах.

Я поднялся наконец на ноги и бросился следом.

— Джон, — сказала Дженнифер, не оборачиваясь. — Джон, пойми простую вещь. Я не могу без Нормана. Когда мы рядом, когда мы держим друг друга за руки, когда мы одно целое... ты понимаешь, что я хочу сказать, Джон, верно? Тогда мир расцветает для меня всеми красками, даже такими, какие тебе недоступны. Ты не видишь, какое сейчас над нами изумительное небо — сколько света, звезд, туманных пятен, сколько во всем этом жизни!

Господи, да она окончательно спятила со своим ужасным Норманом! Небо! Звезды! Над нашими головами был потолок комнаты, на котором, присмотревшись, можно было увидеть очень слабое туманное отражение призрачного свечения — не более.

— Ты не сможешь с ним уйти! — воскликнул я, вспоминая пересказанные сестрой слова призрака.

— Я попробую, — просто сказала Дженнифер и ушла в черноту. Призрачный свет мигнул и тоже пропал, а я не то чтобы не в силах был сделать шаг, я боялся увидеть, что могло происходить в соседней комнате, казавшейся мне входом в потусторонний мир.

Я все-таки сделал шаг. Вошел в комнату без окон. Сначала не увидел ничего. Потом вспыхнули звезды — будто действительно исчез потолок, и сверху низвергся весь свет мироздания,

от которого я ослеп, как слепнешь, посмотрев на солнце. А когда я вновь получил возможность видеть и глаза привыкли к темноте, я разглядел белесую и печальную фигуру призрака, на фоне которой стоявшая на коленях Дженнифер представлялась тенью самой себя.

И в этот момент шелест и посвистывание сложились в осмысленную речь, которую я, хотя и с трудом, пропуская отдельные слова, различал, как и тихий плач сестры, осознавшей в тот ужасный для нее миг, что любовь, неожиданно ею найденная, уходит — и не потому, что милый предает ее ради другой женщины. Нет, он равно несчастен и хотел бы остаться и провести с Дженнифер жизнь, потому что... я понимал это... потому что только вдвоем они были в этом мире полноценным существом, дополняли друг друга. Норман был всего лишь бесплотным призраком, а Дженни — всего лишь недоразвитой девушкой, не способной воспринимать реальность такой, какой ее вижу я, матушка, отец, шериф и все другие, живущие полноценной жизнью.

— Норман, — молила Дженнифер, — пожалуйста, не уходи, ведь мы одно целое. Я могу считать до миллиона и больше, но сейчас я досчитала до двух и поняла, что это конец счету. Моему счету в жизни. Ты понимаешь?

Мне показалось, что она обращалась ко мне, но это было не так, и ответ Нормана я расслышал, непостижимым образом соединив в уме свистящие звуки с тихим шуршанием, постукивания со звоном в ушах — как при первой нашей встрече, когда понял, что призрак спрашивал меня о дате.

А может, я слышал, как сестра тихо повторяла за Норманом, и ее голос, искаженный страхом, звучал у меня в ушах?

— Милая, хорошая, родная моя, единственная, — говорил призрак, поднимая Дженнифер с колен, прижавшись к ней всем телом, обняв ее и крепко (я видел это!) сжав ладонями ее щеки. — Мы не сможем быть вместе, понимаешь? Я вернусь в свое время, я не могу остаться и не могу объяснить почему, ты не поймешь, не потому что ты глупенькая, но у вас и слов таких нет, чтобы объяснить, я говорил твоему брату о темном веществе, ты думаешь, он что-то понял, а ведь он далеко не глуп, и разве ты сможешь жить с человеком, которого только ты и воспринимаешь, как существо из плоти и крови, а для остальных — вот стоит твой брат — я призрак, привидение, бесплотное создание ада, я люблю тебя, и так бесконечно жаль, что мы встретились здесь и сейчас, и ты оказалась единственной, кто меня ощутил, услышал...

Его речь текла, как непрерывный нечеловеческий вопль, я совсем не уверен, что все понял правильно. Возможно, я пытался осознать, что происходило в душе сестры и в душе этого нечеловеческого создания (если у него была душа, на что я, конечно, надеялся), и слова, которые я слышал, были всего лишь отражением от стен комнаты моих собственных слов, звучавших в моей душе, потому что и я был в какой-то мере подобен Дженнифер — ведь и для меня реальность была не так уж важна, я больше жил своими мыслями и, может, поэтому единственный в семье хоть как-то понимал Дженни, сочувствовал ей и, как это ни кощунственно звучало даже в моем восприятии, молил о том, чтобы ей удалось невозможное, чтобы она смогла уйти с Норманом туда, откуда он пришел. Не в ад, конечно, теперь я не верил, но просто знал, что пришел Норман из будущего, из две тысячи семьдесят четвертого года.

Я и о себе сейчас знал, что в одном моем прошлом окончил Колумбийский колледж, но не стал работать в адвокатской конторе и вернулся в Глен Ридж, чтобы не разлучаться с Дженни, а в другом моем прошлом я упал с лошади, когда мне было четырнадцать, нога долго не заживала, и я только недавно перестал хромать, а в третьем моем прошлом я женился на Кларе, девчонке с соседней улицы, но прожили мы с ней всего три месяца и расстались, а еще в одном моем прошлом я поругался с отцом, ушел из дома и два года жил в Чикаго, думал устроить там жизнь, но не срослось, я вернулся, и уж тогда отец хорошо надо мной поизмывался. И во всех моих воспоминаниях обо всех моих прошлых было только одно стабильное — Дженнифер, моя сестра, которую я всегда понимал лучше других, потому что мы в какой-то мере одного поля ягоды: для нас обоих окружающий мир менее реален, нежели мир, созданный нашими фантазиями, или... теперь я знал, зачем же придумывать сущности сверх необходимого... мир, слабо взаимодействующий с нашей реальностью, мир темного вещества, связывающего настоящее, прошлое и будущее. Рай, Чистилище и Ад?

Значит, продолжал рассуждать я, прошлое подобно Раю, неизвестное и пугающее будущее — наш неизбежный Ад, а настоящее — Чистилище, в котором каждый ищет свое место.

И что же? Призраки — обычные люди, вроде меня? Люди из будущего, отправившиеся в прошлое в состоянии непонятного темного вещества и разделившиеся на столько частей, сколько прошлых есть у каждого? «Да, — услышал я внутри себя голос, сложенный из шуршания, ворчания и свиста, — и среди нас

живут люди, слабо связанные с реальностью, люди, подобные темному веществу Вселенной. Именно они, такие как Дженнифер, да и я в какой-то, возможно, небольшой степени — самые нормальные люди, потому что они (мы!) связывают миры, позволяют прошлому, настоящему и будущему сплетаться в единое целое, и, может, без таких людей, которых презрительно называют недоумками и не от мира сего, ничто в природе не могло бы существовать в единой своей связности...

Эти мысли, часть которых я понял, а часть не понял вообще, будто мне их навязали извне, промелькнули в голове за долю секунды. Я опять ухватил сестру за локоть, а Норману крикнул:

— Если ты сейчас же не оставишь ее в покое, для Дженни станут ужасные времена! Ее поместят в сумасшедший дом, ты это можешь понять, если действительно ее любишь?

Он должен был меня услышать, потому что сам себя я не слышал, только знал, что крикнул все это в его призрачное ухо, но ничего, кроме шепота и воя, не вырвалось из моего рта.

Дженни поняла.

Она сбросила руки Нормана со своих плеч и сказала:

— Уходи, прошу тебя. И возвращайся! Я буду ждать...

— Я люблю тебя, — прошелестело в воздухе комнаты.

— Я люблю тебя, — прошелестело в ответ.

И Норман ушел, вернулся в свое будущее.

Дженнифер перестала сопротивляться. Я крепко сжал ее руку и потащил по анфиладе в дальний конец дома, где, как я помнил по детским приключениям, была дыра в стене и откуда можно было попасть в заброшенный парк.

Я слышал, как шериф, отец и сколько-то еще мужчин ворвались в холл и, должно быть, осматривались в полумраке. Отец крикнул:

— Дженнифер! Ты здесь?

Мы выбежали в парк, мрачный и темный, освещенный только слабыми звездами, но мне почему-то казалось, что светила полная луна, которой, конечно, не было на небе. Может, Норман шел рядом? Может, я воспринимал сейчас сияние темного вещества, соединявшего времена и миры?

Дженнифер всхлипывала, а когда мы выбрались наконец на поляну, откуда дорожка вела на Уайлдвуд-Террас, сестра упала на сухую траву и зашлась в рыданиях, которые я не смел прервать, хотя и понимал, что нужно торопиться домой, пока мужчины бродят в темноте и выкрикивают имя пропавшей.

Дженнифер оплакивала свою жизнь. Я стоял над ней и мысленно оплакивал свою.

Я проклинал Нормана, потому что его призрачная любовь сделала Дженни несчастной. И я благословлял Нормана, потому что, если бы не он, я так и не понял бы ни своего единения с сестрой, ни сути этого мира. Если я это понял...

* * *

Домой мы явились минут за десять до того, как вернулись мужчины — злые и уверенные в том, что Дженнифер не похитили (кому сдалась придурочная!), а она сама, будучи не в состоянии совладать с безрассудством, отправилась невесть куда, и теперь ее не найти, потому что кто ж поймет, о чем она думала и думала ли вообще.

Мы тихо перелезли через забор с задней стороны двора, и женщины, собравшиеся перед входом, не услышали, как я сломал замок на двери черного входа, отвел сестру в ее комнату и оставил там, предварительно проверив, закрыто ли окно, а дверь в комнату запер снаружи и бросил ключ в коридоре. Ушел к себе и лег в постель.

Под крики уснуть было невозможно, да я все равно не уснул бы — мысли теснились в голове, как муравьи в муравейнике. Что сейчас делал Норман? Вернулся ли к себе в будущее? А может, оказался в другом своем прошлом, если он прав и прошлых у него, как звезд на небе? А если, вернувшись домой, он заскучает по Дженни (неприменно заскучает, я видел, как они прощались, у меня самого сердце сжималось от тоски по утраченному счастью — пусть и чужому) и захочет вернуться? И тогда, если прошлых жизней у него, как комаров на болоте, то не окажется ли в следующий раз та его суть, что полюбила мою сестру, совсем в другом мире, а здесь появится призрак, ничего не...

Я не успел додумать эту крамольную мысль, не успел даже удивиться ее крамольности — в дверь грохнул отцовский кулак, отец ворвался в комнату и, увидев меня в постели, принялся орать, что только такой равнодушный ко всему никчемный олух может валяться в кровати, когда весь город поднят на ноги.

— Я ничего не знаю, — принялся оправдываться я. — Я только полчаса назад вернулся из Нью-Йорка, думал, все уже спят, не хотел никого тревожить, прошел с черного хода и...

— И ты, единственный в городе, не знал, что твоя сестра пропала!

Я сделал удивленное лицо и почесал в затылке.

— Но, — сказал я, — когда я проходил мимо комнаты Дженнифер, мне показалось, что она у себя. Я слышал, она что-то считала вслух, это точно была она!

Отец пристально посмотрел мне в глаза и, ни слова не сказав, вышел из комнаты. Я услышал голоса в коридоре, плач ма-тушки, открылась и захлопнулась какая-то дверь — видимо, в комнату Дженнифер. И стало тихо.

Я ждал. Отец вернулся минут через пять и встал передо мной, заложив большие пальцы за тяжелый брючный ремень. Чувствовал я, что у него в голове вертелись подозрения, но в чем он мог меня обвинить?

— Хватит, — сказал он мрачно. — Я решил. От сестры твоей одни хлопоты. Были и будут. В следующий раз ей взбредет в голову пересчитать камни на башне мэрии, откуда она упадет и слома-ет шею. Держать ее дома взаперти? Отправляю ее в лечебницу доктора Шеффилда, там ей самое место.

— О нет! — воскликнул я. Шеффилд содержал известную в штате лечебницу для душевнобольных. Отец, я знал, давно подумывал избавиться от Дженнифер, сбавив ее в этот кошмар-ный приют. Мать противилась, и отец всякий раз отступал, но сейчас, и это я тоже видел, решение его было твердым.

— Ты ее туда и отвезешь поутру, а я напишу письмо и подпи-шу чек. Шеффилд прекрасно знает о болезни Дженнифер и при-мет ее без проволочек.

Конечно! О странностях Дженни было известно всем в Глен Ридже. Наверняка отец уже заручился согласием шерифа и судьи Маргинтона и теперь торопился воспользоваться случаем.

— Ты никогда ее не любил! — Отчаянию моему не было пре-дела, я готов был ударить этого человека или броситься перед ним на колени и умолять о милосердии, или...

Я ничего этого не сделал, потому что неожиданно увидел на лице отца слезы. Две крупные слезинки, появившиеся в уголках его глаз. Мне показалось, что отец постарел лет на десять.

— И это говоришь мне ты... — бормотал он. — Видит Бог, я всегда заботился о Дженни больше, чем о тебе, хотя ты мой сын и надежда... была надежда... Но больше терпеть невозможно... Для матери это крест, который она не может вынести, я вижу. Дженни опять сбежит, раз уж это пришло ей в голову. И тогда... Ты не представляешь, каково...

Он бормотал, перескакивая с мысли на мысль, и мне ста-ло его жаль, я хотел взять отца за руку, обнять его, сказать, что

вдвоем мы сумеем проследить за Дженнифер, никуда она не убежит, а в лечебнице Шеффилда погибнет от тоски...

Не пришлось. Отец взял себя в руки, передо мной опять стоял человек, не сомневавшийся в своих решениях и всегда знавший, чего хочет.

— Завтра рано утром, — жестко сказал он, — ты отвезешь Дженни в «Корни».

— Но я должен съездить в Блумфилд, — пробормотал я, понимая, что мне не отвертеться.

— Оттуда и поедешь, — заключил отец и пошел к двери. На пороге остановился, посмотрел мне в глаза и сказал тихо, так, что я его еле расслышал:

— Когда Дженни будет в безопасности у Шеффилда, ты не сможешь причинить ей вреда, я ясно выражаюсь?

Он вышел и захлопнул дверь.

Я до сих пор не понимаю точного смысла сказанных им слов. Догадался ли он, что мы вернулись с Дженни вдвоем, и, значит, она была со мной, а потому я виноват в ее исчезновении и в том, что лучшие мужчины города искали ее (нас?) несколько часов? Или отец думал, что я втайне ненавижу сестру, как это бывало во многих семьях, где одному из детей родители уделяли больше внимания и заботы?

Я никогда не говорил об этом с отцом. Я вообще больше никогда с ним не говорил ни о чем. Мы жили молча, будто чужие, обменивались только необходимыми фразами. Умер отец через два года — его съела болезнь, которая унесла в могилу и моего деда, когда меня еще не было на свете. Что-то семейное, и я предполагаю, что меня ждет такой же страшный конец. Не хочу об этом думать.

* * *

Утром я отвез Дженни в «Корни», где нас встретил ассистент доктора Шеффилда, мрачный молодой человек, настолько бесцветная личность, что мне показалось, будто и он — призрак из мира теней. По дороге Дженни считала деревья, птиц, встречные повозки, людей и бездомных собак, не обращала на меня никакого внимания, не отвечала на вопросы — будто и не было Нормана, не было ее с ним объятий, ее слов, обращенных ко мне, ее слез и любви, от которой, как мне теперь казалось, не осталось даже головешек.

Она без слов пошла за молодым ассистентом, и я слышал, как она пересчитывала вслух каменные плиты, устилавшие в этом заведении пол вместо досок.

— Норман! — громко сказал я, когда Дженни выходила в дверь, которая вела во внутренние помещения.

— Норман! — повторил я, потому что мне показалось, что сестра замедлила шаг, услышав имя любимого.

Она остановилась на пороге, обернулась, и я увидел в ее взгляде столько тоски и решимости, что не нашел слов, и, пока приходил в себя, дверь закрылась, и сестра, как я тогда с ужасом подумал, исчезла из моей жизни. В заведении доктора Шеффилда не практиковали посещений, как в обычных больницах, умственные расстройства неизлечимы, и те, кого доктор признавал неспособными к нормальной умственной деятельности, не покидали стен заведения, и к ним не допускали родственников, которые, по убеждению доктора, могли отрицательно повлиять на течение болезни.

— Я заберу тебя отсюда, — сказал я скорее сам себе, чем Дженнифер, которая уже не могла меня слышать.

* * *

Я не успел этого сделать. Я не успел даже обдумать план действий. Что только не приходило в голову по дороге в Блумфилд! Я думал о Дженнифер, разговаривая с отцовскими подрядчиками, и, похоже, провалил несколько сделок. Я думал о сестре, возвращаясь в Глен Ридж, но ничего путного не приходило в голову. Я не знал ни одного случая, когда кто-нибудь выходил из лечебницы в божий мир, — разве что его выносили в гробу и отвозили на кладбище, где закапывали без покаяния и причастия. Шеффилд получал от родственников неплохие деньги и вел дело основательно, соблюдал все юридические формальности, у властей города и штата не было к нему претензий.

Возвращаясь домой из Блумфилда и проезжая мимо «Корней», я старался не смотреть в сторону высокого мрачного забора, понимая, что ничего не могу противопоставить ни отцовскому решению, ни методам Шеффилда, разве что когда-нибудь...

Я увидел перед запертыми воротами несколько колясок, в одной из которых узнал коляску мэра, а рядом гарцевал на лошади помощник шерифа О'Брайен, мерзкий тип, с которым я за всю жизнь не перемолвился и словом.

— Эй, молодой Келвин! — окликнул он меня. — Ты что, ничего не слышал? Я думал, уже и до Блумфилда дошли слухи!

Я остановил коляску и выслушал О'Брайена, будто адского вестника — мне показалось, что он был рад сообщить мне новость.

Дженнифер пропала. Ее препроводили в комнату, которую сестре предстояло делить еще с пятью девушками. После обеда ее выпустили погулять в больничный сад, которого ни я и никто, кроме пациентов и сотрудников Шеффилда, никогда не видел. Через час доктор прислал с одним из санитаров записку шерифу, где говорилось, будто Дженнифер из сада странным образом исчезла, причем никто не видел, чтобы она перебралась через забор (да и как она могла бы это сделать?) или сумела открыть калитку — единственную маленькую дверцу, всегда запертую, соединявшую сад с внешним миром.

Приехавший шериф собственными глазами убедился, что калитка заперта, а через забор не то что неловкой девушке, но и мужчине-атлету перебраться невозможно. Тем не менее, организовали поиски (что еще мог предпринять шериф в подобной ситуации?), и мне пришлось до ночи со всеми вместе бродить по окрестностям, выкрикивая имя сестры и прекрасно понимая, что поиски бесполезны.

Воспользовавшись моментом, я расспросил санитару Джошуа, и старик, прослуживший у Шеффилда много лет, трясущимися губами поведал мне, что никогда прежде не видел призраков и был убежден, что они не существуют, но сегодня...

— Представляете, сэр, он стоял в тени забора, неподалеку от калитки, я видел его так же ясно, как вижу вас, он был полупрозрачный и воздевал руки к небу, а голос у него был как труба архангела Гавриила. Уверяю вас, сэр, я не брал в рот ни капли, я вообще не пью днем, это каждый скажет, доктор терпеть не может, когда санитары приходят на работу под мухой.

— А потом, потом? — нетерпеливо спросил я.

— Потом, — старик покачал головой, — он исчез, прокляв меня всеми проклятиями, вот что я вам скажу.

— Вы точно слышали слова проклятий? — засомневался я.

— Какие сомнения! Это был адский вой, свист чертей и хохот дьявола!

Ну да. Норман, скорее всего, объяснял Дженнифер, что ей нужно сделать, чтобы освободиться и последовать за ним в его мир, частью которого сестра уже все равно являлась.

— А потом, потом?

— Ничего, сэр, — обескураженно сказал старик. — Призрак, должно быть, услышал, как кричит петух в нашем курятнике, вот и провалился с жутким воем. Прямо в ад. Никогда в жизни я...

— А Дженнифер? Что Дженнифер?

— Ничего не могу сказать, сэр, о вашей сестре, — мрачно сообщил Джошуа. — Я смотрел только на призрака. Не знаю, куда подевалась маленькая Дженнифер. Была — и не стало. Может, ее тот призрак и утащил с собой в преисподнюю.

— Вы рассказали об этом шерифу? — спросил я, с трепетом ожидая ответа, от которого так много зависело.

— Ну что вы, сэр, — смутился старик-санитар. — Я ж не враг себе, чтобы такое рассказывать Бернарду. Сказал, что не видел, куда Дженнифер подевалась, и это чистая правда, сэр, чистая правда!

Я дал ему доллар и попросил держать язык за зубами. Так он, похоже, и сделал — скорее не из-за моих денег, а исключительно чтобы не прослыть таким же сумасшедшим, как обитатели «Корней».

Вечером, никого, конечно, не обнаружив, мужчины разошлись по домам. Шериф с Шеффилдом и моим отцом долго сидели в кабинете доктора, и я не знаю, к какому они пришли заключению. Огласка была Шеффилду невыгодна, отцу — тем более. Матушке, вернувшись, отец сказал лишь, что Дженнифер лучше там, где она сейчас, и нужно за нее молиться. Со мной отец разговаривать не стал, и у меня не было желания вступать с ним в разговор. Ни тогда, ни потом — вплоть до его смерти.

Ночью я выбрался из своей комнаты через окно и отправился в Угловой Дом, где долго бродил по комнатам и залам, выкрикивая имена Дженнифер и Нормана, но никого не увидел, разве что однажды показалось мне, будто нечто белесое и полупрозрачное мелькнуло в углу и пропало, но это, скорее всего, был плод моего воображения.

Я пришел в Угловой Дом и на следующую ночь, и еще несколько раз, а потом перестал, поняв, что это бесполезно.

К мистеру Митчеллу, нашему соседу, работавшему в нью-йоркской газете «Сан», я отправился на следующий день после похорон отца.

* * *

Митчеллы переехали в Глен Ридж из Нью-Йорка через несколько месяцев после исчезновения Дженнифер. Я помню точную дату и то, как перевозили вещи, и то, как мистер Митчелл знакомился с соседями, избрав для этого странный способ: он гулял по улице с сыном, показывал мальчику на тот или иной дом и громко говорил: «А здесь, Гарри, живет мистер Такой-то,

замечательный человек, с которым мы еще не знакомы, но это легко исправить, верно?» После чего мистер Такой-то выходил на крыльцо и приглашал мистера Митчелла с его отпрыском войти и пропустить по рюмочке. До нашего дома Митчелл дойти не успел — отец сам к нему явился, предлагая сделку по покупке партии чая, от которой сосед отказался; чаю он предпочитал кофе, а кофе покупал не оптом, а по баночке, всякий раз выбирая новый сорт, ибо «все в жизни хочется попробовать, вы согласны?»

Я слышал, что Митчелл работал в самой уважаемой нью-йоркской газете, но, говоря по чести, не читал ни одной его статьи. Я не любил газет, особенно после исчезновения Дженнифер, о чем городская газетка написала такое, что мне и пересказывать не хочется. Отец тогда поклялся расправиться с Доном Бакстером, редактором, самолично написавшим ахиною, которой зачитывались жители Глен Риджа и показывали пальцем на наш дом, на отца, на меня. Показывали бы и на мать, если бы она выходила на улицу. Отец действительно как-то появился в редакции — если комнатку в подвале здания мэрии можно было так назвать, — но не думаю, что применил против Бакстера физическую силу. Не знаю, что там произошло, но час спустя оба вышли на улицу, обнявшись, и, похоже, успели выпить за знакомство. Больше отец ни разу не упомянул нашу городскую газету и ее редактора.

Я предпочел пойти с рассказом к Митчеллу, слывшему серьезным и авторитетным журналистом, нежели к Бакстеру, который из любой истории сделал бы глупый рассказ, от которого у порядочного человека свело бы скулы.

Мистер Митчелл был невысокого роста, на полголовы ниже меня, остроносый, со спутанной, будто нечесаной шевелюрой и бородкой клинышком, смотрел проницательным, но странным взглядом, порой вызывавшим оторопь у людей, не знавших, что правый глаз мистер Митчелл потерял несколько лет назад при обстоятельствах, о которых он предпочитал не распространяться (рассказывали о стычке с бандитами, но, по моему, это было явное преувеличение), и ему вставили взамен стеклянный протез.

Хозяин пригласил меня в гостиную, угостил сигарой (которую я сумел выкурить едва ли до половины), мы поговорили о погоде, соседях, Глен Ридже, где становилось все больше жителей, для привлечения которых мистер Митчелл приложил небольшие усилия, будучи членом городского совета. Наконец, когда миссис Митчелл принесла поднос с кофе и прекрасные, ею

только что испеченные, плюшки, я перевел разговор на интересовавшую меня тему и выложил историю появления Нормана, стараясь, впрочем, избегать мелких деталей, чтобы не утомлять хозяина.

Мистер Митчелл ни разу меня не прервал, кивал головой, прищуривал правый, искусственный глаз, не записывал, чему я был рад — вряд ли я смог бы рассказывать, если бы хозяин сидел, уткнувшись в лист бумаги, то и дело тыча пером в чернильницу.

Когда я закончил, то думал, что мистер Митчелл станет задавать вопросы о том, как выглядел призрак, как он себя вел, и о Дженнифер я ожидал немало вопросов, но хозяин удивил меня, сказав:

— Дорогой Джон... Вы позволите называть вас по имени?... Я слышал, Джон, что у вас прекрасная память, вы никогда ничего не забываете. Не могли бы вы повторить в точности, что говорил этот... гм... призрак? Не о чувствах к вашей сестре, а о том, откуда он прибыл, и о том, что вы в своем рассказе назвали скучной и неинтересной ерундой, которой этот... гм... Норман пытался замаскировать свои истинные намерения.

Что ж, проблемы в этом не было, я повторил слово в слово и про множество прошлых миров, куда попадает путешественник во времени, и про то, как он разделяется на множество частей, и про темное вещество, соединяющее прошлое с настоящим и будущим. Тогда-то мистер Митчелл взялся за перо и записал за мной каждое слово, восклицая при этом: «Удивительно!», «Просто удивительно!» и «Это самое удивительное, что я слышал в своей жизни!».

Закончив записывать, он разложил перед собой листы и сказал, пребывая в задумчивости:

— Значит, вы говорите, ничего не поняли из этих слов, кроме того, что и призраки способны любить? А ваша сестра Дженнифер сбежала из сума... извините, из лечебницы, чтобы найти любимого?

Я кивнул.

— Вы столько времени хранили молчание, — продолжал Митчелл, глядя мне в лицо своим единственным глазом. — Почему сейчас вы решили открыться? И почему — мне?

Я ждал этого вопроса.

— Пока был жив отец, я не мог говорить. Я был уверен, что Дженнифер сбежала, чтобы найти Нормана и быть с ним. Мог я говорить об этом с отцом?

— Я понимаю, — пробормотал Митчелл.

— А к вам я пришел, потому что слышал о вас, как о честном журналисте, не любящем сенсаций и добивающемся правды, какой бы она ни была.

— Вы читали мои материалы в «Сан»? — заинтересованно спросил мистер Митчелл.

— Раньше — нет, — признался я. — Но, собираясь встретиться с вами, купил несколько последних номеров. Могу признать: вы оправдываете свою репутацию, мистер Митчелл.

— Эдвард... Зовите меня Эдвард, между нами не такая уж большая разница в возрасте.

— Эдвард, я надеюсь, вы сможете мне что-то посоветовать. Если вы напишете в газете о той истории, ее прочтает кто-то, кому известно продолжение.

— Вы же говорите, что Дженнифер, даже если она жива, во что, как мне показалось, вы не очень верите, не читает газет, и ее единственное утешение в жизни...

— Да-да, — не очень вежливо перебил я журналиста, — но она могла попасть в чью-то семью, ее мог найти и приютить человек, который...

На этот раз мистер Митчелл не очень вежливо перебил меня.

— Вы сами в это не верите, — резко сказал он. — Я скажу вам, что привело вас именно ко мне, и какой эффект, по вашему мнению, может произвести статья в «Сан».

Я промолчал. Вряд ли мистер Митчелл догадался о моих намерениях, но я не прочь был выслушать его версию и даже согласиться с ней, лишь бы он написал в газете о Дженнифер и Нормане.

— Этот... гм... призрак, — продолжал журналист, — утверждал, что явился из будущего, я верно вас понял? Он сказал — и вы точно запомнили его слова... — Митчелл придвинул к себе лист бумаги и прочитал: «Мой мир — это ваш мир в две тысячи семьдесят четвертом году. Нашим физикам из лаборатории квантовых бесконтактных наблюдений удалось создать аппарат, который в просторечии называют машиной времени с легкой руки сэра Герберта Уэллса, который жил почти в...» Да, и вот: «Я всегда интересовался этим временем — второй половиной девятнадцатого столетия, много читал, в том числе сканы газет, выходивших в ваше время». Тут непонятное слово, неважно. Вы действительно поверили, что Норман в своем двадцать первом веке прочтает в «Сан» мою статью о себе и... что тогда?

Он понял. Мистер Митчелл оказался куда более проницательным человеком, чем я предполагал.

— Тогда, — признался я, поскольку ходить вокруг да около больше не имело смысла, — он прочитает о том, как мы искали Дженнифер, как она нам дорога... И возможно, найдет способ вернуть сестру. Здесь ее нет. Значит, Дженнифер отправилась с ним — в будущее.

Мистер Митчелл покачал головой.

— Вы все запомнили, но, похоже, не стали над некоторыми словами задумываться. Вот, к примеру: «Прошлое существует в миллиардах вариантов возможных событий, возможных причин, приводящих к единственному настоящему, и потому, когда я отправился в прошлое, то оказался сразу во всех возможных моих прошлых, и существую в них в форме темного вещества, которое заполняет Вселенную и связывает прошлые миры с будущими. Потому вам и представляется, будто я призрак. Вещество, из которого я состою, — это темное вещество»...

— Порождение темных сил, да, — пробормотал я.

Мистер Митчелл бросил на меня взгляд своего единственного глаза, покачал головой и продолжил чтение: «Темное вещество, очень слабо взаимодействующее с обычным. И потому я могу свободно общаться лишь с человеком, чье сознание тоже слабо связано с окружающим миром»... И так далее. Боюсь, что эти слова не сможет понять никто. Но подумайте вот о чем, Джон. Если Норман присутствовал в нашем мире лишь в виде призрачного существа, то он не мог забрать в будущее вашу сестру, потому что там он-то вернется в свое привычное тело, а она, бедняжка, окажется призраком. Ведь возможных будущих так же много, как и возможных прошлых! Значит...

Я остановил его жестом. Я понял, что он хотел сказать.

— Это неважно, — возразил я. — Дженни всегда жила в призрачном мире. «Слабо взаимодействует с реальностью»... Точно. Это сказано о ней. Потому они и сошлись — Дженни и Норман. И если она у Нормана... Думаю, они и там понимают друг друга, Эдвард! Она любит его! Я это видел.

— Зачем, на самом деле, — мягко произнес мистер Митчелл, — вы хотите, чтобы я написал статью? Ведь не затем же, чтобы кто-то в Глен Ридже, или Нью-Йорке, или где бы то ни было в Северо-Американских Штатах сообщил в газету, что видел девушку, похожую на Дженнифер?

О, да. Он понял и это.

— Вы хотите, — убежденно проговорил журналист, — чтобы Норман через двести лет прочитал в старой газете о явлении призрака, узнал себя и направил бы именно к нам свой аппарат, чтобы сделать счастливой вашу сестру. Я прав?

Мне не хотелось говорить ни «да», ни «нет». Да, я хотел, чтобы Дженни была счастлива. Нет, я не хотел, чтобы она исчезла из моей жизни.

— Я напишу, — решил мистер Митчелл. — Но, дорогой Джон, газета выходит не для будущего читателя, а для сегодняшнего. Статья должна быть интересна простому человеку, заплатившему за газету кровные два цента. И я не могу писать о том, чего не понимаю. «Темное вещество», «квантовые эффекты»... Ну, право... Это будет рассказ о призраке, пришедшем в наш мир не с того света, а из будущего. Читатель обожает истории о привидениях, и мистер Богарт, наш главный редактор, такой материал опубликует, можете не сомневаться.

— Спасибо, мистер Митчелл...

— Эдвард.

— Спасибо, Эдвард, на большее я и не рассчитывал.

— Я покажу вам рассказ, Джон, прежде, чем передам рукопись редактору.

— Спасибо, — повторил я.

— Загляните ко мне, скажем, в будущую пятницу. В это же время. Да и вообще... приходите. Поговорим... о будущем.

Прощались мы очень тепло.

* * *

Дней через десять посыльный принес большой конверт с вложенными в него листами, исписанными четким почерком с небольшим левым наклоном. Я был в это время в Блумфилде, и посыльный передал пакет матушке, а она, видевшая в каждом послании возможность узнать хоть что-то о судьбе пропавшей дочери, вскрыла конверт и прежде чем я вернулся домой успела прочитать статью. Там не упоминалось имя Дженнифер, но материнское сердце не могло не откликнуться. Что-то было в нашем роду по материнской линии такое, чем не обладали другие. Отец, как мне стало казаться уже после его смерти, тяготился своей «обыденностью», понимал, что жена и дети обладают способностями — странными и в жизни мешающими, — но эти способности ставили его близких в чем-то выше него, главы семьи. Наверно, этим объяснялся его характер, его нетерпимость, желание

унизить домашних и прежде всего ту, с кем он прожил лучшие годы жизни.

Матушка, как и мы с Дженни, жила своей жизнью и обладала талантом понимания сути, что я осознал лишь тогда, когда вернулся домой и обнаружил ее в гостиной. На столе лежали разбросанные листы и разорванный конверт.

— Я знала, — сказала мама, подняв на меня взгляд, полный слез и невысказанной печали. — Я всегда знала, что Дженни ушла с ним.

— С кем? — пробормотал я, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

— С призраком.

Матушка не могла знать о юноше, явившемся из будущего и оказавшемся призраком только потому, что законы мироздания разделили мир на множество частей, в каждой из которых наше бессмертное «я» представляется видимостью самого себя. Знать она не могла, но матушка всегда чувствовала, что происходило с Дженни или со мной. Она легко пережила смерть мужа, но не смогла бы жить, чувствуя, что ее любимой дочери нет на свете.

— Здесь, — сказала матушка, — мистер Митчелл описал истинную историю нашей любимой Дженни.

Я собрал листы, расположил их по порядку, в каком они были пронумерованы, и прочитал рассказ, записанный с моих слов. Мистер Митчелл сделал все, о чем я просил: перенес действие в старинный замок, расположенный в верховьях Рейна, не упомянул девушку, а призрак, явившийся герою произведения, барону Калсбратену, сказал лишь, что прибыл из будущего, а не из потустороннего мира¹. Призраки — не мертвецы, а живые люди, потерявшиеся во времени, как мы теряемся в лесу среди множества деревьев.

— Здесь ничего не сказано о Дженни, — заметил я, опустив листы на стол.

Матушка не ответила, лишь посмотрела на меня долгим взглядом, в котором я разглядел то, что знал сам: увидел Нормана, прижимавшего к себе Дженни и целовавшего ее в губы, и темную анфиладу комнат в Угловом Доме, и любящий взгляд сестры, направленный на белесое и неосязаемое для всех, кроме Дженнифер, существо, единственное в этом мире, с которым

¹ Рассказ Эдварда Пейджа Митчелла «An Uncommon Sort of Spectre» («Необычный тип призрака») о призраке из будущего был опубликован в нью-йоркской газете «The Sun» 30 марта 1879 года.

она могла чувствовать себя не несчастной безмозглой девушкой, а женщиной, созданной любить и быть любимой.

Матушка все это почувствовала еще тогда, когда мужчины прочесывали окрестности и грозились убить негодяя, похитившего Дженни. Она и меня чувствовала так же остро и так же переживала за мою судьбу, не показывая своих истинных чувств...

Я опустился на колени и прижался лицом к маминым ногам, на мою голову легли ее ладони, и я, как в детстве, когда не мог остаться один в темной комнате, заплакал, а матушка гладила мои волосы и что-то шептала. Я не слышал и потому не смог запомнить слов, но и сейчас, много лет спустя, помню, что говорил сам, не ожидая ответа от самого близкого мне и любимого человека:

— Я уверен, мама, что они там вместе. Уверен, что Дженни-фер там хорошо. Там она такая, как все, и счастлива с Норманом...

Это был наш последний разговор. Не знаю, откуда возникло во мне понимание — наверно, передалось через мамины ладони, гладившие мои волосы и странным образом заставлявшие меня не думать о плохом, о том, что произойдет завтра, и о чем матушка со свойственной ей чувствительностью, конечно, догадывалась, а может, и точно знала.

— Если ты не хочешь, чтобы рассказ мистера Митчелла появился в газете, я скажу ему об этом.

— Пусть будет, — покачала головой матушка. — Через много лет Дженни с мужем прочитают о себе и поймут, что о них помнят.

— Да. — Я поднялся на ноги и маму поднял, мы стояли друг перед другом, смотрели друг другу в глаза и никогда еще не были так близки, как в эти минуты полного взаимопонимания. — Да, — повторил я, поразившись маминой прозорливости, — я потому и рассказал мистеру Митчеллу...

Я проводил маму до ее спальни и ушел к себе, предполагая на следующий день занести рукопись соседу и сказать, что буду ждать публикации.

Однако утром я обнаружил матушку не в постели, а в кресле возле окна. Она сидела, откинувшись на спинку, и ее мертвый взгляд был направлен в ту сторону, где за невысоким забором располагался Угловой Дом.

Доктор Гроув, выписывая свидетельство, сказал, что и для себя хотел бы такой легкой смерти. Мистер Митчелл, пришедший выразить соболезнование, не стал спрашивать о своей рукописи, и я вернул ему конверт со словами:

— Мама хотела это видеть в газете.

Он молча кивнул.

Только об одном я не сказал мистеру Митчеллу. И матушке не сказал. В ночи новолуния, после того, как затихают на улице все звуки и наступает время, когда Глен Ридж погружается в крепкий сон, я пробираюсь в Угловой Дом, прохожу, не зажигая фонаря, по анфиладе комнат в самую последнюю, где окна выходят на три стороны света, ощупью нахожу старую скрипучую скамью, сажусь и, прислонившись к стене, жду, широко раскрыв глаза и прислушиваясь к оглушающей тишине. Рано или поздно — обычно под самое утро — я замечаю призрачное сияние, и в комнату входит она. Ее едва видно, это скорее призрак призрака, и голос ее едва слышен — не голос даже, а призрачное шуршание, волнение воздуха, отголосок чего-то, что можно было бы сказать словами, но никогда не будет сказано.

Я скорее угадываю, чем вижу, широкое платье до пола, волосы, волной спадающие на плечи. Она подходит ко мне так близко, что я могу ее коснуться, протянув руку. Я никогда этого не делаю. Пытаюсь поймать ее взгляд, но не вижу глаз на почти невидимом лице.

— Дженни, — шепчу я, — как хорошо, что ты возвращаешься. Тебе нравится в будущем? В мире, который я не увижу. Ты счастлива?

Она хочет что-то сказать, но я не разбираю слов. Я слишком крепко связан с этим миром, гораздо крепче, чем была с ним связана моя сестра, и мне недоступно то, что было доступно ей.

— Дженни, — шепчу я. — Ты возвращаешься — значит, аппарат Нормана работает, и ты скучаешь... по мне? По маме?

Почти невидимое свечение касается моих губ, и мне кажется, что я действительно ощущаю поцелуй. Самый нежный — нежнее быть не может.

— Почему ты приходишь одна? — спрашиваю я. — Почему без Нормана? Он занят? Он не хочет сопровождать тебя?

Я не понимаю ее слов, а она наверняка не понимает, что говорю я. Но все равно мы понимаем друг друга так, как, может быть, не понимали, когда жили под одной крышей.

Иногда мне кажется, что я все-таки слышу, как Дженни тихо произносит:

— Две тысячи семьдесят пять, две тысячи семьдесят шесть... две тысячи сто тридцать два...

Что она считает? Звезды на небе? Деревья? Годы?

Мне кажется, я знаю, почему призрак Дженни едва виден, и только в новолуние в полной темноте я могу его разглядеть. Если Норман, отправляясь в прошлое, становился призраком, потому что в каждом из множества прошедших миров оставлял свою часть, то ведь и будущих миров столь же великое множество. Оказавшись с Норманом в его мире, Дженни тоже обратилась в призрак, а когда отправилась назад, в прошлое, то призрак разделился на множество частей, еще более призрачных. Я не понимаю, как это происходит. Возможно, я неправильно понимаю слова, сказанные Норманом, но я их прекрасно помню: «Прошлое ветвится, как и будущее. Множество возможных причин в прошлом приводит к одному результату в настоящем, и все эти причины существуют реально. Уходя в прошлое или будущее, я падаю во множество миров и в каждом существую в виде темного вещества, слабо взаимодействующего с реальностью». И получается, что если из одного из миров отправиться в будущее, то эта часть, в свою очередь, возвращаясь в прошлое...

Здесь я прекращаю свои рассуждения, хотя не вижу ошибки в логическом построении. Может быть, Норман, не будь он призраком в нашем мире, сумел бы что-то объяснить, хотя и тогда мне было бы трудно уследить за ходом его мысли. Моя сильная сторона — память, а не логика. Я помню каждое слово, но мне трудно связать их цепью безупречных логических построений.

Я знаю только одно: Дженни возвращается ко мне призрачным свечением, и мы беседуем о жизни: о ее жизни там и о моей здесь. Она приходит каждое новолуние, и я знаю, что эти беседы нужны ей так же, как мне. Я очень боюсь, что когда-нибудь аппарат Нормана сломается, и однажды, придя в Угловой Дом, я не дождусь появления призрака. Не смогу поговорить по душам ни с одним человеком на всем свете.

Было время, когда я боялся, что кто-нибудь купит старый дом, отремонтирует его, здесь поселятся люди, у меня не останется возможности приходить сюда и видеться с Дженни. Мне незачем будет жить.

После смерти отца я продал фирму, но пришлось еще занять немалую сумму в банке. Я стал должником на всю оставшуюся жизнь, но выкупил Угловой Дом у старого Морриса. Он пошел мне навстречу и немного сбавил цену. Я не стал ничего менять в доме, и обо мне шли слухи, что я не от мира сего. Меня это не волновало и не волнует. Я действительно немного не от мира сего. Как Дженни. Почти как Дженни.

Иногда я прихожу к мистеру Митчеллу, мы сидим на террасе и молча смотрим на звезды. Мы не разговариваем, мы и так понимаем друг друга.

Он должен жить

Рассказ

Дежурство начинается с рюмки коньяку. Дрянного, из круглосуточного магазинчика, что возле клиники. Да и рюмочка так себе: помутневшее стекло, и край надколот. Горюнов нашёл её как-то, забытую, в дальнем углу кухонного шкафа и притащил в ординаторскую. Думал — временно, а потом привык.

Привык пить во время работы, закусывая дешёвый коньяк затяжкой крепкой сигареты. Наловчился определять время до окончания смены без часов. Приспособился уменьшать объём работы до того уровня, когда почти всю ночь можно валяться на скрипучей тахте, расшатанной поколениями дежурантов, и дремать под мерное брзжание телевизора.

Всё как обычно.

— Вера! — гаркнул Горюнов в коридор. — Давай листы назначений! Лечить будем...

Медсестра, миниатюрная брюнетка с узкими бёдрами и выраженной грудью, эффектно подчеркнутой затянутым халатиком, появилась тотчас. Симпатичная девочка, но после смерти жены Горюнов стал равнодушен к женщинам. Традиционную тахту в ординаторской расшатывают теперь другие.

— Вот, Пал Палыч, — промурлыкала Вера, подавая планшеты с листами назначений. — Четыре тела. И два места на случай экстренных поступлений. Будут распоряжения?

И улыбнулась двусмысленно. Кокетство у этой чертовки в крови.

— Будут... — усмехнулся в ответ Горюнов. — Будут и распоряжения, и расписанные на бумаге директивы. Дай только оглядеться...

Недлинным коридорчиком он прошёл в святая святых блока интенсивной терапии — к боксам. Три отделения по две койки. Да какие «койки» — современные функциональные кровати, сложные механизмы, баюкающие в своих чревах пациентов. Перемигивание огоньков на мониторах. Ломанные линии кардиограмм, синусоиды дыхательных циклов и кислотно-зелёные показатели функций на дисплеях. Паутина полупрозрачных магистралей дозаторов, протянувшаяся к венам больных.

Горюнов привычно развернул веером пластиковые планшеты. Пробежался опытным взглядом: анализы, показатели, баланс жидкостей и расход калорий. Ничего особенного. Один из команды выздоравливающих. Держат в боксе по каким-то особым соображениям: может, чей-то протеже или денег заплатил, да мало ли... Горюнов в это не вникал. Специально просил заведующего ставить ему ночные дежурства, чтоб не участвовать во всяческих хитроspлетениях.

Второй тоже не вызывал опасений. Тактика ведения определена консилиумом: все лекарства назначены, расписаны, техника работает. Остаётся только поглядывать.

Но вот третий и четвёртый как раз попадали в разряд кандидатов на стаз. Подготовка к несложным плановым операциям, стандартная терапия, средние показатели функций. Присев за откидной столик, Горюнов отложил планшеты «блатного» и стабильного (пусть сопят под действием снотворных) и придвинул к себе оставшиеся два. Быстро и уверенно, твёрдой рукой расписал один за другим.

Химическая депрессия обмена веществ и в первую очередь — головного мозга. Дозы, скорость введения препаратов, экспозиция. Далее искусственная блокада проводящей системы миокарда: сердцебиения почти прекратятся, но будет работать «второе сердце» — сохранятся волнообразные движения крупных артерий. Отсюда минимальный, едва уловимый кровоток в тканях, вполне достаточный при созданном уровне метаболизма. Дозы, скорость... Теперь защита печени и почек от гипоксии — недостатка кислорода. Впрочем, это уже подстраховка, гипоксии-то как раз и не будет — обмен веществ надёжно подавлен сочетанием лекарств. В этом и была вся фишка.

И в завершение: глубокое подавление симпатического отдела нервной системы, ограничение количества жидкости, защита клеточных мембран. Плюс кое-что по мелочи, уже на вдохновении и интуиции, как последние мазки на холсте художника. Готово — состояние биостаза в миллиграммах и миллилитрах, которое Вера, заправив дозаторы, превратит в обыденную реальность.

Как он бегал когда-то, доказывая учёным мужам свою идею! Выкладки, обоснования, наблюдения. И что получил в ответ? — глухая стена. «Околонаучная чушь» и «опасные фантазии» — самое мягкое, что отвечали профессора, светила, признанные авторитеты в области анабиоза. Даже на кандидатскую материал не приняли, не признали. Куда уж там до практического внедрения. Да горите вы все синим пламенем!

А оно — вот, работает.

Позже Горюнов заметил ещё одно — выведенным из стаза пациентам становится лучше. Функции организма выравниваются. Возможно, действовали глубинные, неизвестные науке механизмы саморегуляции. Эти эффекты нужно было изучить, но война с профессурой забрала все силы. Потом начался затяжной кризис: цены полезли вверх, зарплата — вниз, и очень многим стало не до науки.

А Горюнову стало всё равно. После смерти Маши он и вовсе применял метод бездумно, лишь бы поменьше торчать в боксах. И просил ставить его только в ночные смены, и покупал дешёвый коньяк в ближайшем магазинчике.

Регулярно.

— Вера! — вновь воззвал он. — Принимай полётные карты! Заряжай дозаторы, всё расписано по минутам. Я на тебя надеюсь, девочка...

Сестричка выглянула из комнаты персонала с телефоном около уха, кивнула. Разговаривать по мобильнику она могла часами.

Оставалось последнее. И палатные мониторы, и терминал в ординаторской записывают тренды — повременную фиксацию данных. Их может просмотреть любой, а уж администрация и эксперты страховых компаний делают это регулярно. И что они увидят? Полное отсутствие функций, нули и красный цвет алярмов? Да тут все на ушах должны были стоять — «Мы его теряем!..» Сколько раз Горюнов ржал до слёз над этой киношной затёртой фразой! Но реанимацию никто не проводил — тишь да гладь. И больной жив...

Поэтому в своё время он выпил не одну бутылку с ребятами из техотдела и получил от них программку. Теперь, после введения определённого кода, монитор дублировал любой выбранный показатель с одного канала на другой.

Поколдовав с техникой, Горюнов вывел показатели первых двух пациентов на мониторы третьего и четвёртого. Вот теперь всё, можно хватануть ещё рюмочку.

Прилёг, врубил телевизор, и тут же ударило возбуждённым, захлёбывающимся голосом комментатора: «...информацию о полицейской операции, проводимую у штаба организации НРГ. Напомним, что деятельность неизвестного, взявшего себе псевдоним Новый Робин Гуд, и его команды обошла Национальному Банку только на прошлой неделе в один миллион долларов США! Однако случаи бесплатной раздачи продуктов и тёплой одежды населению сделали организацию чрезвычайно популярной. По результатам анкетирования Бюро социологических исследований, рейтинг НРГ возрос ещё на двенадцать пунктов и составляет сегодня беспрецедентно высокий показатель...»

Горюнов прикрыл глаза: опять эта романтическая фигура благородного разбойника... Когда он слышал восторженные возгласы: вот, мол, парень молодец, грабит богатых и раздаёт бедным! — всегда кривился. Какой-то сопляк играет в Робин Гуда, что толку? Воровство — оно и есть воровство, какими побуждениями его ни прикрывай. Поймают и посадят.

На экране замелькали полицейские машины, забегали собровцы с автоматами. Диктор торопился поведать телезрителям, что штаб организации НРГ обнаружен, окружён, преступники оказывают ожесточённое сопротивление: вокруг неприметного офисного здания на Котельнической улице разгорелся настоящий бой.

Допрыгался, бедолага, отстранённо отметил про себя Горюнов. Под трепотню телевизора он задремал, и привиделась ему Маша, молодая и красивая, и сын Антошка, босоногий, с облупленным носом. Они тогда отдыхали на море: жаркое южное солнце, сладкий инжир, который рос прямо во дворе, как в их краях растут яблоки, стремительные росчерки чаек над волнами. И было это, кажется, сто лет назад.

— Пал Палыч! — голос у Веры был не на шутку встревоженным. — Из приёмного звонили. Раненого привезли, с перестрелки на Котельнической! Отправили в операционную, а потом — к нам...

— Ну да, — сонно отозвался врач. — Куда ж его ещё после операции-то. Только к нам.

— Ой, это говорят сам Робин Гуд! — выпалила восторженно медсестра. — Представляете, легендарная личность!..

— Да хоть шериф Ноттингемский... — недовольно проворчал Горюнов. Чёрт, весь кайф обломали. Теперь подпрыгивай с этим раненым. Да ещё начальство набезит, гори оно всё...

И тут зазвонил телефон.

— Больница, слушаю, — буркнул интенсивист в трубку, всё ещё переживая по поводу испоганенной смены.

— Доктор? — спросил возбуждённый молодой голос на том конце провода.

— Доктор, доктор, — раздражился Горюнов. — Говорите!..

— К вам привезли раненого! Это замечательный человек, его нужно спасти!

— Для нас все люди замечательные. И мы всех пытаемся спасти. — И добавил чуть тише: — Когда получается...

— Вы не поняли, доктор! — Показалось, собеседник сейчас зарыдает. — Это совершенно уникальный, неповторимый человек! Ну скажите, где сегодня ещё можно найти такого, который отдаёт собственные деньги другим людям? Ничего не требуя взамен?!

— Допустим, не свои, а ворованные... — сварливо возразил Горюнов.

— Не ворованные! — горячился невидимый оппонент. — Перераспределённые! Он не брал себе ни копейки, клянусь вам!..

— Пусть будет так, — сдался врач. — От меня-то вы что хотите?

— Он должен жить! — напористо откликнулся голос.

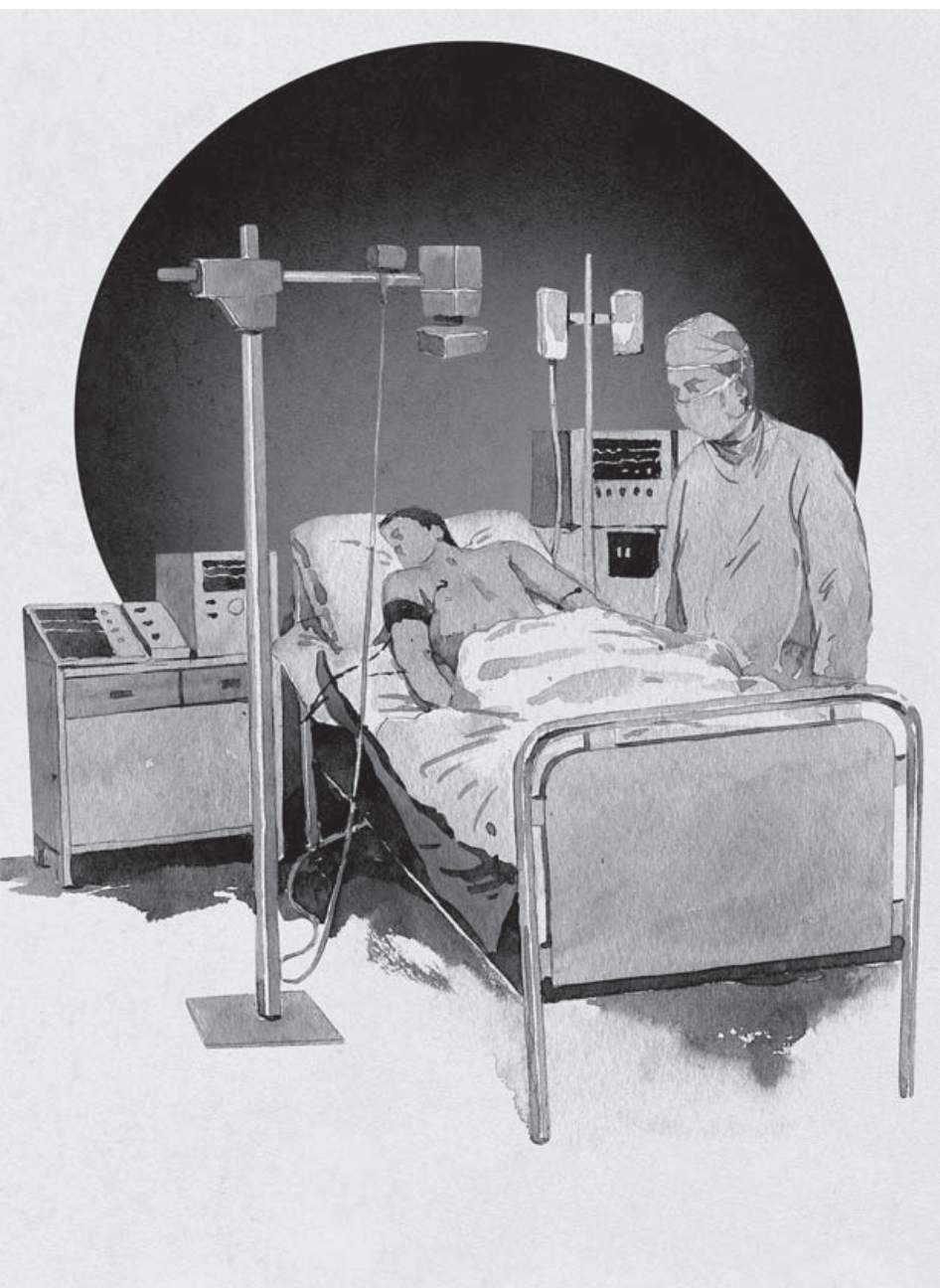
— Мы не боги, молодой человек. — Горюнов стал сам себе противен. Эту избитую фразу он говорил тысячи раз и всегда поражался безысходной банальности сказанного. Но это действительно так — врачи не боги.

— Он должен жить, — повторил собеседник как заклинание. — И он не должен попасть в руки полиции. Они его просто убьют.

— Ну-ну, не торопитесь, — несколько растерялся Горюнов. — Для начала этого вашего деятеля нужно спасти, а там видно будет...

— Я вам точно говорю — в полиции Робина убьют. Вы многого не знаете. — И после короткой паузы: — Я вам перезвоню...

Гудки отбоя. Горюнов бросил трубку на аппарат.

Чёрт знает что! Звонит какой-то юнец: играют детки в казаки-разбойники, лезут в петлю по собственной воле, а потом звонят вот так и требуют: «Он должен жить!..»

А Горюнов что?! Отдаст этому мальчишке своё здоровье? Тогда уж лучше бы посадить ему на плечи свою голову — и делать это нужно было не сегодня, много раньше!..

Хотя... Кому она нужна, твоя голова, Горюнов? Седая, не слишком умная, пропитанная дешёвым коньяком голова. Разве смог ты спасти жену? Или удержать сына? Что вообще ты можешь, Горюнов, кроме как пить на дежурствах и вводить пациентов в состояние биостаза, облегчая себе жизнь? А эти ребята пытались хоть что-то делать. Глупо, конечно...

И тут хлопнула дверь — вошли двое.

Впереди выступал невысокий сухощавый человек с костистым лицом. Под накинутым на плечи белым халатом — серый строгий костюм. И глаза тоже строгие и серые и очень внимательные. За ним возвышался второй: холёный, со скучающе-презрительной миной и в очках с золотой оправой. Этого Горюнов определил влёт. Точно такие ребята писали в своё время разгромные рецензии на его несостоявшуюся диссертацию.

— Доктор Горюнов? — спросил первый негромко.

Врач кивнул. Можно было поинтересоваться, с кем, мол, имею честь? Но делать этого совершенно не хотелось. И так ясно — человек из органов, имеет право задавать вопросы и получать ответы.

— Сейчас к вам из операционной привезут раненого, — спокойно и размеренно продолжал «серый». — Хирурги сделали операцию, говорят, — успешно. Теперь дело за вами.

— Я понимаю, — неопределённо покрутил головой Горюнов. — После операций...

— Это очень хорошо, что понимаете, — не дал продолжить «серый». — Но боюсь, не в полной мере. Зарубите себе на носу, доктор, — этот человек должен жить.

— Боюсь, и вы не совсем в курсе, — набычился врач. Хотя ты сто раз начальник, но здесь его, Горюнова, поляна. — Современная наука не умеет, к сожалению, спасать людей по приказу сверху. Даже если это очень высокие инстанции.

— А вы сумейте, — спокойно откликнулся собеседник. И лицо его, и голос выражали нерушимую уверенность — всё так и будет. — Случай не рядовой. Вы ведь знаете, с кем имеете дело? Это опасный преступник. И он должен предстать перед судом. Живым.

— Операция — это только полдела. — Горюнов искал слова, чтобы объяснить этому властному человеку — никогда, ни при каких условиях медицина не может дать полную гарантию выздоровления. — Человеческий организм слишком сложная система. Здесь мало удалить сломанные детали и почти никогда не удаётся их заменить. Я сделаю всё, что в моих силах, но...

— Вот-вот, сделайте, — вновь перебил полицейский. — Вам и нужно-то — дотянуть до утра, а там мы перевезём этого воришку в нашу ведомственную больницу. Сразу не получилось: врачи «Скорой помощи» сказали, мол, не довезём. И сейчас, сразу после операции, его тоже трогать нельзя?.. Пусть будет так. Но парень должен выжить, доктор. Для точного и неукоснительного отправления правосудия.

Он внимательно смотрел Горюнову в глаза, будто сомневаясь, доходят ли его слова до сознания врача? И будто помогая взглядом сказанному проникать прямо в мозг. А Горюнов неожиданно для себя спросил:

— Что ему будет, этому мальчишке?

— Мальчишке? — иронично ухмыльнулся «серый». И тут же стал серьёзен: — Повторяю, это опасный преступник. — Помолчал секунду и вдруг взорвался: — Это для вас, интеллигенции сопливой, они мальчишки и девчонки!.. — Лицо его напрыглось, голос зазвенел и обрёл человеческие эмоции. — Вы сидите в безопасных кабинетах, бережёте свою драгоценную шкуру и рассуждаете: ах, как нехорошо воевать с детьми, они ж всё это сделали по глупости! Это так гуманно — так рассуждать, а главное — так удобно. А мои люди тем временем идут под пули. Им всё равно, кто нажал на спуск — мальчик или мужчина.

— Кто на что учился... — криво усмехнулся Горюнов.

— Никто не гонит вас на баррикады, — холодно отрезал собеседник. — Для этого в холле и на выходе стоят бойцы СОБРа. А вы просто сделайте свою работу.

И поворачиваясь к выходу, кинул через плечо:

— Ну хоть это вы можете?..

Однако у двери полицейский притормозил.

— И вот ещё что, оставляю вам эксперта. — Взмах руки в сторону «холёного». — Это ваш коллега, очень квалифицированный специалист. Он пригласит, чтоб всё было как надо.

Дверь хлопнула.

«Холёный» по-хозяйски прошёл к центральному пульту:

— Так, что у вас тут?

— Всё, как обычно, мастер, — съязвил Горюнов. — Больные лежат, лечение идёт.

А что он ещё может, кроме как язвить? Обложили.

— Вижу... — многозначительно протянул коллега. — А это что? — и ткнул пальцем в синусоиду дыхательных циклов на дисплее.

Теоретик, понял Горюнов. Очередной теоретик, каких видел он на своём веку сотни. Даже аппаратуры не знает. Но будет советовать, дышать в затылок, путаться под ногами. И если что, повесит всех собак на него.

Пациента доставили уже через полчаса. Санитары ловко переложили безвольное тело — ещё действовал наркоз, и укатали. За дело взялись intensivists. Помогая друг другу, облепили больного датчиками. Вера принялась готовить дозаторы, Горюнов привычно настраивал блок полифункционального мониторинга и убеждался — операция действительно прошла успешно, угрозы жизни подопечного нет. Крови он потерял достаточно, но пулю извлекли, рану обработали. Плюс молодость. Послеоперационный период пройдёт, скорее всего, без неожиданностей.

«Хоть что-то вы можете?» — спросил «серый».

На кровати лежал опутанный проводами и магистралями дозаторов совсем молодой парень: скуластый, чем-то похожий на сына Антона. Только бледный, и черты лица заострились. Ну и дай тебе бог, подумал врач. Тут со всех сторон дёргают, мол, ты должен жить, — так оно и будет. Немного подлечим и...

— Пал Палыч, вам звонили?.. — шёпот Веры прозвучал заговорщицки донельзя.

Горюнов резко обернулся:

— Ты о чём?

— Ну... эти? — замялась Вера — Его сообщники?

— Так-так, давай-ка отсюда поподробнее, — насторожился Горюнов.

— Простите меня, Пал Палыч, — прошептала медсестра, наклоняясь к врачу. На заднем плане, у входа в бокс маячил проверяющий. — Это я дала им ваш телефон. Не сердитесь, честно, они хорошие ребята! Хотели, чтоб всем поровну... У меня друг в этой группе, рассказывал, что Робин...

— Ремня бы ему, этому Робину!.. — сдавленно прошипел Горюнов. — Натворили делов, теперь расхлёбываем. Сейчас подлечим, ничего твоему предводителю не станется, но потом ведь его судить будут...

— В том-то и дело, — всхлипнула Вера, — что не будут. Алик говорит, они тайный фонд вскрыли какого-то политика. Там деньги были... для всяких махинаций. Робин зачем им живым нужен — деньги вернуть. А потом убьют по-тихому, живым не оставят...

Горюнов чуть развернул монитор, чтобы на стеклянной панели лучше видеть размытое отражение эксперта. Тот стоял у входа в бокс, пялился на работу бригады. Близко не подходил, явно не очень-то понимая, чем занимаются врач с сестрой.

— Чёрт бы вас побрал!.. — выругался шёпотом Горюнов. — Играете в игры, за которые голову оторвать могут... Лучше бы вначале этой самой головой думали!..

— Пал Палы-ы-ч!.. — совсем уже заскулила Вера. — Сделайте что-нибудь, миленьки-и-й!.. Вы же умный, вы ж всё можете! Ну придумайте что-нибудь...

— Что я придумую? — огрызнулся Горюнов. — Тут везде спецназ. За нами наблюдают. Да и последствия — сама понимаешь...

— Он же для всех как лучше... — едва слышно выдохнула Вера. — Всем помочь хотел...

Хотел. Горюнов вон тоже хотел. Когда у Маши обнаружили диабет, он даже не очень-то и насторожился. Неприятно, конечно, инсулин вводить нужно регулярно. Но жить можно. А потом всё покатилося как снежный ком: злокачественное течение, отказали почки. Коллеги лишь разводили руками, а он уже возил жену — жёлто-серую, отёчную и одышливую — на диализы. Каждые три дня.

Помочь могла лишь пересадка почки, но и здесь он наткнулся на глухую стену. Очередь, недостаток трансплантатов, безумная цена за операцию. Или взятка — такая, что собрать подобную сумму он не мог при всём желании. «Ты же врач, — говорил Антон, — сделай что-нибудь!..»

«Хоть что-то вы можете?» — бросил «серый», уходя.

А что он мог? Бегал, стучал в двери всех доступных инстанций. Просил, умолял. В ответ участливо качали головой — держитесь, коллега, никто не застрахован от неприятностей. Похлопывали по плечу — сделаем всё, что в наших силах, но вы же понимаете, не всё так просто. А потом нагноился шунт, на фоне диабета сепсис полыхнул, как пожар. И Маша сгорела, стремительно и неизбежно, а коллеги прятали глаза: «Паша, ты же знаешь — мы не боги».

После смерти матери сын уехал на Дальний Восток, слал редкие письма на мэйл да иногда звонил.

А эти мальчишки хоть что-то делали. По-своему, по-глупому, но пытались изменить этот злой и несправедливый мир. Можно ли их судить за это? Уж во всяком случае не ему.

Но и расправиться с парнем он не даст.

— Вера! — привычно гаркнул Горюнов. — Готовь листы, лечить будем! — И гораздо тише: — У твоих друзей полчаса. Делаем так...

Когда дозаторы начали запускать в кровь пациента отработанную схему лекарств, Горюнов подошёл к эксперту, стоявшему столбом в проходе, и с озабоченным лицом пригласил его в ординаторскую:

— Пройдёмте, коллега. Давайте обсудим сложившуюся ситуацию, я хочу с вами посоветоваться.

Это был беспроектный ход. Самая работа экспертов-теоретиков — советовать.

— Положение крайне серьёзное, — продолжал интенсивист. — Можно простить заблуждение вашего начальника, он не врач. Но мы-то с вами профессионалы, понимаем — одной операцией лечение не ограничивается.

— Но хирург сказал, что всё сделано в полной мере...

— Да, хирург извлёк пулю, остановил кровотечение, зашил рану. Всё правильно. Но кровопотеря?! Пациент потерял очень много крови! А шок после ранения? А неизбежные в таких случаях шоковые поражения органов?

— Что вы хотите сказать? — напрягся эксперт.

— Только то, что ситуация может выйти из-под контроля в любой момент, — отрубил Горюнов. — Я назначил всю необходимую терапию, но расслабляться не следует. Будем настороже, коллега.

Спеси и уверенности на лице теоретика явно поубавилось, а Горюнов про себя вёл отсчёт. Прошло десять минут с начала программы, ещё пять — и...

— Прошу к монитору, — пригласил он соглядатая. Они подошли и вперились в картинку: зубчатая линия кардиограммы, синусоида дыхания, цифры пульса, давления, насыщения крови кислородом.

— Пока всё штатно... — как бы с облегчением констатировал врач. — Будем надеяться...

Будто услышав эти слова, зубцы кардиограммы стали менять свою форму и размер — растягиваться, уплощаться, уменьшаться. Превращаться в едва заметные всплески. Неудержимо затухала синусоида дыхания, принимая вид прямой, начерченный

под линейку. Цифры стремительно покатались вниз, экран окрасился рубиново-красным, и завершающим аккордом всего этого безобразия пронзительно заверещал алярм.

— Вера! — взревел Горюнов, — реанимационный комплекс! — И не удержался от мелкого хулиганства: — Мы его теряем!

На мониторе уже струились прямые линии, горели нули. Эксперт застыл с открытым ртом, а бригада ринулась в бокс.

Отработанная до автоматизма процедура протекала деловито, без лишней суеты, но с величайшим накалом.

«Адреналин!» «Интубация!» «Включай респиратор!» «Ещё адреналин, два куба!»

Вера ловко набирала шприцы — подученная Горюновым, все разного объёма, но из одной и той же бутылки с пятипроцентной глюкозой, — вводила раствор в порты магистралей. В то же время успевала подавать инструменты. Горюнов склонился над пациентом — мелькающие руки и спины в зелёных хирургических костюмах полностью скрывали происходящее от эксперта.

Интенсивист вставил воздуховод пациенту в гортань, но подсоединять аппарат искусственного дыхания не стал — незачем! К какофонии звуков добавился сигнал тревоги аппарата — умный механизм кричал о неполадке. Так даже лучше, решил врач, антуража больше!

И взялся за массаж сердца, аккуратно укладывая ладони не на грудь больного, а рядом, на упругое полотно койки. И работал со всем усердием, как учили — не руками или плечами, а всем весом тела. Койка жалобно постанывала...

А Горюнов уже кричал: «Дефибрилляцию!»

Вера проворно протянула электроды. Запел индикатор заряда, набирая тон, загудел готовностью.

Горюнов не забывал поглядывать на отражение эксперта в панели монитора. Тот суетился за спинами, тянул шею, силился понять, что происходит. Вот приблизился вплотную, попытался заглянуть за плечо, и Горюнов с наслаждением наступил ему на ногу, перенёс вес тела и даже слегка притопнул.

Извините, коллега, но не до вас. Не мешайтесь под ногами...

Соглядатай, громко ойкнув, отпрянул прочь, а Горюнов тут же замкнул электроды, соединив их рабочие поверхности. Щелчок получился вполне звучный, и озоном запахло отчётливо. А для достоверности врач вполне натурально дёрнул плечами, будто его подбросило при разряде.

Так всегда бывает. Это в кино показывают.

И опять: «Ещё адреналин!» — «Атропин!» — «Ещё разряд!»
И в том же духе тридцать минут!

Пролетели они незаметно.

Отыграв положенное время, Горюнов в изнеможении отошёл от койки, чуть картинно вытер пот со лба. Устало поглядел на бледного эксперта: «Всё, что мог, коллега...»

А минутой ранее аккуратно отсоединил датчики монитора — нули и изолинии на дисплее печально подтверждали: в койке полноценный труп. Впрочем, эксперт сразу не поверил. Не хотел верить — пытался прощупать пульс, зрачки смотрел, крутил-ся вокруг тела Робин Гуда, будто мог что-либо изменить.

Бегай-бегай, думал Горюнов. Состояние биостаза на глаз отличить от смерти очень трудно. Тем более, не зная, что такое состояние вообще существует.

Наконец, активность коллеги переместилась в область телефонных переговоров. Звонил, судя по всему, «серому» — и то наливался пунцовым цветом, то бледнел до прозрачности. И всё время обильно потел. Видно, ничего приятного для себя в трубке не слышал.

В это время Горюнов достаточно громко и отчётливо обратился к Вере:

— Вызывай санитаров. Пусть транспортируют тело в патанатомию.

Это был сигнал. Вера кивнула и схватилась за мобильник. Мальчишки должны были подготовиться, и они не подкачали. Буквально через три минуты за дверью интенсивного блока послышался шум. Заглянул спецназовец, но Горюнов уверенно поднял руку: «Пропустите, это санитары из морга!» Боец устоялся на эксперти, тот лишь досадливо отмахнулся.

В следующий миг двое взъерошенных юношей в грязноватых халатах и с разболтанной каталкой — точно из патанатомии, удивился Горюнов, и как добыли? — резво закатали в интенсивку. А что, студенты на подработках выглядят именно так. Врач показал куда рулить, помог погрузить тело в чёрный пластиковый мешок и переложить. Напутственно махнул рукой.

А спустя несколько минут разглядел в окно, что через ворота клиники выезжает потрёпанный фургон и беспрепятственно скрывается в ночи.

Горюнов присел к столу, уже не скрываясь, налил коньяку. То, что все неприятности ещё впереди, он понимал отчётливо. Поднимут тренды, обнаружат обман, а тело в морге, наоборот, — не найдут. Вопросов будет много, и все неприятные.

Ну да ладно, не впервой. Может, удастся поколдовать с аппаратурой, пока «серый» будет полоскать своего эксперта. Может...

Может, этим ребятам удастся сделать что-нибудь полезное? Вера сказала, есть у них надёжное место и врач. Выход из стаза безопасен: функции восстанавливаются, человек приходит в себя. Операцию хирурги сделали мастерски.

А неприятности... Ну что ж, неприятности?..

Да гори они все синим пламенем.

Максимка

Рассказ

— Ты, блин, уснул там, а?..
Из раздумий выдернул окрик тети Клавы.
Тетя Клава повар. Тете Клаве некогда. Ей надо сегодня приготовить ужин на пятьдесят два воспитанника. Одной. И по возможности праздничный. А потом мчаться домой, чтобы приготовить ужин еще и там. Наверное, точно такой же ужин. Максимка не понимал, как из одних и тех же продуктов можно приготовить разную еду. Да, носит тетя Клава, и что? Все носят. Голодом Максимка не голодует, а жрать, поди, хочет каждый. Пусть носит, не жалко. Мысли его сейчас больше занимало другое.

Вот взять дуршлаг. Известно, макаронина точно пролазит в дырочку, Максимка проверял. А не падает. Парадокс?

— Намакаронился? Давай!..

Максимка вздохнул и с сожалением оторвался от созерцания посуды. Ну, а чего? Японцы, вон, камни созерцают. Дуршлаг хуже, что ль?

Максимке на кухне нравилось. Он всегда вызывался тете Клаве помочь: лук, там, почистить, макароны доест. Макароны, надо сказать, были холодные, слипшиеся и несоленые. Их еще не каждый сможет осилить. Так-то.

В детдоме царило предпраздничное оживление. Девчонки наряжали елку, парни повыше развешивали гирлянды, сновала

малышня с пылевыми тряпками, в воздухе веял веселый матерок. Максимка подобные приготовления видал в гробу и поспешил к мансардному окну. Там можно удобно устроиться на низком подоконнике и, приклеившись пятакон по холодному стеклу, рассматривать летящие с неба снежинки.

На лестнице столкнулся с Леной. Расплылся в улыбке:

— О, Ленок! Пойдем, покурим!

Лена нахмурилась, поджала губы. Оглянулась через плечо, не слышал ли кто?

— Балбесина! Ты как с воспитателем разговариваешь?

Тон ее казался строгим, глаза — нет.

Максимка рад Лене всегда. Лена — классная. Лена — человек, не то что некоторые... крысы. Она никогда не визжала дурниной, не топала ногами. Говорила негромко и с легкой хрипотцой, отчего в голосе ее чудился мягкий кошачий рокот. Вела себя просто и честно. Лену уважали. Если кто-то по своему скудоумию решался ей нахамить, то делал это единожды. В детдоме не бьют просто так, но если бьют, то с размаха. Еще Лена была красивой...

— Сачкуешь?

Максимка дернул плечом. Фигово, когда у тебя нет родителей и тебе двенадцать. Да еще и Новый год у всех...

— Снегуркой будешь сегодня? — Максимка покраснел. Старался спросить как можно более безучастно, но прозвучавшая в голосе надежда выдала его с потрохами.

Лена виновато улыбнулась и покачала головой.

Означало это, что встречать им Новый год с Бабой Галей одним.

— Ну чего ты? Перестань! — Лена привлекла Максимку к себе, взъерошила волосы.

Господи! Господи! Боже милосердный! Какое же блаженство! Так бы и стоял вечно. Не шелохнувшись, не отрываясь. Каждой клеточкой своей впитывая ее прикосновение, ее тепло, ее запах. Еще секунду, еще капельку. Боже!

И самое страшное, если она уберет, отдернет руку первой. Тогда все. Тогда хоть сразу под электричку. Этого нельзя допустить. Никак. Никогда.

Максимка вырвался, бросил исподлобья:

— Ну и давай, катись к хахалю своему!..

Забор вокруг здания — тема отдельная. Сложенные из кирпича столбы постоянно ведет, потому как фундамент под них

соорудить никто не удосужился. И не падают они только потому, что скреплены меж собой металлическими решетками. Зато каждую весну с завидным постоянством случается один и тот же ритуал: бригада бухих шабашников подновляет отвалившуюся от кирпича штукатурку. Еще в заборе есть ворота, намертво вросшие в землю. Максимка не помнил случая, чтобы когда-нибудь они отворялись, ибо сила, способная это свершить, вероятно, должна равняться направленному ядерному взрыву. Зато ворота регулярно подкрашивались зеленой краской. До кучи с амбарным замком, сковывающим створки. А вот вместо калитки, в противовес, предполагались одни ржавые петли, из-за чего вся заборная конструкция характерно носила исключительно номинальный.

Иной остановившийся перед воротами отчаянно сигналивший грузовик не вызывал ничего, кроме жалости. Шансов заехать на территорию у него не было никаких.

К забору подкатили, поблескивая глянцем, три джипа, остановились вплотную друг за другом. Захлопали дверцы. Перед входом сгрудились люди с пакетами и свертками. Сбились в кучу, как овечья отара, будто натолкнулись на несуществующую калитку. И разом, словно бойцы в атаку, устремились внутрь. У каждого улыбка надета, и каждый тайком думает про себя: быстрее бы уж все закончилось.

Эти, как их... оккупанты... авантюристы... Максимка никак не мог запомнить. Волонтеры, вот! Привезли бедненьким детям ношенные шмотки и жарчку с барского стола. Совесть успокоить перед Новым годом.

И тотчас по коридорам и по лестнице загрохотали десятки ног. Навстречу халяве. Воспитанники сыпанули, как горох, окружили гостей, подперли со всех сторон. Те неловко переминались с ноги на ногу и не могли сказать: «му». Ну правда, как овцы среди волчьей стаи. Наиболее проворные ручонки уже потянулись шуровать по пакетам, и непонятно, чем бы все это закончилось, если бы не раздался громовой бас Бабы Гали.

Галина Арнольдовна — заведующая. Она — царь и бог. Все здесь висит на ней, как на небесном гвозде. И доски, и трубы, и слезы, и сопли. Детдом — ее жизнь. Жизни другой у нее нет. Авторитет ее непререкаем. Толстая рука может скрутить ухо, дать затрещину или с силой пригнуть к себе, к необъятной груди в коричневой вязаной кофте. Детдом не здание, не учреждение, это Баба Галя и есть.

Волонтеров мигом освободили от поклажи. Те приободрились, расправили плечи и смятые улыбки. Максимке досталось

нести огромный пакет с апельсинами. Тяжелый и неудобный, с отрывающимися ручками. Малышня вилась вокруг гостей мошкаррой, особенно тянулись к женщинам. Подсознательно, помимо воли, на голос, ловя скудные лучики тепла. Те и рады, дуры. Расплылись, щебечут. Им что? Отулыбались, программу выполнили и — домой. А малышки будут глядеть вслед, подпирать окна лбом и пухнуть от слез.

И Санек тут как тут. Лопочет радостно какой-то козе белобрысой, где он спит и кушает. Его совсем недавно из дома малышки перевели. Самый мелкий Санек, совсем туго ему. Глазища огромные, глупые. Вроде играет, смеется, а что происходит — не понимает. Думает, сейчас придут за ним, заберут. Хороший он, добрый. Если обижают, не плачет. Стоит и молчит. Губину только закусит нижнюю и молчит. Белобрысая совсем распушилась, конфетки налево-направо раздает. За ручку взяться? Да не вопрос! Погуляемте за ручку.

Этого Максимка снести уже не мог. Санька дернул за шкварник, встряхнул грубо:

— Слышь? Это мамка твоя? А?..

Тот растерялся, захныкал.

— Ну зачем ты так? — Белобрысая попыталась возмутиться.

— Что «зачем»? — Максимка взвился. — Ты усыновишь его? С собой заберешь? Нет? Ну и не трогай тогда! Коз-за!..

Тут вдобавок целлофановый пакет окончательно разъехался, и апельсины высыпались наружу.

— Изотов! — загремела Баба Галя. — Изотов, не смей!

— А что, — огрызнулся Максимка, — не так?..

— Как не стыдно тебе! Люди приехали в выходной, готовились...

— Да лучше бы они вообще не приезжали! — Максимка подхватил с земли апельсин и зашагал прочь. — Добр-ренькие!..

Ему что-то кричали вслед, но он не слышал.

Почему так устроен мир? Несправедливо. Неправильно. Максимка не мог облечь в слова душившую его обиду. Но каждый раз все больше убеждался, что по-другому не будет. Обида поглощала, крепла, перекипала в ненависть, ей требовался выход.

Максимка швырял комья мерзлой земли в проезжавшие машины. Внизу меж двух холмов протекало шоссе. Склоны крутые, выложены каменной плиткой — заберешься не вдруг. Да и машину не бросишь внизу — засигналят. Водители выходили, смешно размахивали руками и бессильно матерились. Когда

ветер доносил обрывки знакомых слов, Максимка радостно прыгал и сгибал локоть в ответ. Едва вдали показались синие проблемные маячки, поспешил убраться подальше. Через лесополосу, канавы и помойку дачного поселка.

Усевшись на перевернутую катушку от кабеля, достал свое богатство — бумажную пачку с настрелянными сигаретами, переломанными, забычкованными, какими придется. Придирчиво выбрал одну, чиркнул зажигалкой...

Позади раздалось покашливание. На той же катушке вполборота к нему сидел незнакомец. Первое, что пришло на ум: из милиции. Или полиции, как теперь правильно. Внутри все обвалилось, Максимка попытался задать стрекача, но ноги предательски ослабели, сделались ватными.

— Я бегать за тобой не намерен, — предупредил незнакомец. — Понял?

Максимка утвердительно сглотнул.

Выглядел незнакомец нестарым, лет тридцати на вид. Явно не бомж, одет хорошо, может, только чересчур легко для зимы. Схватить Максимку не пытался, резких движений не делал, просто изучал серыми глазами. Взгляд у него был не строгий, а грустный, скорее даже потерянный.

Может, какой обиженный водила выследил и догнал? Максимка отчаянно перебирал варианты. Или... Блин, маньяк-чикатило! Точно! В безлюдном месте, странный... Максимка поежился. Рука непроизвольно дернулась к карману куртки, где пряталась китайская «бабочка». Старшие ребята учили в таких случаях размахивать ножом и кричать: «Рожу располосую, паскуда!» Максимка несколько раз тренировался перед зеркалом, выходило убедительно.

— Я не маньяк, — вздохнул незнакомец. — И не из полиции.

Максимка некоторое время рассматривал собеседника и вдруг явственно ощутил, что тот, правда, не маньяк и не следователь.

— А кто?

— Ну... — незнакомец шумно выдохнул. — Как тебе сказать... — Незнакомец помолчал, пожевал губами и крикнул досадливо: — Волшебник я, понял?... В Деда Мороза веришь? Нет? Жаль...

— Добрый или злой? — Максимка усмехнулся, принимая правила игры.

— Не знаю, — развел руками незнакомец.

— А докажете! — Максимка справился с оцепенением и на всякий случай отбежал на несколько шагов. Остановился поодаль.

Незнакомец дернул плечом.

— У тебя на левой руке ниже локтя нацарапано слово: «ЛЕНА». Гравировку ты наносил непишущей шариковой ручкой. Макароны не вываливаются из дуршлага, потому что длинные. Но даже если бы они были в форме шариков, дуршлаг пришлось бы долго трясти. В мужском туалете в дальней кабинке под бачком кто-то прячет вырезки из журналов с голыми женщинами. Не знаешь кто?

Максимка потупился.

— Сегодня, — продолжал незнакомец, — ты обидел хороших людей. Они помогают, чем могут и как умеют. И ты это знаешь, но все равно обидел. Про шоссе вообще молчу... Скольким ты сегодня испортил праздник? Заслужили они это? Скажи, Максим Изотов, вот ты добрый или злой?

— А за что мне быть добрым? — ощерился Максимка. Обида подступила снова с неожиданной силой. — Вот вырасту, заработаю гору денег... И тогда все узнаете...

Максимка замолчал. Его душили слезы.

Незнакомец покивал своим мыслям, снова вздохнул. После нахмурился и велел:

— Поди сюда. У тебя апельсин в кармане, отдай мне.

Максимка послушно подошел, протянул оранжевый шарик, уже изрядно помятый.

— Я дарить тебе ничего не стану, — пояснил незнакомец. — Но поменяться могу.

Сам извлек откуда-то точно такой же.

— Это непростой апельсин... волшебный. Если сожмешь в руке и задумаешь желание, то оно исполнится. Вслух проговаривать необязательно, достаточно представить в уме. Попробуй.

— По-настоящему?

Максимка шмыгнул носом, почесал затылок. Волшебная палочка в форме апельсина... Чего бы ему хотелось. В голове вертелось: коньяк «Мартель». Сам он никогда в жизни коньяк не пробовал, но по рассказам старших, ничего вкуснее в мире не существовало. Пальцы слегка закололо, будто занемела рука. Больше ничего не происходило.

— Вот твой «Мартель», — незнакомец поднял с земли пластиковый пакет, на который Максимка не обратил внимания, продемонстрировал плоскую стеклянную бутылку. — Ничего сложного. Запомни, все перестанет действовать нынче в полночь. Предметы, вещи, что ты, гм... наколддуешь, исчезнут также. Сказку про Золушку знаешь? Вот так и бабочки...

— А он все сможет?

— Все, что сумеешь представить.

— Прикольно, — усмехнулся Максимка. — Я подумал, вы меня накажете...

Незнакомец невесело улыбнулся в ответ:

— Ты правильно подумал.

И исчез.

Максимка не понял — как, просто с каким-то хлопком ресниц того не стало.

Заброшенная трансформаторная будка, выбранная под эксперимент, напоминала оптовый склад. Под ногами валялись груды сникерсов, упаковки с колдой, сырокопченая колбаса, банки черной и красной икры, брикеты мороженого, блоки сигарет. Когда шоколад полез в уши, а от колы началась икота пузырями, Максимка изобразил несколько сотовых телефонов, пару нутбуков и здоровенную плазменную панель. Незнакомец не обманул. Чудесный апельсин являл любую цацку, желаешь — поштучно, желаешь — мелкими партиями. Остановиться Максимка смог, только когда снаружи появился лакированный черный джип, едва уступающий размерами самой трансформаторной будке. Откинувшись на кожаном сиденье, Максимка заключил, что непостижимым образом вытащил тот самый счастливый билет и жизнь удалась. Хотелось похвастаться перед остальными.

Сперва Максимка решил подкатить к детдому на машине, но передумал: водить не умел, да и правил не знал. Возвращаться пешком было лень. Он нашел иной способ перемещения, простой и элегантный: сжал апельсин рукой и... очутился в спальне мальчиков.

С порога бухнул на стол пакет со снедью:

— Хавайте!

И залюбовался произведенным эффектом. На вопросы не отвечал, так, уклончиво, откуда — от верблюда, жрите, мол, пока дают.

Хлопнул Санька по плечу:

— Пойдем, погуляем!..

Гулять Максимка решил непременно к центру города. Туда, где стояли наряженные елки, переливались красками гирлянды и били фонтаны огней. Туда, где кипела настоящая жизнь. Скоро стемнеет и станет особенно здорово. Только один вечер такой в году, завтра будет уже не то, пропадет предвкушение. Максимка

спешил, боялся не успеть. Теперь-то он выпьет свой праздник до капли.

Путь лежал через гаражи. Обычно детдомовские не совались туда поодиночке, опасаясь схлестнуться со шпаной из соседних домов. Зато бандой ходили, где хотели. И редко кто отваживался оспаривать это право. «Детдомы» дрались отчаянно и жестоко, с пеленок привыкнув выгрызать себе место под солнцем. И как бы меж собой друг к другу ни относились, за своих стояли до полусмерти.

Уверенность переполняла, хлестала через край, и Максимка без колебаний двинулся через кооператив напрямик, даже желая встречи с местными. Так оно и случилось. Максимка завидел их издалека, стайку, гоняющую по кругу бутылку портвейна. Он мог бы легко уклониться от встречи, пройти по соседнему проезду. Но упрямо двинулся вперед, не обращая внимания на Санька, тревожно вцепившегося в рукав куртки. Зацепка последовала незамедлительно.

— Эй, пацанчик! Хилый сюда! Есть чо?

— Хрен в очо, — Максимка презрительно сплюнул.

— Ух ты, какой дерзкий...

Его обступили полукругом, несколько раз толкнули, сорвали шапку, чтобы не убежал.

— С какого района?

Упражнений с чужой шапкой Максимка знал два: «собачка» и «дискотека». Сейчас Максимка должен будет канючить свое имущество обратно, покорно снося тычки и оскорбления. Шапка будет ходить по рукам до тех пор, пока присутствующим такое развлечение не наскучит. И те всем колхозом не спляшут на ней танец победы. Весело же, правда?

В левую руку отдалось привычным покалыванием. А правой Максимка извлек из косого курточного кармана совсем не игрушечный пистолет модели изобретателя Макарова. Стрелять Максимке довелось единожды, но зато от души. На день милиции в детдом приезжали шефы из РОВД. Проводили эстафету, «Зарницу» и возили в закрытый тир. Поэтому Максимка вполне уверенно снял пистолет с предохранителя и дослал патрон.

— Э, пацан, ты че? Мы пошутили...

— А я — нет, — процедил Максимка. — Шапки свои сюда, быстро! — И, видя, что компания не торопится воспринимать его всерьез, без колебаний шарахнул в воздух. — Сейчас по ногам начну шмалять, козлы!

На землю полетели однотипные китайские вязанки, неизвестно за что прозванные в народе «пидорками». Санек собирал трофей.

Максимка огляделся по сторонам и определил весь букет головных уборов в вязкую незамерзающую жижу, скопившуюся под протекающей бочкой-маслосборником, куда сливали отработку, помывочный бензин и бог весть что еще. Старательно распределил по поверхности и притоптал ботинком.

Местные притихли. Со смесью недоверия и ненависти провожали обидчика глазами. Второй выстрел заставил их втянуть головы в плечи, то Максимка эффектно хлопнул опустошенную бутылку.

— А сейчас сделали так, чтобы я вас искал! — и повел стволом из стороны в сторону. — Всосали, нет?..

Упрашивать никого не потребовалось.

Максимка чувствовал себя героем. Приосанился, грудь выпятил колесом, даже походка преобразилась, раньше таскался носом вниз, а теперь вышагивал гордо, глядя поверх голов. Из никчемша, жалкого воробышка, подбирающего крохи, он на глазах превращался в хозяина жизни, который мог все.

Сначала Максимка с Саньком завернули в «Макдоналдс» и обожрались там так, что едва выползли из-за стола. После наигрались в автоматы. До икоты, до звона в ушах, до потери пространственной ориентации. Затем обкушались еще и мороженого. Санек не задавал вопросов. Для него само внезапно свалившееся счастье было важнее причины, его объясняющей. Долго гуляли по улицам, глаза на витрины дорогих бутиков. И если Санек с обычным праздным любопытством, то Максимка уже нет. Он примерялся, изучал, какие блага можно взять от жизни еще.

В одном из кафе Максимка увидел Лену. Та сидела с каким-то невзрачным кавалером за столиком напротив окна. Кавалер захватил Ленины ладони и о чем-то непрерывно говорил. Стихи читал, наверное. Рядом в вазе сиротливо стояла одинокая роза.

Так вот на кого Лена их променяла. Хотя, что значит «променяла»? Кому они, нафиг, нужны? Трудные, дерзкие, злые. Кто ж по собственной воле с ними останется? Да еще в Новый год? Разве что Баба Галя. Так уж сложилось. Мужа у нее нет, дети взрослые, разъехались. Да и не сладилось у нее с детьми своими, сама рассказывала. Осталась она в детдоме одна на всех. Такая вот семья... А Лена — что? Практику доработает свою и не вспомнит...

Ну и пусть! Максимка проглотил комок. Беспомощно огляделся. Он не хотел больше оставаться здесь, но и уйти просто так не мог. Взгляд его упал на витрину ювелирного магазина напротив. Там в золоченом ведерке, трогательные и роскошные, стояли белые тюльпаны, каких Максимка и не видел никогда. Все произошло как-то само собой. В руках вдруг оказалась охапка таких же.

Велел Саньку:

— Поди, отнеси.

А сам остался снаружи, словно наблюдая сцену немого кино. Лена смутилась, неловко приняла цветы и обернулась к нему. Помахала рукой. Максимка не ответил, остался стоять, как стоял. После развернулся и зашагал прочь.

Важно первым отвести взгляд, первым уйти. Чтобы не думать, что тебя бросили. Никогда. Никогда.

Вернулись на такси. Поначалу горбоносый водила отказывался везти наотрез, долдонил: «двойной счетчик» — и все. Понятно, много ли возьмешь с двух пацанов? Пока Максимка не вытащил из кармана ворох мятых пятитысячных купюр. Швырнул небрежно: газуй, мол, дядя!

Их отсутствия никто не заметил: в детдоме кипела суматоха. В большом зале накрывали длинный стол. Туда же притащили цветной телевизор и магнитофон с колонками. Старшие, выставив на дверях стрему, осторожно вскрывали пачки с соком и бодяжили дешевой водкой. Такие пачки помечали особым образом и отставляли в сторонку. Праздник обещал быть веселым.

Все собрались ровно в десять. В десять ноль одну зычным своим голосом Галина Арнольдовна кратко подытожила события года уходящего, зачитала поздравление с годом наступающим, предупредила о неотвратимой каре за распитие спиртных напитков и возвестила о долгожданном начале банкета.

Максимка почти ничего не ел. Что, пожалуй, было не странно. Потягивал неправильный сок и думал. Он вновь ощутил себя на уроке математики, на одной контрольной, когда случайно на перемене подсмотрел решение в учительской тетрадке. Все чего-то пыхтели, пыжились. Отличники, так те больше других. А он, махровый троечник Изотов, сделал работу за пятнадцать минут и поплеывал в потолок. Такого чувства собственного превосходства, пусть краткого, но чрезвычайно яркого, Максимке больше испытывать не доводилось. До сегодняшнего дня.

В новогоднюю ночь все тайне ждут чуда. И только он знает, что чудо будет только у него.

Максимка бросил взгляд на часы — почти половина двенадцатого. Праздник выходил на финишную прямую. Пора. Пришло время загадать то самое желание, главное. В голове шумело. То ли от неправильного сока, то ли от ответственности момента. Вдобавок, вокруг бегали, кричали, грохотала музыка. Максимка крутил волшебный апельсин в пальцах и не мог собраться с мыслями.

Разозлившись, ушел в спальню. Уселся на кровать. Чего же он хочет? Ну, счастья. Чтобы все было хорошо. Чтобы у него была семья. Настоящая. Чтобы... Максимка прикрыл веки, стараясь задержать пойманное ощущение. Однако ничего не происходило. Он попробовал снова и с тем же эффектом. Может, волшебство перестало работать? Нет. Запрошенный чемодан денег апельсин выдал мгновенно.

Максимка обхватил голову руками. Так, спокойно! Нужно просто представить. Просто представить...

Вот, мама. Это такое теплое облако, что часто являлось в снах. Как мама выглядела, Максимка не знал. Да и это и не важно. Главное, что она его любит больше всего на свете, и он больше всего на свете любит ее.

— Ну давай! Давай же! — Максимка бессмысленно сжимал оранжевый шарик.

Теплое облако апельсин сделать не мог. Да и живого человека, наверное, тоже. Это же не палка колбасы.

И тут на ум пришли слова незнакомца. Про наказание, и про то, что можно представить... Максимка вдруг все понял, каким-то глубинным чутьем ощутил, боясь себе признаться...

Слишком просто все выходило, слишком гладко. С какой это стати ему, детдомовскому волчонку, преподнесли такой роскошный подарок. Ведь даже в самых добрых сказках награду предстояло заслужить. Так то еще в сказках. А в доброту реального мира Максимка отучился верить давно.

Чего стоят все эти блага, все несметные богатства, если через несколько минут они истают без следа? Теоретически можно было, конечно, положить деньги в банк или обменять, скажем, на алмазы. Но это только теоретически. Что может успеть мальчик без родителей вечером тридцать первого декабря? Да и не о том Максимка думал сейчас.

Он поджал колени и тихо завыл. Затянул на одной ноте протяжно и бессмысленно.

Несколько людей, живущих вместе, еще не семья. А дом — не просто квартира или жилплощадь. Мамино теплышко не купить даже за все золото мира. Это не вещи.

Распахнулась дверь.

— Чего сидишь? — позвал его кто-то. — Новый год уже!..

Максимка на ватных ногах вышел к столу. Музыка выключили, что-то говорил телевизор.

Нет! Не может быть! Так — слишком плохо, слишком жестоко. С детьми так не поступают, да еще в Новый год.

— Я все понял. Все понял, — шептал Максимка, как заклинание. — Ну пожалуйста! Ну что тебе стоит? Ну?..

Забили куранты. Все заорали: «Ура!»

Сердце тревожно застучало. Кто-то ввалился в зал в костюме Деда Мороза, и Максимке на миг почудилось, что это тот самый, встреченный... Но увы! Дедом Морозом оказалась Баба Галя. Как и полагается заведующей в соответствующих обстоятельствах, была она с красным носом, в съехавшей набекрень бороде, слегка принявши на грудь и с мешком подарков.

В отчаянии Максимка забился в самый дальний угол. Он сжимал апельсин до тех пор, пока из него не потек сок...

Проснулся Максимка совершенно разбитым. Что-то с ним произошло вчера, что-то плохое. Максимка пытался вспомнить, но не мог. Болела голова, саднило во рту. Максимка поморщился и приклеил лбом к холодному оконному стеклу. Стало немного лучше.

Прибежал Санек, покрутился немного для вида и робко заглянул в глаза:

— Пойдем в «Макдоналдс» сегодня? А в автоматы?..

— Нет! — зло отрезал Максимка.

И пошлепал в умывалку. Долго плескал в лицо ледяной водой. Лучше бы вообще не было вчера. И апельсина этого.

— Ненавижу! — Максимка зажмурился и скрипнул зубами. — Ненавижу!..

— Кого ненавидишь-то?

Позади, привалившись спиной к стене, стоял давешний незнакомец. Голову чуть склонил набок, руки скрестил на груди. Максимка не испугался, даже не вздрогнул.

— Всех! И себя. И вас... Вас — больше всего!

Незнакомец усмехнулся.

— За что же?

— За то... За то, что вы не делаете лучше! Можете и не делаете!

Незнакомец дернул плечом в излюбленной своей манере и вздохнул:

— Ты за полдня понял то, на что иным требуется жизнь. Получил урок, жесткий, но необходимый. Пусть ты еще не осознал того, но ты изменился. И уже не станешь таким, каким мог бы. Дело в том, что лучше — это не всегда приятно. Это, как правило, наоборот.

— Приятно, — передразнил Максимка. — Да лучше б вы меня убили! Хлопот меньше...

Тщательно вытерся вафельным полотенцем и направился к выходу. Разговаривать он больше не хотел. От души брызнул дверью на прощание.

Незнакомец остался недвижим. Некоторое время стоял, не меняя позы, потом, неуловимо изменившись в лице, так с разворота впечатал в стену кулак, что по полу разлетелись осколки кафельной плитки и цементное крошево.

Троллейбусную остановку оккупировала галдящая ребятня: детский дом ехал в цирк. Редкие пассажиры жались в сторону и со смесью восхищения и сочувствия взирали на Галину Арнольдовну, в одиночку отважившуюся сопровождать такое локальное стихийное бедствие. На самом деле, неуправляемая с виду толпа подчинялась четким стайным законам. За малышней приглядывали старшие, всякий видел краем глаза соседа. Баба Галя вообще может уснуть, никто не отобьется, не потеряется и не отстанет. Разве что только по собственному желанию. Но тут уж, как говорят: вольному воля. На цепи никого не держат.

Подкатил полупустой троллейбус. Максимке досталось место у окна. Он смотрел на грязные сугробы, на сонных дворников, собирающих мусор и пустые бутылки, оставшиеся после ночных гуляний. Даже гирлянды мерцали как-то тускло. От праздника не осталось и следа. Проносящиеся пейзажи как нельзя более соответствовали настроению, на душе было гадко и тоскливо.

— Цирк! — прохрипел динамик, выдернув из невеселых размышлений.

Салон разом опустел. Максимка встрепенулся и заспешил было за своими. Но чья-то рука легла на плечо, удержала:

— Куда собрался? Нам две остановки еще.

Говорил мужчина. Высокий, в черном шерстяном пальто, которого Максимка неосторожно коснулся щекой. Колючее. И пахнет как-то знакомо... Что-то мимолетно нахлынуло из глубин памяти, как обрывки кино. Вот, его подбрасывают вверх сильные

руки, шершавые и теплые на ощупь. Он утыкается в воротник, оцарапавшись о щетину, ревет... Так мог пахнуть только один человек...

Троллейбус словно ждал, не закрывал двери, предоставляя сделать выбор. Снаружи остались его товарищи, с каждой секундой отдаляясь все дальше. Его стая, его семья, его среда обитания, в которой он провел всю свою сознательную жизнь. Максимка медлил. Робко заглянул мужчине в глаза. Тот улыбнулся в ответ. И этого оказалось достаточно. Двери закрылись. Со звуком, похожим на вздох облегчения.

Максимка сидел, боясь пошевелиться. Может, ему пригрезилось все? Может, выйдет этот человек и отправится по своим делам, к своей семье, к своим детям? А Максимка станет глупо смотреть вслед, стыдясь своей нелепой надежды.

Две остановки длились вечно.

— Пойдем! — мужчина протянул руку.

На ощупь она была шершавой и теплой.

Максимка не знал, что и думать. У него галлюцинации? Или он под гипнозом? Так ведь не бывает...

Они шли молча. Мужчина в пальто смотрел в сторону и думал о чем-то своем. Так могут позволить себе молчать только очень близкие люди, зная, что времени наговориться у них предостаточно всегда. А у Максимки комом в горле стоял единственный вопрос, который он боялся задать.

Недолго попетляв по спальному району, свернули к одной из одноподъездных девятиэтажек, поднялись на лифте на самый верх.

Их встретила женщина в домашнем халате. Просто, буднично, будто не видела всего пару часов.

— Замерзли?

Чмокнула Максимку в лоб, растрепала ему волосы и вернулась на кухню, где что-то готовилось.

Мужчина наскоро вымыл руки и тоже куда-то пропал. Максимка остался предоставленным самому себе. Что это за место? Что тут происходит? Кто эти люди, наконец? Давать объяснения никто не собирался.

Раздеваясь, Максимка отметил, что он, по крайней мере, не единственный ребенок в квартире. На вешалке висела чья-то легкая куртка подросткового размера, а на половичке у двери стояли кроссовки явно не на взрослую ногу. Максимка озадаченно посмотрелся в зеркало в прихожей и неслышно проскользнул в маленькую комнату. Здесь стоял письменный стол

с компьютером, кровать, полки с книгами. На столе стопка тетрадей и учебников, сверху чей-то школьный дневник. Максимка полистал завистливо: почти одни пятерки, несколько четверок, только одна или две тройки. Кто же владелец, интересно? Максимка открыл форзац и нервно сглотнул — Изотов Максим, шестой «А». И тут осенила еще одна странность — почерк! Почерк в дневнике очень похож на его. Поаккуратней разве что.

Блуждающий взгляд остановился на книжной полке, где в рядок стояли альбомы для фотографий. Максимка присел на краешек кровати и открыл первый попавшийся. Несомненно, на снимках присутствовал он сам. Только... Максимка не помнил ни мест, ни людей, с которыми был рядом. Вот, он на море, смеется. Позади те самые мужчина и женщина. Максимка дрожащими руками переворачивал страницы. Вот, судя по всему, первое сентября, первый визит в первый класс, он с букетом гладиолусов. Рядом мужчина, держит его ранец. Вот, еще совсем маленького Максимку везут в коляске. Вот высокое крыльцо со ступеньками. Мужчина неловко прижимает к груди белый кулек с кружевными рюшечками. Это что же выходит, там, в кулке он, Максимка? И те вещи в прихожей его? И он теперь живет здесь?..

— О, ты не разделся еще, — в дверях показался мужчина. — Сгоняй-ка за батоном. И не отнекивайся, пожалуйста.

Максимка и не собирался. Какое там! Он был готов перетаскать всю булочную. Полы вылизывать языком. Да что угодно! У него теперь был дом. Дом!

— Хорошо, пап! — Максимка пробовал на вкус новое слово. Рот произвольно расплылся до ушей.

Получив сто рублей на хлеб и полный удивления взгляд, побежал на улицу. Теперь, конечно, придется на учебу поднажать, думал Максимка, вон у него какой дневник, нужно соответствовать. Но самое главное, у него теперь есть семья! Настоящая семья. Из самого несчастного человека на земле он вмиг превратился в самого счастливого. Эмоции переполняли, хлестали через край. Он не мог просто идти, хотелось бежать. И Максимка бежал, не разбирая дороги. Изо всех сил, словно за спиной выросли крылья.

Он опомнился только когда оказался перед знакомой оградой. Ноги сами принесли его сюда. Стемнело. В освещенных окнах мелькали знакомые силуэты. Вон кто-то сидит на его любимом подоконнике на мансардном этаже, чья-то маленькая сгорбленная фигурка. Санек. Сердце сжалось. Он же теперь останется совсем один. Максимке стало стыдно, хороший же он друг...

А что если... Если обратного пути уже не будет? Такой подарок дается раз в жизни. Вернись сейчас Максимка обратно — и вдруг в одночасье исчезнут и вновь обретенный дом, и родители, и уютная комната? Он столько перенес, столько выстрадал. С чудесами не шутят...

Максимка повернулся, чтобы уйти. Но понял, что не сможет. Не сможет жить, зная, что бросил, что оставил за спиной того, кто сейчас всматривается в темноту, уткнувшись лбом в стекло, и катится у него по щеке, оставляя мокрую дорожку, горькая слезина.

И пусть! Пусть, раз так! Пусть он, Максимка, злой. Он дерзит, он швыряется камнями и учится плохо. Но он не бросит, не бросит! Никогда! Ни за что!

Максимка влетел в проход без калитки, набрав воздуха, как перед прыжком в воду. Дернул дверь на тугую пружине, дверь, что всегда зло хлопала вслед, как сторожевая собака. Вбежал по знакомым до изжоги ступеням, каждую из которых смог бы описать по памяти. Навстречу ему сорвалась тень, уткнулась головой в живот:

— Я думал ты больше не придешь...

Санек не задавал вопросов, наскоро собрал вещи и оделся. Он верил Максимке больше, чем себе. Неслышно они выскользнули на улицу и нырнули в ночь.

Шли долго. Еще дольше Максимка плутал меж дворов. Уходя, он, конечно, старался запоминать дорогу, но ночью все выглядело иначе. Город словно прятал от него заветный дом.

— А нам много еще? — захныкал Санек.

Максимка опустил на лавочку, обхватил голову руками: он сам держался из последних сил. Так и замерзнешь здесь, как в лесу. Упадешь, заметет сугробом и поминай, как звали. Не заметит никто. Даром, что народу, как в муравейнике...

По глазам резанул свет фар. Рядом остановилось, подмигнув зеленым огоньком, такси. За рулем сидел давешний горбоносый водитель.

— Эй, пацаны! Куда вам? Довэзу! Да?

— У меня денег только сто рублей, — предупредил Максимка.

— Э-э, не надо денег! Ты вчера много дал! — таксист его тоже узнал. — Залэзай!

Максимка поведал свое горе. Адреса не знал. Из всех примет — одноподъездная девятиэтажка в десяти минутах ходьбы от остановки.

— Нэ проблема! — обнадежил водитель. — Все по порядку объедем! Навигатор есть, знаешь?

В машине было тепло. Санек отогрелся и сразу же уснул. Максимка несколько воспрял духом. Квартиру он тоже не помнил, поэтому поочередно обзванивал с домофона последние четыре номера. И так дом за домом.

— Всо! — водитель подвел рукой невидимую черту. — Последний адрес. Больше нэт. Ни дэсять минут, ни двадцать...

Домофон не работал, подъездная дверь стояла приоткрытой. Но самое главное, Максимка вспомнил — это здесь. Растолкал Санька, поблагодарил таксиста. Тот улыбнулся и погрозил пальцем на прощание:

— А знаешь, бог меня наказал за жадность. Все дэньги твои вчера потерял! Да?..

Лифт привез их на девятый этаж. Максимка остановился напротив заветной квартиры. Крепко взял Санька за руку. Зажмурился и нажал на кнопку звонка. Тянуть не имело смысла. Он не думал о том, что скажет сейчас. Просто знал: все будет либо хорошо, либо плохо. А слова его ничего не изменят.

Дверь распахнулась. На пороге стояли мужчина и женщина, бледные, встревоженные. Санька с Максимкой сгребли в охапку, накрепко прижали к себе:

— Ну где же вы были столько времени, а?

Максимка всхлипнул. Он мог бы задать тот же вопрос...

Их накормили, напоили горячим чаем. После собрались все вместе на диване в гостиной. Уютно бормотал телевизор. Санек как прилип к маме, так и не отпускал весь вечер. Словно пил и не мог напиться.

— А давайте фотографии посмотрим, — попросил Максимка. Родители переглянулись:

— Н, неси...

Максимка сбегал за альбомами, уселся обратно, поджав ноги. Что теперь там, интересно?

На снимках, и правда, было на что посмотреть. Вот они все вместе едут в Крым на машине. Вот едят мороженое в парке у фонтана. Вот Санек поймал на удочку огромного леща. Вот катаются на лыжах. Вот мама в сугробе... Каждая сцена обрела новыми красками, когда родители наперебой рассказывали подробности. Засиделись до поздней ночи, и только после того, как посмотрели все, Максимку с Саньком удалось отправить спать.

Вместо обычной односпальной кровати в спальне теперь стояла двухъярусная.

— Чур, я наверху! — определил Максимка. Он уже ничему не удивлялся. За минувшие сутки такая способность начисто атрофировалась.

Они нырнули под одеяла и долго не могли уснуть: непривычно на новом месте. Но самое главное, иначе пахла постель. Никогда не спутаешь душистые домашние простыни с выбеленными казенными отрезами со штампами по углам.

— Ну, как тебе наши родители? — шепотом спросил Максимка. — Понравились?..

Санек не ответил. Завозился, засопел обиженно. И тихо заплакал.

— Эй, ты чего? — Максимка скатился вниз. — Чего реवेशь?

— Это... наши... папа... и мама... — Санек захлебывался от рыданий. — Настоящие!.. Мама и папа!.. Понял?

— Ну конечно! — Максимка обнял брата за плечи. — Конечно, настоящие...

— А они... теперь... всегда будут?

— Всегда! — поклялся Максимка.

— А почему они раньше не находились?

— Понимаешь, — Максимка вздохнул, — они нас искали, но не могли найти. Им помог один... один добрый волшебник...

— Дед Мороз? — Санек перестал реветь.

— Да, — кивнул Максимка. — Почти...

— Тогда нужно его поблагодарить, — решил Санек. — А то нехорошо получается.

— Давай! — согласился Максимка.

Вероятно, со стороны зрелище выглядело крайне странно: Санек и Максимка, забравшись на подоконник, шептали в открытую форточку: «Спасибо!»...

Конечно, они не могли видеть, что прямо над их окном, на парапете крыши, безрассудно свесив ноги вниз, сидел давешний незнакомец с початой бутылкой коньяка «Мартель» в руке. Рядом лежал ошкуренный апельсин.

— Да идите вы уже спать, детские дети! — пробормотал незнакомец и усмехнулся.

Как следует приложился к горлышку. Он мог себе позволить. Он все сделал правильно.

Ведь прав этот парнишка. Как ни крути, прав. Чего стоит мир, где даже дети не верят в сказки? Да еще в Новый год?

И никому не нужно знать, что «папа» — это несостоявшийся самоубийца. Или, правильнее сказать: состоявшийся, но, гм...

немного не долетевший до земли. А «мама» — душевнобольная, навсегда заблудившаяся в глубинах сознания. Незнакомец вздохнул. Он, конечно, на минуточку, «волшебник». Но не бог. Новых людей делать не умеет. Разве что естественным путем... Зато умеет переделывать старых. Но этого никому знать не нужно. И никто об этом не узнает.

Стоит понаблюдать новую семью какое-то время. Ведь можно насадить память, кратковременную, долговременную, моторные реакции, привычки, но изменить индивидуальность до конца не под силу никому. И если плохо сконструированы внешние условия, все полезет по швам.

Незнакомец снова отхлебнул из горлышка и посмотрел бутылку на просвет. Ему отчего-то казалось, что все здесь будет хорошо. Нет, не казалось. Он был в этом уверен. Ведь Новый год же все-таки, елки-палки...

Сироты предпочтительны

Повесть

«Требуются худощавые молодые люди, не старше 18 лет и не тяжелее 65 килограммов, опытные наездники, готовые каждый день смотреть смерти в глаза. Предпочтение отдаётся сиротам. Оплата — 25 долларов в неделю».

(Объявление о найме в конную почтовую службу
«PONY EXPRESS», США, март 1860 г.)

Ядерный подводный ракетоносец «Делавер» шел в сумраке полутораста метров под спокойной поверхностью Тихого океана. Скользил неспешно и бесшумно, едва вращая своими огромными саблевидными лопастями в безмолвной глубине и лишь изредка перекадывая слегка рули для коррекции курса-дифферента.

Субмарина вела себя сама, без участия экипажа — который не вмешивался в управление, хотя и наличествовал внутри в полном составе: начиная с Капитана, лежащего в своей каюте головой на столе поверх пистолета, пуля из которого застряла в переборке, слева от расколотого черепа, и заканчивая младшим коком, который некогда не смог в панике пробиться к камбузу через раздутое тело Лейтенанта, застрявшее в гермодвери. Нынче его останки, в почти неистлевшей синтетической форме, скрючились на заляпанной органикой палубе. Придавленные массивной грудой того самого Лейтенанта, впоследствии подразложившегося и оплывшего поверх.

Пусковые ракетные шахты, в которых ждали — и дождались однажды — своего часа ядерные полуторамегатонные «Трайденцы», давно опустели. За исключением последних двух «Актвов возмездия», разумеется. Реактор же много лет назад, перед самым пуском ракет, был переведен экипажем в экономический режим, да так в нем и оставался, и этого вполне хватало

для дремлющей подлодки, неторопливо продолжающей свой путь во мраке.

Спешить некуда.

Первым после боевого пуска умер Капитан.

Он был настоящий и честный военный моряк с большой выслугой лет, огромным опытом и стальным характером. Когда поступил подтвержденный приказ на боевое применение ракет, Капитан отдал все необходимые в таком случае команды, твердой рукой повернул один из блокирующих ключей на пару с другим старшим офицером и принял потом доклады о выходе ракет из пусковых устройств от экипажа, который сработал, как и предполагалось, — точно и безупречно.

Минуту спустя он передал командование первому помощнику и спустился из центрального поста к себе в каюту. Где заперся, а после выставил на стол запечатанную фляжку коллекционного «Johnnie Walker Blue Label» за три с половиной тысячи долларов и чистый стакан, а рядом положил пистолет и свою фирменную кепку.

Капитан много лет командовал «Делавером». Он прекрасно сознавал, какую фатальную мощь несет его корабль сквозь океан, и нисколько не сомневался в том, что по приказу всю эту мощь применит безо всяких рефлексий. В конце концов, это были цель и смысл его службы, а службу он выбирал себе сам.

Но не менее четко он понимал и другое.

Что По-Ту-Сторону, сквозь эти же глубины, идут похожие, только чужие, тяжелые атомные ракетноносцы, не меньшие по размерам и мощности арсенала. И на каждом, конечно, есть не менее опытный, решительный и верный долгу Капитан, который так же не дрогнет, поворачивая по приказу ключ на старт...

...А значит — уютный, обжитой домик в пригороде Вашингтона, скорее всего, уже разлетелся пеплом вместе с айвовыми деревьями в саду. Вместе с любимой женой, двумя маленькими дочерьми и стаффордом Макси, которые не смогут укрыться: от ТАКОЙ войны укрыться негде. Да уже и незачем.

Видит Бог: то, что Капитан ушел со своего судна не последним, стало единственным нарушением долга с его стороны.

Корабельный врач делал все, что мог, пока мог: складывал тела (самоубийство; последствие вооруженной драки; отравление технической спиртосодержащей жидкостью; травма, не совместимая с жизнью; ожоги четвертой степени; снова

самоубийство...) в рефрижератор, педантично пополняя базу данных учетными записями. Потом начал помещать тела в продуктовый холодильник, по мере освобождения объемов. О похоронах по морской традиции речи не шло: для этого надо подняться на поверхность, а там, сами понимаете, хоронить пришлось бы всех подряд и сразу. Нет-нет, только через год-полтора-два, когда чуть спадет радиационный фон... Да и всегда остается надежда на земное погребение, чем черт не шутит?..

Врач сделал себе укол в приступе жестокой депрессии, когда единственный оставшийся в живых кок снова урезал на пятую часть паек, и без того мизерный, и теперь оставалось только ждать голодной смерти остатков экипажа.

Урезание вызвало очередной кровавый бунт — последний, но самый разнузданный. Жертвами которого стали многие, а среди них и исполняющий обязанности капитана, лейтенант-командер, ранее управлявший силовыми установками и сохранивший твердость духа во всеобщем отчаянии, даже когда совсем замолчал эфир, спутники перестали передавать GPS координаты, а от командования не дождались более ни одного приказа.

Потом среди полуживых подводников не осталось ни одного, кто знал бы, как вообще произвести всплытие.

Последним скончался маленький гидроакустик-энсин, тихо и в блаженном состоянии, поскольку сошел с ума задолго до этого. Ко дню своей смерти он несколько суток кряду сидел в кают-компании и играл в традиционный криббедж с друзьями. Друзья по мере разложения оседали и сползали со стульев, но энсин упорно и заботливо собирал их и водружал обратно со словами увещевания. При этом он не ел, не пил, и ходил под себя, пока смерть не пришла к нему. Тогда он вдруг почувствовал, что колышек для криббеджа становится необыкновенно тяжел. Энсин решил немного поспать, извинился перед друзьями и закрыл глаза — в последний раз.

С кончиной этого офицера в отсеках все стихло и замерло. Не получая установленное время команд с пультов и не фиксируя движения в отсеках, бортовой компьютер погасил все мониторы, сигнальные панели и дежурное освещение. Потом запустил авторулевой на движение по курсу «после часа X», заложенному в память. Самый малый ход, шумоподавление. Раз в месяц — всплытие под буй для получения координат и автоматической коррекции курса. При отсутствии сигнала GPS — обратное погружение и движение по счислению на основе последней коррекции данных.

...При первых признаках атаки, повреждении, при посадке на грунт или иной нештатной ситуации — непланный подводный слепой пуск «Актов возмездия» по территории стратегического противника, полное всплытие и самоликвидация с подрывом реактора.

...При благополучном достижении «часа Х-дубль», заложенного в память и отсчитываемого от зафиксированного боевого старта ракет, — всплытие, плановый поочередный слепой пуск «Актов возмездия» по территории стратегического противника и самоликвидация с подрывом реактора.

Черный смертоносный Левиафан, дремлющий на ходу, в глубоком сумраке, в равнодушном ожидании назначенного ему часа.

Нельзя не признать: Безумный Йенсен, капитан корабля-Охотника «Баловень Судьбы», несомненно, являл собой Эталон Правильного Капитана. Таким, каким положено быть Настоящему Капитану (в представлении большинства, по крайней мере): борода и трубка, спокойствие и уверенность, решительность и обстоятельность. А также интуиция, чрезвычайно развитая долгой и чертовски нелегкой жизнью, и очень трезвый взгляд на возможности своего корабля и своего экипажа.

Большой Недовойне капитан Йенсен отдал правую ногу, полтора не очень нужных пальца левой руки, квартиру на окраине полностью разрушенного Сан-Диего, год жизни на лечение и реабилитацию после лучевых ожогов и половину зрения на правый глаз.

И считал, что очень дешево отделался.

До Недовойны Йенсен (тогда еще не прозванный Безумным) водил сухогруз каботажем вдоль тихоокеанского побережья обеих Америк. Сухогруз погиб в составе эвакуационного конвоя, а выживший капитан Йенсен нынче был уже немолод, грузноват, сед, носил военную форму, как прежний капитанский китель (то есть далеко не всегда и не везде), да так и не освоил полностью военно-командную манеру поведения на вверенном ему Охотнике.

Сейчас Йенсен любовался с ходового мостика на рассвет под трубочку доброго довоенного табака (большая коробка Виргинского, часть правительственной награды за отличную службу).

«Баловень Судьбы» неспешно следовал четыре узла норд-тэнь-норд-ост в сотне миль к востоку от островов Кука, оставляя

взошедшее солнце по правому борту и расходящийся след за кормой. Солнышко, анемичное и дрожащее, проступало из мглы и мути у горизонта. Отражение его серо-багрово плавилось на ленивой, пологой зыби и колыхалось вместе с нею под полным штилем. Который день уже погода баловала экипаж: светило вполне отчетливо просматривалось сквозь пыль в верхних слоях, радиационный фон оставался очень скромным, никаких дождей и даже не очень холодно. Верных семь-десять, если по Цельсию. Пророчимая «атомная зима», к счастью, так и недонаступила.

Холод донимал только юнгу, тощего и довольно бестолково-го паренька, что маялся рядом с Капитаном на мостике.

Юнга подошел с запросом на расходники, от Мастер-комендора — и вынужден был теперь торчать здесь, под страшным небом, возле зыбких релингов над пучиной, повторяя «да, Сэр!» и «нет, Сэр!», поскольку у Капитана случилось настроение отчески поговорить. Первый рейс на Охотнике начался для парнишки совсем недавно, он еще не привык бояться спокойно. Единственным позитивом в окружающем юнгу мире был в эту минуту только уютный запах от капитанской трубочки.

— ...Чудеса, юноша, именно ЧУДЕСА! И не возражайте.

Юнга возражать вовсе и не думал, он только пытался не очень громко стучать зубами. Получалось так себе.

— ...Мы живем в самую что ни на есть настоящую эпоху чудес. Вы ведь родились незадолго до Недовойны? Ну, тогда просто представьте: на судне пожар, в трюмах течи. Стоишь у амбразуры на наспех бронированном мостике, вокруг полуживые и мертвые товарищи, ноги скользят в натекшей с тебя и еще с кого-то кровище, стекла противогаса запотели, рулевое сдохло окончательно, а снаружи валит черная гарь, а дозиметр трещит-захлебывается, и понимаешь так ясно-ясно, что — все, сам тоже уже покойник: сейчас будет удар. Последний и окончательный. Шкурой чувствуешь, как где-то в стратосфере разделяется боеголовка, и боевой блок начинает падать к тебе в гости... Или как лязгает затвор за горизонтом, на линкоре противника, вгоняя в камору атомный тактический снаряд... Ждешь, молишься за грехи свои... И — ничего. Нету последнего удара! Просто нет. Ну, не чудо разве? Спускаешь шлюпки и живешь дальше!.. Но самое главное: что, слава Тебе, Господи, Недовойна вообще остановилась в шаге от невозврата. Еще десяток ядерных атак — и финита. Выживание на планете невозможно. Оста-но-ви-лись! Одумались ведь, очухались! Все враз, по обеим сторонам! Эпоха чудес, брат-смертник, именно: эпоха чудес. Да, трудно. Да,

ресурсов нет, считай, никаких и ни у кого. Да, людей осталось на всех континентах — кот наплакал... Голод, болезни, вырождение, смертность... А знаешь, в мое время были в моде такие фильмы... Как человечество выживает ПОСЛЕ ядерной войны. А? Смешно? Не смешно. Какое там было бы, к черту, «выживание»? Какое «человечество»?! У нас война и не началась толком, а мы уже на грани... Но — живем же, худо-бедно! Через век другой легенды слагать начнут... Если мы сейчас не оплошаем, конечно, брат-смертник...

Капитан перебросил челюстью трубочку справа налево и слегка кивнул куда-то вперед по курсу.

Юнга нервно сглотнул при обращении «брат-смертник» и глянул туда же, по курсу, кутаясь в куртку.

— Капитан, сэр, она... там?

— Очень надеюсь. Под этими вот волнами, недалеко по носу. Слабый шум. Если подтвердится — идет, лапушка. У нее, как водится, один или два выстрела в шахтах и реактор, полный чертовски радиоактивного урана. Все это надо аккуратно развалить и похоронить, чтобы не рвануло... А?... Да почему же «гадина»? Это железка, юноша. Просто аппарат, который делает то, для чего построен... Можно, конечно, его ненавидеть, но — бессмысленно, а в боевых условиях еще и опасно. Вот, дождемся подтверждения от слухачей и начнем, благословясь... Страшно по первости?

— Страшно, сэр.

— Имя?

— Сэмюэль Джой, сэр!

— А... Припоминаю... Это не вы пару месяцев назад пытались забодать вербовочного чиновника на базе, в Пуэрто-Ангело? Когда он не хотел подписывать с вами контракт?

— Да, сэр! Конечно, сэр! Вы тогда просто сказали: «Я — капитан Йенссен, а это — мой юнга», и этот упырь сразу выдал документы. Вот было здорово, сэр!

— К вашим услугам, юноша. Напомните только, почему он вас тогда отшивал?

— Да... В общем-то, правильно отшивал, сэр... Я ведь, честно говоря, признан генно-чистым и включен в наследственную программу.

— Бог мой! Того вербовщика, наверное, уже повесили за нарушение долга... Так какого же беса вас вообще сюда понесло, юноша? Только не втюхивайте мне про «почетный и добровольный долг», ладно? Наслушался уже — вот, ахать-охать-цокать устал. Вы же не вербовочных объявлений начитались, типа

этих... Где «...сироты предпочтительны»? За что тиранил несчастного инвалида?

— Родители скончались, сэр. Отец отдал себя на органы, что-бы взамен вылечить мать, но она все равно потом умерла. В доме две маленькие сестры и младший брат, больной... А у меня органы не берут, потому что я признан генетически...

— Понятно. Полное пожизненное содержание семьи, — кивнул Безумный Йенссен, — и двенадцатичасовой курс подготовки, без практики, для вас, уже на борту. Да... Вы, юнга, не за себя бойтесь, за них. Вам-то что: ну, не повезет, так сгоришь — и вся недолга, отмучился. А они будут дооолго помирать, вместе со всеми остальными. Последними землянами... Несколько неудач у Охотников — и конец цивилизации. Пара подводных взрывов, десяток наземных, несколько подорванных реакторов... Вы у нас куда определены по боевому расписанию?

— На «Эрликонах», сэр... Оператор наведения.

— Ну, это хорошее место. Под ракеты лезть не надо, под воду тоже. Если ядерные боеголовки у дичи не сработают — никакой опасности. Делай, что сможешь, и Господь нас не оставит... Мексиканец, вылезай, мы просто болтаем!

— Есть, капитан, сэр!.. Ей-богу, есть! — Тотщий, смуглый, покрытый старыми зарубцованными ожогами Мексиканец (которого все на Охотнике так и звали «Мексиканец», потому что после контузии он забыл свое имя, жетон потерял, документы его сгорели прямо на нем вместе с формой морского пехотинца, а на мексиканца он был просто похож. Хотели, конечно, прозвать Фредди Крюгер, но один Крюгер на «Баловне» уже имелся — Мастер-механик с того самого погибшего довоенного сухогруза, который водил некогда Йенссен), как был, в наушниках с болтающимся шнуром, перескочил комингс люка.

— Капитан, сэр! Устойчивая слабая отметка на пассивной прослушке! Дистанция, предположительно, три мили, глубина порядка ста шестидесяти, курс норд-норд-ост, скорость около пяти узлов! Зафиксировал дважды и подтвердил... Сэр...

Мексиканец щурился из-под ладони от солнца на пологих волнах, глазам его было больно после сумрака в рубке гидроакустиков.

Юнга затаил дыхание.

— ...Не кит, надеюсь?

Безумный Йенссен спросил «про кита» в точности, как должен был это сделать Настоящий Капитан: полуобернувшись

к акустику, выждав секундную паузу, а потом пыхнув трубкой и приподняв иронически густую седую бровь. Вопрос «про кита» традиционен на всех Охотниках. Кто был автор, и почему прижилось, было забыто уже давно. Но произносилась фраза всякий раз истово, как «Ни пуха, ни пера», или как «Спаси, Господи». Капитан, опустивший «про кита», рисковал навлечь неудачи на себя, на свой корабль и на весь экипаж Охотника, которому удача-то, как раз, ох, как нужна.

— Нет, сэр, шум совсем другой! Кит в пути не шепчет, а тут явно подавление... С вашего позволения, сэр... — Мексиканец канул обратно в люк. После контузии он шуток не понимал и всегда был очень серьезен.

— Не упустите его, Мексиканец, — попросил вослед ему Капитан Йенссен. Пыхнул трубкой и добавил, подумав: — Пожалуйста... Да... Рулевооой!!! Норд-норд-ост, пять узлов! Юнга! Мгновенно Старшего помощника ко мне!!! Мгно-вен-но!.. Ты еще здесь?!!..

«Безумный», — благоговейно шептал паренек, ссыпаясь по трапу вслед за Мексиканцем. Люк над головой лязгнул, захлопываясь.

Офицеры Охотника, даже старые кадровые, Капитана уважали: во-первых, за «без сю-сю» отношение к своему специфическому экипажу, а во-вторых — за шквальную решительность, которая в полсекунды выворачивала облик Старого-Душки-Шкипера в Морского-Волка-Вперед-Колченогие-Душу-Выну.

С во-о-от такими клычищами.

Как сейчас.

— Сэр?

— Старший помощник, всех наверх. Построение на шканцах, кроме вахтенных.

Старпома унесло в ходовую рубку.

По всему кораблю загудела громкая связь. Залязгали гермодвери, затопало.

Капитан осторожно выколотил трубку о планширь в ладонь, ссыпал пепел в карманную пепельницу (последний подарок покойницы-жены) и снова глянул на тусклое солнышко. Он крайне редко бывал на берегу и не интересовался — каково там. Судя по таким вот прозрачно-дрожащим юнкам, ничего хорошего. Приходя на базу после охоты, Йенссен удалялся, как правило, к себе в каюту на все время бункеровки-дозарядки и появлялся только подписать документы, получить регулярную премию (мешочек

трубчатого табака, коробка книг, две фляги скотча и четыре бутылки джина, иногда заменяемого водкой), принять рапорты да скомандовать отдачу швартовов.

С пополнением экипажазнакомился уже в море.

От отпуска и смены он отказывался много лет подряд, за что и был прозван Безумным. Командование ругалось, врачи негодовали, моряки тихо радовались: «Баловень Судьбы» оказался поразительно везуч и живуч для Охотника, и бортовые мистики связывали это с неотлучным присутствием на борту Безумного Йенссена.

Иногда Йенссен сам в это верил.

Но, если уж откровенно, как самому себе...

Он просто не хотел доверять свой корабль чужому капитану. Старый контейнеровоз, добросовестно восстановленный и превращенный в Охотника, напоминал норвом его прежний, довоенный сухогрузик. Обвешанный нынче вооружением от носа до кормы и от ватерлинии до самых клотиков, он так и не потерял гражданского силуэта. Йенссен очень любил свой нынешний корабль. И, видит Бог, блага, положенные экипажу Охотника, — чистые вода и питание, отличное жалованье, хорошее жилье на берегу и содержание семьи за счет народа — были тут не при чем.

Из полусотни спущенных на воду после Большого Мира кораблей-Охотников в живых и на плаву оставалось теперь хорошо, если полтора десятка на весь Мировой океан. Йенссен очень не хотел оказаться где-то на берегу, когда (и если) Судьба, наконец, явится за его любимым «Баловнем».

А семьи у Капитана и вовсе больше не было.

Безумный Йенссен вздохнул еще раз, принял у Старпома свою капитанскую фуражку, надел, проверил середину козырька по кокарде и протянул руку за микрофоном.

Последняя минута покоя растворилась за кормой, в беспокойном тумане.

Так настороженное «скоро» превращается в решительное «уже».

Йенссен смотрит вниз, на ровный строй моряков, медленно двигая ползун выключателя на микрофоне в положение «он». Если «Баловню» не повезет — кто-то из них не доживет до ночи. Если не повезет сильно — утра не увидит никто. Если повезет... Со щелчком выключателя обратный отсчет готовности

«два-тридцать» до первого импульса гидролокатора пускается резвым аллюром.

Два часа двадцать девять минут двадцать секунд.

— Моряки! Артиллеристы, ракетчики, летчики, дайверы! Офицеры! Матросы! Братья-Смертники! Настал момент отдать долг Земле, которая из последних сил содержит нас, как лордов, на борту нашего санатория, а наши семьи — за счет народа на берегу! Мы идем по следу дичи, и время начинать Охоту. Вы все знаете, что наша Охота опасна. Дико опасна. Приходится воевать тем, что осталось и хоть как-то работает. После каждого условно-удачного выхода экипажу требуется пополнение в размере до половины состава. Выживших после гибели самого Охотника не оставалось ни разу. Поэтому мы все — исключительно добровольцы. От Капитана до юнги. Либо те, кто в Большую Недовоину потерял все и не хочет, чтобы такое же случилось с кем-то другим после Большого Мира; либо те, кто согласен рискнуть в обмен на пожизненное обеспечение своих близких, поскольку выживание после Большого Мира — штука возможная, но чертовски нелегкая. Либо те, кто хочет умереть от своих неизлечимых военных хвороб не впустую и не в своей постели... Мы все знали, на что идем, и поэтому мы — здесь, и перед нами — наша цель. Сейчас я, ваш Капитан, следуя установленному Закону, спрашиваю вас: есть ли среди экипажа передумавшие умирать за Землю и желающие покинуть борт?.. Вам гарантируется спасательный плот, радиомаяк, припасы на неделю и дистанция минимум в двенадцать английских морских миль до точки Охоты. И отсутствие комментариев при проводах. Не Бог весть что, но выжить шанс есть...

Безумный Йенсен отворачивается на секунду от микрофона и кашляет в сторону. На открытом крыле мостика, за его плечом слева, неколебимой скалой Старпом. Джереми Смит. Огромный, иссиня-черный эфиоп, сверкающий большими глазами из-под фуражки с позументами. Седые виски. Два европейских университета, морская Академия и твердо обещанная врачами смерть от опухоли через четыре-шесть месяцев. До зачисления на «Баловень» один выступил против банды мародеров. Капитан Йенсен нашел рекомендованного ему Джереми Смита полумертвым, в реанимации общего госпиталя, в Ванкувере, когда обгорелый и сильно побитый пиратами «Баловень Судьбы» пополз в ремонт на одной полусдохшей машине (к остаткам знаменитых некогда верфей «Seaspan Marine»).

Моряки внизу стоят темным, ровным, недвижимым строем, по службам — от Мастер-специалистов на правом фланге до того мерзлявого юнга на левом. Он дрогнул, или показалось?..

— ...Нет таких? Я и не сомневался, ребята. Спасибо. Старпом?

— Внимание, экипаж... Боевая тревога! По местам боевого расписания, активация систем, готовность к разворачиванию четыре минуты, доклад по готовности старшим по службам. Офицерам сбор в командном пункте через три минуты!..

— Капитан, сэр! — из ходовой рубки на мостик высунулся радист. — Наш сосед на западе радирует, что тоже ведет дичь!

— Джонни Джоунс и его «Серебряный Закат». Два патрулирования впустую. Ему, наконец, повезло? Непонятно: две лодки рядом... Ну, поздравьте его пока, я свяжусь после инструктажа. Так, теперь...

Строй на шканцах внизу, за спиной Йенссена, по отрывистой команде ломается и взрывается топотом; трапы и настилы грохочут под разбегающимися на боевые посты расчетами.

— ...Связь с берегом, пусть транслируют на Базу. Начало охоты расчетное — через три часа. Сверьте часы. Дежурный «Авакс», наблюдение на квадрат, гнать гражданских, если есть, ну... Что-бы все, как положено. Связь постоянная.

— Капитан, сэр. Офицеры на командном пункте.

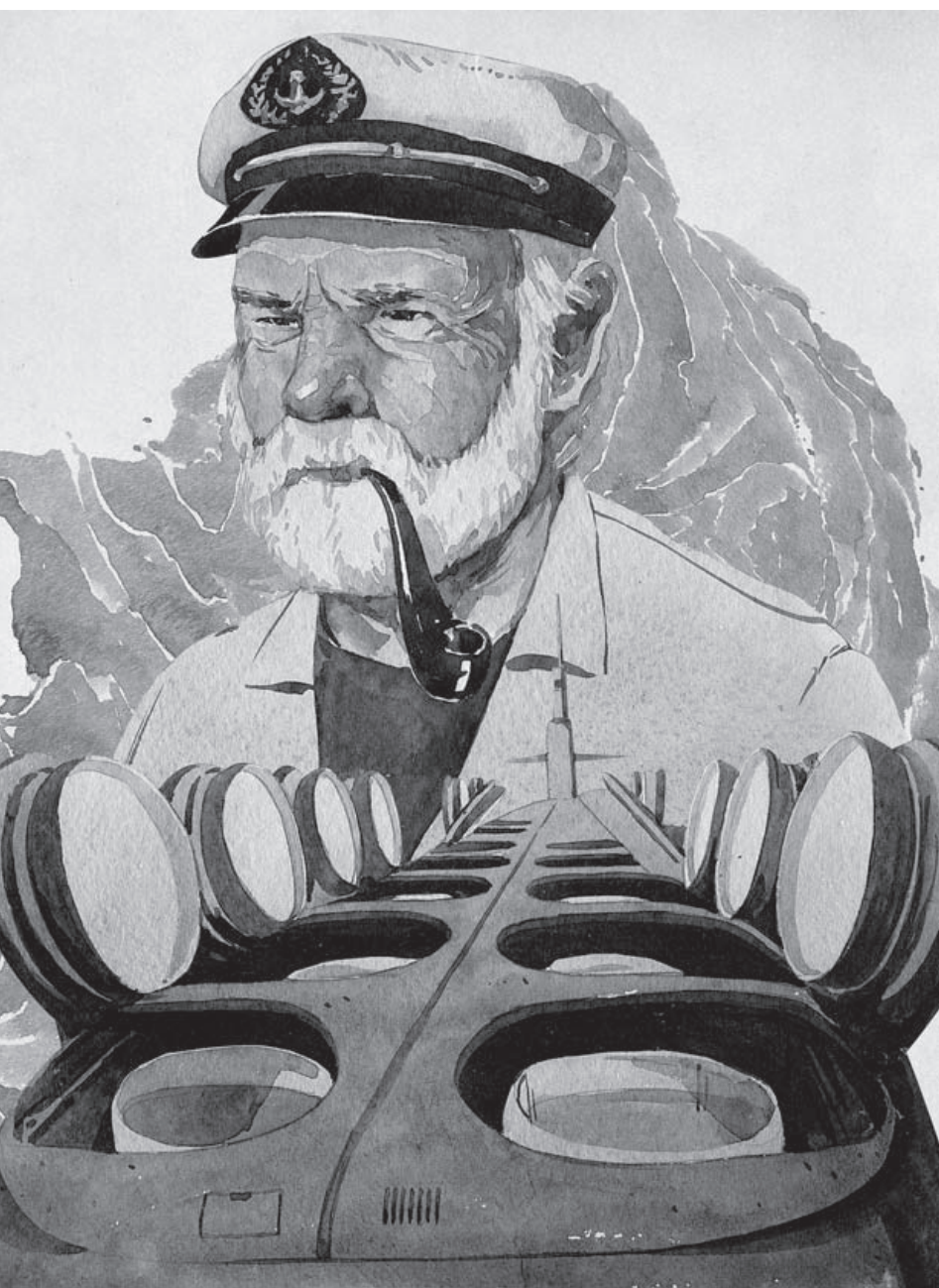
— Идемте, Джереми. Вы знаете, Джереми, у вас ведь у единственного из старого экипажа нет прозвища. Почему бы?

Три палубы вниз, внутри многоэтажной надстройки. Трап погромыхивает под протезом Капитана. Ниже по трапу в сумраке (экономическое освещение) плывут белый китель и белая фуражка. Под фуражкой взблескивают зубы в улыбке:

— Нет устоявшегося, сэр... С вашего позволения, я на этот трап тоже первым... Меня зовут Дылдой, Головешкой, Копченым Мальчиком, Черным Маньяком, Зулусом, Абамой, Кинг-Конгом, Малышом Джереми и еще примерно десятком кличек... Осторожно, сэр, тут вода на ступенях, я потом выясню — откуда...

— Джем, вы еще на руках меня понесите!

— Пфу! А кто в прошлом рейсе на два пролета порхнул? Наверное, я неправильно помню? Наверное, это был какой-то другой Капитан Йенссен?! Старина Джереми чуть не рехнулся тогда! Вам-то что: свернул себе шею, завернули в простынку, чугуину на ноги, да за борт. А мне потом что — этим линкором командовать?! Премного обязан... Осторожно, сэр, тут ремонт... Не заслужил я пока постоянного прозвища...

— За три охоты? — хмыкает скептически Безумный Йенсен. И через секунду вредным таким тоном: — А я, зато, знаю, кто и почему называет вас Черным Маньяком!

— Сплетни!.. — решительно вскидывается белая фуражка с глазами под ней. — Ээ... Хм... Прошу прощения, сэр.

Безумный Йенсен довольно смеется. Отеческие разговоры и подначки подчиненных — это у него нервное. И дай Бог каждому такие невроты.

В смысле — не больше.

Два часа девятнадцать минут.

— ...Внимание, господа офицеры... Капитан!

— Вольно! Ну, соблюдай Устав? Хорошо, теперь садимся и будем говорить. Под нами сигнал. Мастер-Акустик?..

— Шумовой сигнал слабый, устойчивый, похоже на ракетно-носец класса «Огайо» и выше. В крайнем случае — сильно модернизированный «Лафайетт», но сомневаюсь...

— ...В любом случае, машина серьезная...

— ...Скорость около пяти узлов. Глубина порядка пятидесяти двадцати футов... Сто шестьдесят метров. Удаление, приблизительно, три мили два кабельтовых.

— Отлично. Итак, лодка идет на скорости патрулирования, допускающей пуск ракет из подводного положения. Через два часа и... пятьдесят одну минуту... мы встанем над ней и зафиксируем ее точные координаты активным сонаром. С этого момента может пойти отсчет времени. Может и не пойти, но рассчитываем на худший вариант. По классическому сценарию лодка должна зафиксировать импульсы и войти в режим пуска-самоуничтожения. Мастер-Инженер?..

— Для пуска субмарина поднимается до глубины тридцать метров. С загрузкой программ в автоматическом режиме это минут сорок-пятьдесят. Пятнадцать минут — вывод первого пуска в минутную готовность, но это параллельно и входит во время всплытия. Двенадцать — второго... Выход ракеты из шахты до поверхности — семь секунд, набор орбитальной скорости — еще восемь. Это все наше время: по первой ракете сорок минут пятнадцать секунд. Начало стрельбы. По второй — пятьдесят две минуты пятнадцать секунд. Окончание стрельбы. По самоуничтожению — данных нет. Порядка минут шестидесяти восьми — семидесяти до подрыва реактора. В любом случае, не раньше второго пуска...

— Дополнительный инструктаж по «Огайо» и «Лафайету» дайверам, после их жеребьевки. Времени на все час. К первому

импульсу сонара их «Стрекоза» уже должна обнаружить подлодку и в готовности сидеть у нее на люке. Мастер-Комендор?

— Развертывание и проверка систем — один час сорок минут. Резерв готовности к началу работы арткомплексов — один час десять минут. Кроме носового «Паамса», сэр, он совсемдохлый, я докладывал, там почти все вручную... Но к началу салюта управимся.

— Мастер-радист?..

— База передает: «Авакс» на подходе к периметру безопасно наблюдения. Гражданских в квадрате нет. Наземные ПВО бывшего восточного противника на случай неудачи извещены. Соседи со своей охотой в тридцати шести милях северо-западнее... Берег желает нам удачи, сэр.

— Удачи... Ну, желает — и пусть... Вы все знаете и без инструктажа, но я обязан, будь оно... У «Тритона» на охоте уничтожение реактора случилось одновременно с выходом ракет. У «Блад Стоуна» команда на подрыв боевых блоков в «Трайден-тах» поступила прямо в шахтах, светлая память «Блад Стоуну» и его экипажу. Помните эту катастрофу?.. Был один случай подрыва боеголовок сразу на выходе из воды. От «Антананариву» вообще ничего не нашли, а экология планеты ухудшилась почти фатально. Короче говоря, наши личные статистические шансы — порядка двадцати процентов, но мы должны их взять, хоть умри. Жизнь на Земле дорогого стоит. Теперь детали... Старпом! Все проверить. Спасательные средства на треть экипажа. Служба живучести корабля. Служба пожаротушения. Медики. Спасатели. Полная готовность. Да, распорядитесь насчет пайков на посты и питьевую воду обязательно, чтобы не как в прошлый раз... Господа офицеры, прошу занять места по боевому расписанию. Начнем, благословясь. Все доклады по боевому сектору — мне, по корабельным делам — мистеру Смиту. С Богом!

Два часа семнадцать минут.

В четырех палубах ниже командного пункта, на миделе, на уровне ватерлинии корабля, при свете резких флюоресцентных ламп команда Мастер-Дайвера Кемпа (прозвище — Жабий Пастырь) тянет жребий. Над открытой в воду спусковой шахтой поскрипывает цепями крохотная желтая субмаринка, похожая на стремительную и хищную личинку стрекозы. В колодце покачивается маслянистая поверхность воды, отражая светильники. Блики плавают по своду ангара, как пятна прожекторов в тревожном ночном небе.

Тесно обступив колченогий столик для вахтенных, дайверы молча и внимательно наблюдают, как Старый Фил-Золотые-Руки (слишком старый, чтобы в воду, но снаряжение при нем в порядке — дай ему Бог здоровья) трясет мятый жестяной чайник, а Пастырь (рад бы в воду, да Капитан, Бога ему в душу, запретил) тянет из чайника бумажки, чтобы с шелестом их развернуть и прочесть выпавшее имя.

— Лягушонок Хью! Старший группы, пилот на выходе.

— Йес!

— ...Пончик Бони — подрывник... Иван-Два-Разá — охранение... Я говорю — охранение! Мало ли там что... Положено... Не слышу?!

— Есть!!!

— То-то. Фил, заваливай хакеров.

Фил вытряхивает остаток бумажек из чайника на стол, отодвигает в сторону, а вместо них сует пучок новых, сняв с него резинку. После чего снова честно перетряхивает чайник.

— Так... Из хакеров повезло... Надо же! Везунчику-Моне! Наконец-то, поздравляю. Сколько на тебя не выпадало?

— Три выхода, сэр.

Маленького и нескладного Моню прозвали Везунчиком, имея в виду прямо обратное: когда Судьба не отмечает кого так долго — значит, чем-то перед ней провинился. Теперь Моня улыбается и прижимает к груди свой герметичный лаптоп.

— Во-во... Парню помирать выпало, а он лыбится. Как я дождался до таких времен, Господи?

— Фил, что ты там бормочешь? Начинай проверку железа. Три человека в помощь, по твоему выбору.

Фил с лязгом вешает чайник на приделанный под столиком крюк.

Кристофер Кемп проводит Везунчика взглядом, задумчиво складывая обратно в пачку бумажки для жеребьевки и перетягивая их резинкой. Крис хорошо помнит первые Охоты, когда эта пачка была куда толще. Дайверов всегда недобор.

И летчиков, как недавно жаловался Мастер-Пилот за вечерними шахматами.

— Капитан, сэр! Мастер-Дайвер. «Стрекоза» в готовности-два, жеребьевка экипажа проведена. Готовность-раз через тридцать минут.

— Добро, принято.

Матросы снаружи сноровисто опускают бронешиты на обзорные иллюминаторы рубки. На командном пункте от этого погромыхивает железом и быстро темнеет, в пыльном воздухе пролегают один за другим лучи солнца из смотровых щелей.

Капитан Йенсен переходит неспешно от щели к щели, вдоль носовых иллюминаторов, и наблюдает, как по всей палубе «Баловня», от надстройки до самого носа, возникает и расходуется волнами движение. Там просыпается чудовищное зенитное сборище Охотника, которому позавидовал бы и линейный корвет, если бы хоть один таковой выжил в Большую Недовойну.

Махонькие славянские сухопутные «Гекконы», снятые с колес и приваренные прямо автомобильными корпусами снаружи к бортам, у шканцев, один за другим, три по правому и четыре по левому; русский же, почти комплектный, корабельный «Триумф»; два больших ребристых контейнера со штатовскими «Пэтриотами», закрепленные на верхней палубе, перед кормовой надстройкой, вместе со своими локаторами, кабинами, паучьими лапами-опорами и высокими антеннами; «Эрликоны-Скайгарды», эскортом окружившие на полубаке эффективный, но ветхий «Паамс», собранный на живую клепку из нескольких полумертвых и внушающий опасение своему собственному расчету; но главное — гордость Мастер-комендора Мордехая Абрамса (Большой Брамс) — совершенно рабочий, почти не поврежденный «Тартар». Целиком вырезанный из выбросившегося на берег полубогрелого атомного фрегата, какого-то из «Калифорний», со всеми исправными системами и полным штатным боекомплектом.

С той же «Калифорнии» хотели переставить на «Баловня» и относительно уцелевшую ядерную силовую установку, но Йенсен встал насмерть и не позволил. Экипаж тогда полюбил его еще больше, а береговые только ругались каждый раз сквозь зубы, списывая залитые в брюхо «Баловня» тонны драгоценнейшего мазута.

Ругались шепотом, потому что «Баловень» своего мазута стоил.

...Разнокалиберные пусковые контейнеры приподнимаются и ворочаются вправо-влево на своих платформах, оживают и замирают вновь тарелки наведения, «Эрликоны-Скайгарды» крутят из стороны в сторону башенками и смешно вращают рыльцами своих счетверенных стволов. Остроносые английские «Сивульфы» выныривают хищно из-под палубы, кивают горизонту

и прячутся обратно... Хаотическое движение по всей стальной громаде завораживает.

Два часа ноль-семь... ноль-шесть минут.

...На полубаке, в кабине «Скайгарда» (прокаченного, повернутого, заряженного и готового к стрельбе), юнга-новобранец Сэм-без-прозвища (не заслужил еще) и Старший расчета, Ники-Богомол, играют в карты на перевернутом планшете, уложенном на пульт управления между операторскими креслами. («Ты нормальный человек, Сэмюэль? До начала кордебалета еще без малого два часа! Ты будешь все это время таращиться вокруг? Боишься проглядеть ракету? Как вылетит — не проглядишь, будь спок. Охрененное зрелище по первости... Давай-давай, сдавай!») Полуиндеец, несомненный бандит из Аризоны, он на вопрос: «А как тебя по-настоящему звать?» отвечал неизменно: «А тебе зачем?». Да так, будто он уже вынул свой нож на рукояти из лосиного рога с мехом и бисером. Новички пугались, а ветераны подобных вопросов не задавали: на Охотниках интересоваться прошлым Брата-смертника — дурной тон, можно и в бубен получить после вахты.

— Ты вообще меня слышишь, юнга?

— Да, сэр.

— Еще раз назовешь меня «сэр» — зубы вышибу. Сдавай, говорю... Твой ход... «сэр» ему... Мы с тобой хлебаем одну похлебку. Сидим в этой жестянке ближе, чем любовнички в кино. Если что — и сгорим вместе, так что сам черт пепел не разделит... А ты мне — «сэр»... Салага. Ход будет?

— Трефы... Ники, а почему «Богомол»?

— А ты не видишь, как у меня колени торчат выше плеч в этом долбаном гнезде? Тут должен сидеть кныш, вроде тебя.

Карта шлепает о планшет. Шлеп.

—...Шучу. Я Богу молюсь, парень. Каждый день. Помногу. И вслух. За то, что Тогда остался жив...

Шлеп.

— ...За то, что с тех пор еще четыре раза оставался жив... За то, чтобы дичь нашлась, а потом не ушла... За то, чтобы «Баловень» вечно ходил по морю... За Безумного Йенссена, дай ему Бог безумного здоровья...

Шлеп... Шлеп.

— Ваш ход, Ники.

— Да... А самое главное, Сэмюэль, — за то, чтобы дожить до момента, когда последняя подводная тварь отправится на дно,

и Охотники станут не нужны... Ну, это я уже загнул, конечно. Жадничаю... Сегодня вот остаться целым — и то уже счастье. Чудо.

Шлеп.

— Капитан мне сегодня втирал о чудесах. Что, мол, сами себя не доби́ли, и прочее.

— Так... По-первых, Сэм. Капитан не «втирает», а объясняет. Нам, балбесам. Что и когда Надо, То и Тогда и объясняет, заруби себе на будущее. Еще раз в таком тоне о Капитане — точно морду разобью... Усвоил, да?.. А во-вторых, это ли чудо, Сэм, это ли чудо?.. «Сами себя», тоже мне... Настоящее Чудо, скажу я тебе, Сэм... Так это, что Второй Акт не начался.

— Второй акт?

Шлеп, шлеп... Шлеп.

— Второй Акт, Сэм. Как в фильмах-жутиках. Войны киберов. Ты знаешь про «Мертвую руку»?.. Понятно, что нет. Никто толком не знает, но кое-что слышали. Некоторые не верят. А я вот думаю — русские вполне могли... Эй, Сэм, ты опять выиграл?! Черти б тебя взяли...

— Я перетасую. А что эта «Рука»?

— Ага, «Мертвая рука». Говорят многое, но, в принципе, примерно одно. Мы русским: мол, превентивный удар вам по всему командованию. А они нам? Да пожалуйста, говорят. Все равно, говорят, огребете в ответ по полной! Прикинь, сделали систему, которая сама распознает ядерные атаки. Сейсмические толчки, плюс рост радиоактивного фона, плюс выбросы в атмосферу... И сама же запускает командные баллистические ракеты. А те летят по всей собственной территории и транслируют коды на запуск ядерного оружия. Всего, которое есть! Вообще без человека! А? Есть командование, нет командования... И чего бы тогда с нами было? Полные кранты всему! Вот... Да ни хрена не страшилка, было такое!.. Ладно, ну ее, эту игру...

Один час пятьдесят семь минут.

— Капитан, сэр! Мастер-радист... Соседи от капитана Джонни Джоунса сообщают, что у них...

— ...Русская подлодка, Дик?

— Э-э... Да, сэр, но каким образом...

— Две подлодки с одной стороны в одном квадрате — это нонсенс, Дикки-бой. Это идиоту понятно... Тип определили?

— Старая «Акула», сэр, насколько они успели определиться...

— «Тифон», значит? Самая здоровенная железяка с ракетами в мире. Повезло Джоунсу.

Йенссен вдруг ощущает подступающую мутную тоску. С чего бы после доброго сна, плотного обеда и трубочки виргинского табачка, под ясным почти небом?

«Акулы», хоть и старые, едва не порезанные на металл, а потом залатанные в период обострения... Страшенные и фатальные рыбины... Их парадоксальные ракеты. Их парадоксальное же военное программирование, безо всякого почтения к старику Гейтсу... Дай Бог удачи Капитану Джонни... Дай, Бог, удачи.

— Дик. Запросите у Джоунса данные — скорость, курс, время начала, готовность. И передайте им все наши... Мистер Смит. Попросите штурманов определить предположительный курс «Серебряного Заката» с его Охотой на данный момент. Это не срочно... Минут шестнадцать-семнадцать у них есть...

Один час сорок шесть минут.

— Капитан, сэр! Мастер-пилот. Аппараты расчехлены, разнайтовлены, заправлены, прогрев сейчас. Готовы к взлету по команде.

Безумный Йенссен энергично переходит к кормовым амбразурам и видит, как на кормовой крылатой наделке, прямо за ходовой рубкой по левому борту, раскручивает со свистом свои лопасти старенький, подгорелый, кривовато залатанный противолодочный вертолетик, похожий на обиженного инвалида-приживалу в сиротском доме.

По правому же борту техники выдергивают заглушки из турбин русского «Як-41». Он стоит неколебимо, освещенный с правого борта восходящим солнцем, хищный и смертоносный демон с вертикальным взлетом, похожий на попечителя того самого сиротского дома, приживалу которого посмели обидеть. Йенссен много раз наблюдал его фантастический взлет, но так и не отучил себя скрещивать пальцы при виде такой очевидной дьявольщины...

Пилот самолета читает планшет, сидя у переднего шасси; но поднимает вдруг голову и смотрит из-под фильтров полетного шлема прямо в амбразуру, в глаза Капитана Йенссена — померещилось? Нет?..

Один час тридцать две минуты.

— Капитан, сэр! Мастер-комендор, Большой... Простите, Абрамс!

— Слушаю, Большой Брамс. Готовы?

— Да, сэр. По «Паамсу» только готовность семьдесят процентов... Наверстаем к объявлению позиции.

— ...Капитан, сэр! Старший помощник. Спасательные средства, спасатели, медики, палубные команды, обслуживающий персонал в готовности ноль.

— Спасибо, Смит. Господа офицеры! Братья-смертники, у нас еще в запасе девяносто минут. Если кто-то не готов, лучше сообщите немедленно... Докладов нет... Благодарю вас. Теперь грустное. Капитан Джоунс ведет «Тифон» к норд-норд-осту от нашей охоты. Вы все знаете, что за штучки, эти русские «Синева»... И они... чертовски близко от нас...

...Жабий Пастырь аккуратно наклоняет глиняную бутылку над четырьмя старыми, стеклянными, довоенными рюмками. Рюмки держат натянутые в черный неопрен дайверы, на кого упал жребий. Лягушонок Хью, Бонни, Иван-Два-Разá, Везунчик-Моня. По сорок граммов, но — настоящий «Джек Дэниелс», вкус которого на берегу забыли уже давно и безвозвратно...

— Удачи вам, ребята.

— Удачи нам и вам, Пастырь!

Жеребьеванные дайверы ввинчиваются, один за другим, в чрево раскачивающейся на таях «Стрекозы». Люк опускается и взвизгивает, задраиваясь.

Лязг цепей.

Плеск воды в спусковой шахте.

Отстрел гаков.

От «Стрекозы» на поверхности остаются только «глаза» двояковыпуклого носового блистера и окрашенный в черное и желтое, сегментами, входной люк.

Старина Фил аккуратно укладывает стеклянные стопки в жестянку из-под патронов.

— Капитан, сэр! Мастер-Дайвер. Прошу добро на выход «Стрекозы».

— Капитан, сэр! Мастер-Пилот. Прошу добро на запуск «Воробушка».

— Давайте, Кэмп. Давайте, Лучано. С Богом... Двум смертям не бывать, как отмечают наши бывшие «восточные противники»... Кэмп! Если это окажется не «Огайо» — вы мой враг навеки! Шучу... Смит, подмените меня на семь минут, мне надо в галюн...

— А кому не надо в галюн перед концертом, — ворчит Малыш Джереми, перебираясь по-крабьи за капитанский монитор.

Свист вертолетных винтов с кормы усиливается; по амбраурам скользит тень. Увечный «Воробушек» быстро уменьшается в размерах, становясь маленькой блестяшкой меж сумрачным и золотистым.

Один час семнадцать минут.

— Капитан, сэр, вертолет пошел на дичь! Время подлета шесть минут.

— За капитана Старший помощник. Принято и зафиксировано, Лучано... Кэмп?

— «Стрекоза» ушла. Время подхода и поиска порядка получения до первого буй-пейджера... Старпом, сэр.

— Записано, Кэмп... И за что ты меня так не любишь? Я тебя обидел когда-то спьяну, что ли? Так это был какой-то другой Джереми, наверное... Прошу в командный пост, офицеры.

Один час двенадцать минут... одиннадцать.

— Капитан, сэр! Мастер-навигатор... «Серебряный Закат» капитана Джонни Джоунса идет пологим курсом сближения. Скорость, по их данным, четыре и семь...

— Наплевать мне их скорость. Мы сойдемся или нет?

— Эээ... Да, сэр. Если курсы и скорости не изменятся ни у них, ни у нас. Расчетное время схождения — один час и сорок пятьдесят минут.

— Черт... Черт!!! Заместителя по тактике сюда! Здесь?.. Голубчик, у вас минут сорок. Проанализируйте ситуацию. Тщательно. На сорок первой минуте, если не будете готовы раньше, жду развернутый доклад. С рекомендациями. Исчерпывающими. Надежными. Чтобы я взял и зачитал все нужные команды прямо по списку... Исполняйте.

Тактик, тихий и неприметный, испарился совсем. Редкий умница. Йенссен каждый раз стоял насмерть против его перевода. Иногда находил возможность угостить стаканчиком скотча. Как зовут тактика, Йенссен, к великому своему стыду, каждый раз забывал. Как-то совсем неприметно.

...Из-под брюшка вертолета, зависшего на малой скорости над центром плещущего внизу круга от его собственных роторов, медленно ползет на тросе и кабеле к океану сонар, похожий на огромную тупую пулю. Достигает воды, пробивает поверхность, исчезает.

Ноль часов, пятьдесят пять минут.

— ...«Баловень», вас понял...

Командир вертолета откидывается на подголовник.

— Что приказано?

— А что тут может быть приказано? Ведем расчетную точку, ждем команды.

— Угу, — второй пилот осторожно проводит пальцами по клавишам на мониторе сонара, касаясь их по очереди. Словно повторяя про себя назначение каждой.

В кабине «Скайгарда» Сэм убирает аккуратнo завернутую ко-
лоду в бардачок для документации.

— Ник, а почему мы заранее не занимаем позицию?

Богомол приоткрывает глаз. Мачо делает вид, что дремлет.

— А где она, эта позиция?

— Ну... где-то там.

— М-да. Позиция, юнга, это расположение относительно ко-
ординаты или ориентира. А «где-то там» — это для девки при уго-
воре на свиданку. Если отвертеться никак, а кинуть ее хочешь.
Нам координаты передавали? Правильно, какие теперь коорди-
наты? Спутники-то накрылись, а как определяться вручную, уже
и не помнит никто, наверное... Теперь ориентиры. Ориентиры
какие-нибудь видишь? Нет?

Ник вдруг нагибается и бросает руку к пульту ориентации.
Кабина вздрагивает, на обзорных мониторах носовые надстрой-
ки «Баловня» уползают в сторону и сменяются горизонтом. На
кромке обзора видна дрожащая антенна какого-то из забортных
«Гекконов».

— «Воробушка» видишь? Воон, пятнышко. Блестит чуть.
Он сейчас как раз над дичью.

— Вижу!.. Так он разве не ориентир?

— Когда сыграют готовность, он станет ориентиром. А пока
это — просто болтающаяся в воздухе железка с пропеллерами.
До которой нам с тобой нет никакого дела. Вот получим коман-
ду — займем позицию относительно него. Между лодкой и тер-
риторией ее бывшего противника.

— Но... Ники, тогда ведь ракеты полетят через нас?

— Не «полетят», юнга, а «пойдут». Конечно, через нас. И ра-
кеты, и ложные цели, и вся наша реактивная кодла. Просто тог-
да мы сможем шарахнуть сначала навстречу, одним бортом, а по-
том — в угон, другим... А, осознал? Правильно, моряк, прямо над
нами все это и начнется. Ба-бах!!! Ты чего такой бледный?..

Ноль часов тридцать шесть минут.

В паре миль вперед по курсу «Баловня» и тридцатью метрами ниже его киля «Стрекоза» быстро увеличивает дистанцию на заданном пеленге, уходя все глубже в бесконечный серо-голубой сумрак.

Пончик Бони (тощий, как скелет, и, как привидение, синий в свете дежурных светильников) на лежанке наблюдателя у носового блистера вщелкивает наощупь длинные патроны в магазин автомата для подводной стрельбы. Впереди, за толстым выпуклым стеклом, в мутном свете прожектора вспыхивают, гаснут и проносятся мимо за корму какие-то частицы, а может — живность. Пончик болтает, не замолкая. Это не мешает ему внимательно смотреть по курсу и возиться с оружием.

Хью на месте пилота, сидя почти верхом на Пончике, пошевеливает слегка джойстиком справа и слева, сверяясь по репитеру жужжащего гидрокомпаса.

Моня-Везунчик, притиснутый к спинке пилотского кресла здоровенным Иваном, по-прежнему прижимает к себе свой лэптоп. Иван-Два-Разá сопит и молча ввинчивает взрыватели в пластидные кубики — малые заряды для подрыва систем самоуничтожения. Моня вглядывается в верхний носовой блистер поверх плеча Хью, где так же монотонно несутся мимо встречные взблескивающие частицы. Голова Ивана упирается в подволок. Моня старается не наступать на ноги Пончика, вытянутые по настилу.

— ...А еще был случай, когда «Изумрудный Будда», возле Шри-Ланки, вообще нашел английскую «Венгард»... Или «Ведджинс»?.. Не помню. С живым экипажем. А? Живым, но совершенно сумасшедшим. Они там друг друга жрали, представляешь? По жребию! Прикинь, мы вот собираемся на жеребьевку, Фил трясет, Пастырь тянет и говорит: «А сегодня мы едим... Пончика Бони!»... А я в ответ: «Да, ребята, конечно, приятного аппетита! Только убивайте не больно!»... Здорово?

— И... что?

— Что... Кого не успели пострелять — пришлось топить вместе с собой и с лодкой. У них там «Посейдоны» стояли на минутной готовности, четыре штуки.

— Хорошо заливать, Пончик.

— Кто заливает, Хью?!.. Я заливаю?!.. Да все про это знают!

— Хорошо, я сказал. Все знают, что у англичан тоже были «Трайденды», а не «Посейдоны». Это раз. Если бы ребята там все к чертям взорвали «вместе с собой» — кто тогда рассказал про людоедов? Это два. И вообще, дай парню сосредоточиться. Везунчик, у всех есть свои мифы. У летчиков, у ракетчиков, у нас.

Даже у Безумного Йенссена, наверняка, есть. И у хакеров ведь тоже, верно?..

— ...Как Имон О`Хейли? — неожиданно усмехается Моня.

— Во! — Лягушонок на секунду отпускает джойстик управления лодкой и поднимает резиновый указательный палец к подволоку, почти ткнув в тусклый синий плафончик, — ломанул и погасил три лодки подряд!.. Может — враки. Может — и правда. Все мифы делятся на страшилки и на агитки. Не парься, Везунчик. Настраивайся на работу. Делай, что сможешь, а там — как Бог даст.

Мощно вибрирует за переборкой маршевый электродвигатель. Сипло свистят две форсунки воздухоочистки. Жужжит гидрокомпас. Щелкают загоняемые в рожки патроны. Шуршит и поскрипывает динамик внешней прослушки.

Летят навстречу светлые пятна в блистерах.

— Курить хочется, — некстати вздыхает Иван, еще сильнее вдавливая Везунчика в спинку пилота. Пончик снизу хмыкает:

— Сейчас накуримся, Иван. Я ее вижу. Командир?

— Нет пока... А... На полпятого по вертикали, на десять по горизонту?

Левый джойстик едва заметно шевелится.

«Стрекоза» чуть кренится и опускает выпученные блистеры. Моня наклоняется через плечо Лягушонка, всматриваясь в забортный сумрак.

И видит, как из этого сумрака проявляется огромный вращающийся винт с изогнутыми лопастями, движущий невероятную темную громаду. Контурные громады расплываются вдали, сливаясь с мраком.

— «Огайо», — замороженно произносит Бони. Везунчик вздрагивает, отворачивается от блистера и открывает лэп-топ. Свечение монитора тоже делает его похожим на привидение в полумраке кабины. Хью вытягивает из подволока микрофон:

— Это «Стрекоза». У нас «Огайо». Глубина по килевой линии сто пятьдесят пять, курс два с половиной градуса, скорость четыре запятая восемьдесят один узел. Повторяю. Это «Стрекоза». Здесь «Огайо». Глубина по килю сто пятьдесят пять, курс два с половиной, скорость четыре запятая восемьдесят один. Иду на носовой люк. Командир группы Хьюго Паркер. Отстрел пейджер-буй.

— Капитан, сэр. Первый буй со «Стрекозы».

— Давайте запись!

«...Это «Стрекоза». У нас «Огайо». Глубина по килевой линии сто пятьдесят пять...» — голос звучит монотонно и зловеще, словно не из глубины, а из преисподней.

— Всё, господа офицеры, — Капитан шлепает фуражку рядом с командным монитором, — задачи поставлены, план-график «Стандарт» у всех зафиксирован. Боевое взаимодействие по план-графику от момента команды. С началом работы вмешиваюсь только по нештатным ситуациям. Посты заdraить, готовность — ноль... Мастер-пилот, по моей команде и...

...Иван-Два-Разá хмыкает.

— Хью, а что — твоя фамилия, действительно, Паркер?

— Паркер. Не родственник тому Паркеру, который делал ручки. А представился по полной форме... Так ведь, вот помру, а на поминках так и будут говорить: «светлая память Лягушонку Хью!» Никто ведь не вспомнит, как и звали полностью! Одна кликуха останется.

— А один черт не вспомнят, будь спокоен. Только кликуха и останется. Так и будут говорить — «помер Лягушонок Хью».

Все ржут, кроме Везунчика-Мони. Тот сосредоточенно елозит пальцами по тач-паду и пристукивает клавишами. Пончик вглядывается наружу.

— Командир, вижу два порта с закрытыми крышками. Остальные откинута.

— Ррррабoтаем, — Лягушонок снова потянул с подволока микрофон, — Моня, отвлекись на секунду, сейчас будем ходовую рубку проходить, под рулем глубины. Обалденное строение, когда по первости... Гм... «Это «Стрекоза»...»

— Капитан, сэр. Второй буй со «Стрекозы»!

— Давайте запись.

«Это «Стрекоза». Мы на носовом люке. Касание и присасывание прошли успешно, юбка обтянута на комингс и осушена, готовы к вскрытию лодки. Глубина, курс, скорость без изменений. При проходе наблюдали два последних закрытых ракетных порта в корме, остальные пустые. Командир группы... Лягушонок Хью! (звук, похожий на смех)».

Ноль часов ноль минут сорок секунд.

— Смеются... Мастер-пилот. С Богом.

— «Баловень» вызывает «Воробушка». Прием.

— «Воробушек» слушает, сэр.
— На счет «ноль», командир! Отсчет от трех. Как поняли?
— Понял, сэр. На счет ноль, от трех. «Воробушек» готов, сэр!
— Три... Два... Один... Ноль.

Старший помощник вдавливая кнопку боевой тревоги. Сна-
ружи по судну перекатываются сирены.

— Есть сигнал, сэр... Получена картинка цели, сэр... Вста-
ли над целью, сэр, скорости уравниены... Высота ориентира на-
брана... Радиолокационные отражатели вывешены... Мы гото-
вы, сэр.

На панно на носовой переборке, под подволоком, загорают-
ся цифры обратного таймера. Померцав мгновение на сорок-пят-
надцать, они перескакивают на сорок-четыренадцать и продолжа-
ют отсчет боевого времени.

— Да поможет вам Бог, Воробушки.

— Все в порядке, сэр! Мы уже помолились. Прощайте, на вся-
кий случай. Конец связи.

— ...Сонар! — Дайверы, в масках и с подключенными дыха-
тельными аппаратами, вслушиваются в отчетливое «тень-тень-
тень» из гидроакустики. Хью выбрасывает пальцы с каждым им-
пульсом, ведя подсчет. Иван, с перфоратором и инструментом-
отмычкой, сидевший в готовности на мокром люке «Огайо»,
в массивном резиновом колодце-присоске, наставляет бур на
центр люка. Сверлит с визгом и разлетающимися металлически-
ми опилками. Потом откладывает перфоратор и засовывает в от-
верстие хобот отмычки.

— ...Восемь... Девять... Десять. Что там, Иван?..

— Есть. Зацеп. Сейчас, — под массивной крышкой люка глу-
хо лязгает, стальная поверхность вздрагивает.

— Поднимаем!

Пончик и Хью в четыре руки тянут зацепленный за крышку
полиспаг.

Люк распахивается в непроницаемо-черное чрево ракетно-
сца, внутренний свет «Стрекозы» выхватывает из тьмы лишь не-
сколько верхних ступеней скоб-трапа. Щелкает фиксатор люка.

— Добро пожаловать в ад, Братья-Смертники, — Хью вклю-
чает фонарь и свешивает ноги с комингса вниз. — Масок не сни-
мать, связь постоянная, оружие наготове. Везунчик, Иван —
командный пост сразу за гермодверью, в корму из тамбура.

Остаетесь там, а мы с Пончиком — дальше, через ракетную палубу к реактору. Всё, бегом. И Бог нам в помощь... Никто же не хочет, чтобы эта дохлятина стала нашим последним кораблем?

Сработавшие датчики движения в отсеках включают слабый дежурный свет.

— ...Все расчеты. Готовность тридцать девять минут. Зона выхода целей: от ориентира, сто двадцать — сто тридцать в корму. Проверить функционирование «свой-чужой». Герметизация боевых постов до сигнала полного отбоя...

— ...Навигаторы. Дежурного штурмана, выход на позицию. Позиция — траверз ориентира, правый борт, дистанция четыре кабельтовых.

— ...По цели. Ожидаем стандартный набор помех: легкие и тяжелые ложные цели, станции активных помех, дипольные отражатели... Всякого мусора будет полно... И... (срываясь почти на крик) ребята, Бога ради, постарайтесь не завалить «Воробушка»!!! Просто ОЧЕНЬ постарайтесь!!!

— ...Целераспределение, целеуказание и координации действий батарей в областях перекрытия зон поражения пусковых установок — согласно стандартному на учениях...

След за кормой Охотника сокращается, изгибается и выравнивается; уходят к левому борту и возвращаются на место буксирные тросы от буев глубинной прослушки. Усиливается ненадолго вибрация корпуса, буруны по бортам вскипают и вновь успокаиваются.

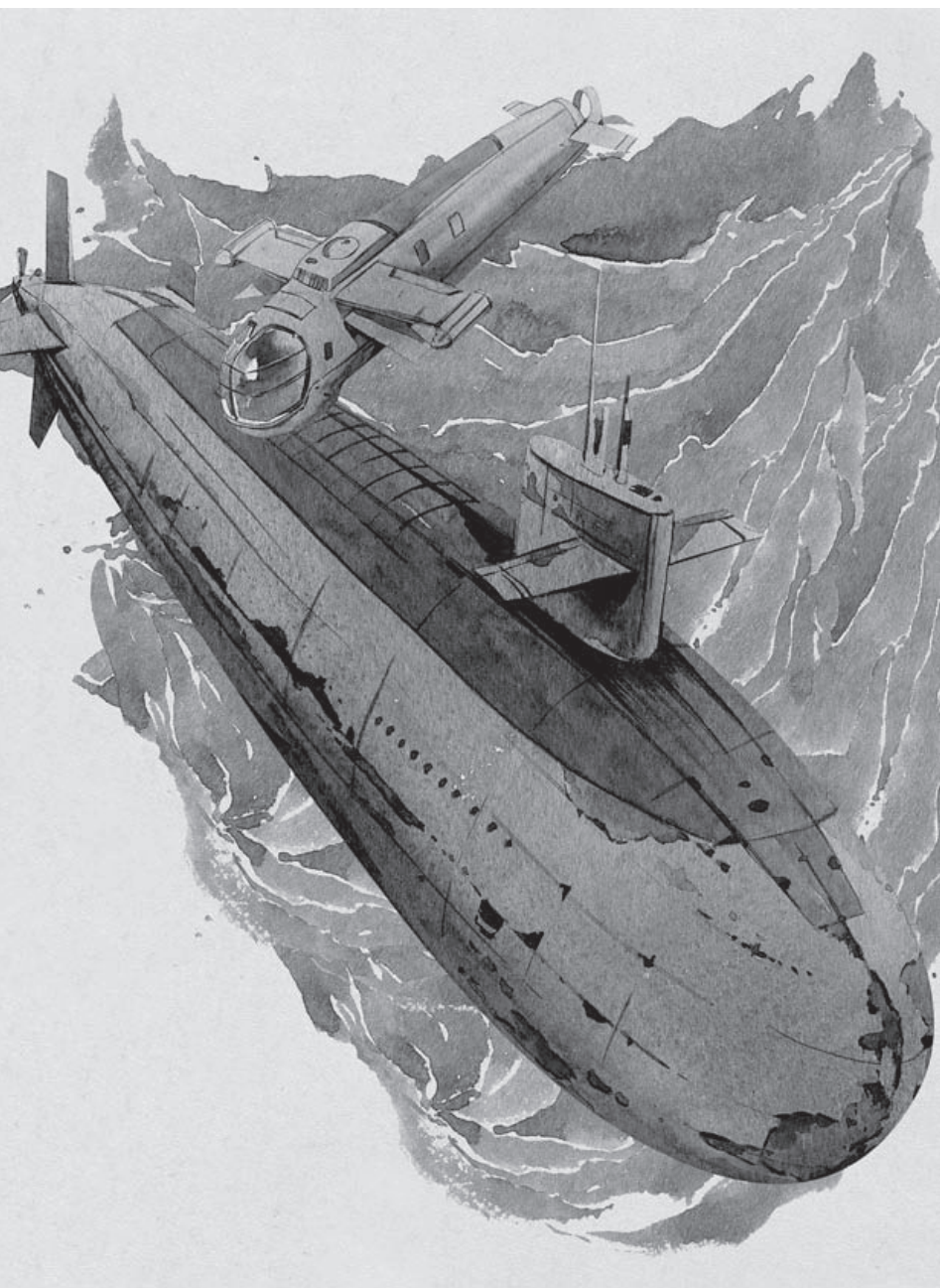
«Баловень Судьбы» занял свою позицию, ровно поперек солнечной «дороги счастья» на воде.

Вертолетик висит теперь темным пятном, неподалеку, по правому борту, отчетливо рокоча и бликуя гранями отражателей, видный на всех боевых постах, со всех ракетных комплексов и на командном пункте. Никто, пожалуй, не сравнил бы его сейчас с бедным сироткой. Теперь он стал мрачным и гордым фанатиком, из тех, что могли сами взойти на свой костер, сцепить руки на столбе и не проронить более до конца аутодафе ни звука.

«Тьфу ты, — встряхивается Безумный Йенссен, — чирей мне на мозги за такие аллюзии».

Потом еще раз бросает взгляд на «Воробушка» и видит, что поднышавшее уже почти в зенит солнце висит прямо за ним и одевает вертолетик ореолом темно-алого зарева.

Словно тот уже, действительно, горит.

...В командном отсеке Хью сноровисто цепляет на переборки пару аккумуляторных светильников (в ярком свете обнаруживается, что отсек совершенно пуст), снова подхватывает баул с пластидом, шлепает Пончика по спине, и оба скрываются в темноте прохода. Пончик впереди, поводя автоматом с подствольным фонариком. В корму, к реакторному отсеку через ракетную палубу. Топот стихает вдаль.

Иван берет автомат наизготовку, как в бытность свою рейнджером брал тысячи раз, не задумываясь и всегда правильно, и становится у Везунчика за спиной, лицом к мертвым недрам ракетноносца — потому что так положено. Моня возится и сопит у Ивана за спиной, подбирая соединения лэп-топа с командирским лодочным комплексом.

— ...Капитан, сэр! Здесь «Воробушек». Наблюдаем второй большой сигнал на сонаре, по краю поля... Он углубляется в зону локации... Прошу инструкций по наблюдению.

— ...Капитан, сэр! Мастер-акустик. У нас двоение сигнала от гребного винта... Сигналы разные... Возможно, соседи...

— Этого я и боялся, — вздыхает Безумный Йенссен, — маршевая глубина-то у них, по крайней мере, разная?..

— О... Та!.. Кяхру... — Моня сползает вдруг с кресла на палубу, тяжело и хрипло дыша. Мутные глаза его полузакрыты, ноги завернулись ступнями внутрь, а руки подергиваются, словно до сих пор мечутся по тач-паду. Маска изнутри покрылась крупными каплями. Иван вскидывается:

— Что, Моня? Везунчик! Что? А? Ты как?

Моня с трудом открывает глаза и пытается сфокусировать их на Иване. Тот вздрагивает: глаза Везунчика багровы от полопавшихся сосудов и расширены, как при базедовой болезни. Зрачки затопили всю радужку. На стекле маски кровь из-под носа.

— Ну же, Моня!.. Что? Кранты? Не молчи!.. Конец, да? Рвем всё?

Моня слабо качает головой и делает движение, словно хочет снять маску. Иван быстро нагибается и придерживает его руку.

— Кяхру... Ринн ми э...

— Какая «Кяхру», Везунчик? — терпеливо переспрашивает Иван, шкурой ощущая уходящие секунды.

«Ждем команды, Иван! Что у вас?»

Моня зафиксировал, наконец, на Иване свои вурдалачьи глаза. И слабо улыбнулся за запотевшим стеклом:

— Я ее ломанул, Иван. Я ее погасил... Пони... маешь?.. Блокировал... В безопасности, — Моня обмяк и свесил голову на плечо.

— Ага, — Иван нависает еще пару мгновений над Везунчиком, потом отпускает руку и медленно выпрямляется. Стягивает с загровка автомат. Ставит его к пульта управления. Трогает рацию.

— Хью, Бони... Моня ее погасил!.. Он так и сказал: «Погасил», и еще это: «В безопасности»! Получается — еще поживем?.. А?.. Черт, курить хочется... Двигайте сюда, парни. Везунчик в отключке. Понесем.

Рация в ответ молчит.

На сумрачной, бесконечной, напоминающей кладбище ракетной палубе, в двух отсеках в корму, между анфиладами пусковых колодцев и трех-четырех холмиков, бывших когда-то офицерами подводного флота ВМС США, Лягушонок с Пончиком Бони молча и крепко обнимаются, насколько позволяет дайверское снаряжение.

— Надо... Это... Собрать заряды... Давай, Бони, шевелись! С вещами, факин шит, на выход... Помилование нам вышло!

...Моня с трудом открывает глаза и видит, как Хью и Бони входят в отсек, а Иван-Два-Разá, оживленно и беззвучно (звон в ушах, сквозь вату) говорит что-то и наклоняется, протягивая руки, — наверное, помочь подняться.

Но в этот момент время замирает и расслаивается, и для Везунчика все выглядит, как одновременность сразу множества сцен: протянувший руки Иван, для начала, с глупой улыбкой улетает куда-то из поля зрения влево-вниз. И — Лягушонок-Хью подпрыгивает смешно, шлепаясь пузом и маской о переборку. И — прилетает откуда-то сверху-сзади оторванный со своего места маленький контрольный монитор, взрываясь о палубный настил веером осколков. И — Пончик Бони катится в корму. И — ... тут время восстанавливается... Моня сам подлетает вверх от палубы... Рушится вниз плашмя в паре метров от прежнего места, от чего вышибает дух и меркнет тусклое дежурное освещение...

Зато он вдруг снова начинает слышать, но лучше бы не начал: хохот адского железного демона грохочет в лодке, разрывая барабанные перепонки.

Ему вторят жалкие и разрозненные зуммеры сигнализаций.

— ...Капитан, сэр! Мастер-акустик. Зафиксирован нераспознанный звук на пеленге нашей дичи, удар или слабый взрыв...

— Черт! Хью, что это было?!

— ...Я, кажется, руку сломал... Или нет?.. Бони!

— Жив я, жив. Что было... Боднулись обо что-то, дураку понятно. Дно здесь далеко, значит — о кита. Ха-ха. Думаю, о ту подлодку, про которую нам говорил Пастырь Кэмп, соседскую... Фак ее...

— Ладно, все. Линяем, бойцы. Зверушка загашена, дело сделано.

— Ага, сделано...

— Что?.. Что, Пончик? Моня лодку погасил. Она теперь от стресса не жажнет. Нет?

— Нет, Хью. Не жажнет. Наша — не жажнет.

— Наша... О, черт!!!

— Ага, и я о том же...

— Э! Э, ребята! Вы о чем? — Иван-Два-Разá беспокожно оглядывается, — мы дело сделали? Сделали. У нас порядок? Порядок. Идем домой, да?

Пончик Бони с трудом встает и цепляет на шею автомат. Со второго раза получается.

— Тут другая беда, Иван. Успеем ли мы домой-то. Мы-то сделали. Наша-то не жажнет. А та?.. Ну, дошло?..

Иван гулко сглатывает.

— Так, все! — Хьюго шлепает себя ладонями по угадывающимся под неопреном ушам. — Вещи я беру сам. Иван, Бони, Везунчика на руки и за мной! Галопом! Всплывем под антенну — получим указания.

— Капитан, сэр! Здесь «Воробушек». Схождение сигналов на сонаре... Расхождение сигналов... И отделение третьего, малого сигнала!..

— Мастер-акустик?!

— Звука подводного пуска не было. Слабый отдельный шум высокооборотного винта. Рискну предположить, что это «Стрекоза», сэр.

— Богу бы в уши, да ваши слова, Мастер... Ну, слушайте, слушайте дальше внимательно...

— Везунчик! — нарушает тишину Хьюго, не оборачиваясь.

— Мм?..

— Не, ничего особенного, ты отдыхай... Иван говорит, ты там бормотал: «Кяхру, кяхру». И еще чего-то, непонятное. Это что значит, Моня? Что такое «кахру»?

— Четвертая. По-ирландски. Четвертая лодка... Я погасил четвертую лодку, подряд. Имон О`Хейли — это я, Хью. А Моня — хакерское имя. От Имона. И-мон. Моня-Ирландец.

— Ну ни фиги себе! — Пончик извернулся на своей лежанке и вытаращился через плечо. — Правда, что ли? Что ж ты молчал?!

— А чего говорить? Чего говорить? Чтобы вы поверили и расслабились? Слушайте, я даже не знаю, как у меня это получается. Почему. Я как в обмороке, когда работаю... Кровь носом идет! И ушами. Я худею после каждого взлома килограммов на пять, верите?.. А если не сработает? Вы будете мне верить, и надеяться, а оно не сработает?.. Вам же потом подрываться труднее будет! Нет уж... Да мне и не велели. Переводят с Охотника на Охотник после каждой ломки... Типа, шанс. Для всех.

«Стрекоза» прорывает поверхность океана. В блистеры бьет солнечный свет, ослепительный после полумрака глубины.

— Капитан, сэр! «Стрекоза» на связи!

— Связь на громкую.

«Стрекоза» — «Баловню».

— «Баловень» рад... Чертовски рад слышать свою «Стрекозу», ребята! Мы думали, по вам уже поминальные свечи пора ставить.

— Капитан, сэр. Пуск и самоликвидация блокированы. Автоматическая остановка реактора запущена, энергетический отсек задраен. Дичь погашена. Пущена в затопление. Девять... с половиной минут назад произошло столкновение с неизвестным объектом, предположительно — другой субмариной. Просим команду по дальнейшим действиям.

Безумный Йенсен замирает с закрытыми глазами. Тактик тихо материализуется за его левым плечом, наклоняется, шепчет торопливо, тыча пальцем в какую-то бумажную таблицу.

— Мастер-радиист!!! Прямую громкую связь!!!.. «Серебряный Закат», мать вашу, и чтобы слышно было, как через столик в баре!!! Иначе лично!.. На фор-марса-рее!.. В назидание!.. «Закат»?!.. Капитана мне, мгновенно!!!.. Джонни, здравствуй, что у тебя?

— Хреново, спасибо. Десять минут назад слышали звук соприкосновения, Йен... Да кой черт «соприкосновения», Йен! Звук здорового удара. Хорошо, если не лобовое. Твои ребята там? Как они?

— Они загасили нашу дичь, Джо. За пару минут до... соприкосновения...

— Успели уйти?

— Не успели. Потом ушли. К черту лирику, Джонни, что у тебя с хронометражем?

— Дерьмово с хронометражем, Йен. Если тварь пробудилась...

— Пробудилась, не сомневайся.

— Не успеваю, Йен.

— Не успеваешь.

— Нет. «Сойка» при прогреве загорелась левым двигателем. Погасили, но еще не разобрались — что там. «Стрекоза» ушла минуту назад. Ракетный комплекс проворачиваем, но он не боеготов полностью и не будет еще двадцать две минуты. Разве что всякая мелкая артиллерия. Короче, сможем тормознуть подарочки разве только своей голой задницей. Не судьба, Йен.

— Джо, без паники. Моего «Воробушка» видишь? Он — ориентир, считай свою дичь от него. Готовь, что успеешь. Будем бить вместе.

— Йен... Я... Нет слов, Йен...

— Слов не надо. Будешь должен виски.

— Не вопрос, Йен!..

— Всему экипажу, Джо.

— Э. Глм. Да, Йен, конечно. Да не проблема, Йен, какого черта?!

— Ты настоящий ковбой, Джо... Буй-пейджер был?

— Рано еще.

— Да, конечно. Не уходи со связи. Мне тут... Хороших парней дотопить придется, похоже... Мастер Кэмп? Вы все слышали?

— Да, сэр.

— Предложения?

— Повторное погружение действующей «Стрекозы», работа на опережение соседской, на носовой люк. Если соседи на подходе — кормовой люк и подстраховка.

— Ресурсы?

— Никаких, сэр. Заряда аккумуляторов — только на повторный подход. Воздуха не хватит точно. Дай Бог — на половину времени.

— И резюме?

— Повторное погружение. В конце концов, они уже четверть часа как могли быть покойники. Пятнадцатью минутами раньше, пятнадцатью позже...

— Командуйте, Кэмп.

— Да, сэр... Внимание, на «Стрекозе»!..

Лягушонок Хью отпускает микрофон (тот, вжикнув, исчезает в гнезде подволока) и пару мгновений молчит, глядя перед собой.

— Все всё слышали, парни?... Работаем, Братья-Смертники.

Иван-Два-Разá, кутивший под открытым люком, жадно и длинно затягивается, смотрит на горящий кончик сигареты и щелчком отправляет окурок наружу по пологой дуге:

— Судьба, блин, — Иван последний раз смотрит в серо-розовое небо и захлопывает люк. — А я уже, было, подумал, что отвертелись на этот раз...

Кремальберы взвизгивают, обжимая крышку и жалуясь на Иванову резкость. Булькнув, «Стрекоза» проваливается под поверхность, разворачиваясь налево на сто шестьдесят и уходя в зеленый сумрак.

— Хочу сразу проговорить ситуацию, ребята, чтобы не было заблуждений. ОТТУДА мы не выйдем точно. Ни в каком случае. Все это понимают?

— Ладно, Хью. Не дети. Заряда ноль-пятнадцать, от силы. Воздуха — на двадцать минут. Хорошо хоть рубку проветрили, — Пончик говорит, не оборачиваясь, на своем лежаке, глядя вперед по курсу, — один плюс, мучиться осталось недолго.

— Моня, ты с русскими подлодками дело имел?

Везунчик долбит тач-пад.

— Нет. Данные есть по ним, что смогли собрать. Но программирование...

— Понятно. Парни, предварительное заключение — рвем все максимально быстро. Сначала систему уничтожения реактора. Если не чудо и Моня не... Ладно, все! Есть сигнал сонара, пошли на след...

— ...«Воробушек», слушай команду. Новая Цель. Поддерживаем Охоту «Серебряного». Сонар по второй цели. Все одно, дичь уже проснулась. Занять позицию ориентира и держаться.

— Да, сэр! Почему бы и нет, сэр? Переводим сигнал... есть картинка... заняли позицию... набрали высоту ориентира... отразатели вывешены... В конце концов, класть живот за други своя — это же национальная забава наших бывших противников, Мастер Лучано! Это мне еще моя русская прабабка рассказывала!.. Так что снова — прощайте, сэр...

— Джонни! Ты здесь? Давай вставать на позиции. Я прикрою Америку, ты — Европу. Пошли!

— Да, Йен. Понял, Йен. С Богом!..

— ...Докладывает «Стрекоза». Сели на кормовой люк. Здесь не «Тифон». Это «Борей», и выглядит он очень свежим. Порты закрыты все. Лодка всплывает, глубина быстро уменьшается. Готовьтесь принимать подарки. Соседей пока нет. Мы входим. Прощайте. Командир группы Хьюго Паркер. Отстрел пейджер-буя.

— Так, братья-Смертники. Теперь все, кроме Мони, работаем без аппаратов. В местной атмосфере. Будем надеяться, что она пригодна. Заразиться не страшно: помрем по-любому не от этого. Все баллоны с остатками давления — на компенсатор Везунчику.

В сумраке, за желтым пятном «Стрекозы», присосавшейся к ахтерлюку ракетноносца, на протянувшемся вдоль всего корпуса горбу пусковой надстройки, в самой корме вздрагивают и начинают подниматься два прямоугольных порта, открывая шахты для пуска.

В восьмидесяти метрах над ними «Баловень Судьбы» завершает широкий разворот, ложась почти на обратный курс, чтобы замереть на траверзе «Серебряного Заката», борт в борт, в миле с небольшим друг от друга.

— Ники... Ники, пожалуйста! В чем дело? Почему нет отбоя тревоги, а?

— Сэм. Повторяй за мной. Медленно и с выражением: «Капитан всегда прав».

— Ээ... Капитан всегда прав.

— Капитан знает, что делать.

— Капитан знает...

— И если нет отбоя тревоги — значит, все еще тревога! Сэмюэль, какого черта?! Ты солдат или кто? Думают — командиры. Солдаты — исполняют. Согласен?

— ...И если нет отбоя... Ники, я согласен, но мне просто страшно. Разворот на обратный курс, «Воробушек» уехал со своей точки, нет отбоя тревоги... По трансляции же передали, что дичь затоплена!

— Это нормально. Бойся. Хочешь — обосрись на посту, я ругаться не буду. Но ты же знал, на что подписывался? Я так понимаю — что-то случилось, Сэм. Что-то страшное, наверное. Пошло не так. Может, пришла наша пора, Сэм. Но мачо на это плюют, разве не так? А? А ну, ХОРОМ!!!!..

— МАЧО!!! НА!!! ЭТО!!! ПЛЮЮТ!!!

— Молодец! Сэм. Если пронесет, если выживем — перед парнями объявлю тебя Мачо. И дадим кличку. Йес?

— Йес, сэр!!!

— ...Опять?!.. Опять «сэр»?! Ммммоорду рррраскваашу!!!!..

— Внимание, всем боевым расчетам...

Ник подхватывается, выправляется в кресле, крестится и запихивает длинные ноги под пульт.

— Вот оно, Сэм. Началось. Помогите нам, Бог! ...И укрепи же благодатью в битвах воинство, и силы восстающих врагов наших да низложи, и дерзость их да сокрушится...

С воем и свистом с кормы срывается перехватчик, выныривает из-за надстройки и взмывает вверх-влево, поводя хищным носовым обтекателем.

...В проходе за спиной, за полуоткрытой гермодверью, как показалось Моне, кто-то громко откупорил бутылку вина. «Чпок!», или даже «Пу!». Потом подготовка к банкету пошла там серьезно, потому что хлопанье пробок сливается в единую трескотню.

Одновременно циферблаты каких-то приборов, прямо над лэп-топом Мони, взрываются осколками; стальные консоли слева и справа звонко цокают, искрят и взвизгивают; кто-то кричит за спиной. Обернувшись, Везунчик видит Пончика Бони, который медленно заваливается плашмя назад, на пульта, и соскальзывает с пульта на палубу вялой резиновой тряпкой, как живой человек не может.

Иван кувyrкается в сторону, на линию огня, прикрывая Моню и сдергивая с разгрузки гранату. И кричит Хью, укрывшийся за полупереборкой. Просто орет благим матом:

— Стоп!!! Не стрелять!!! «Баловень»!!! Здесь «Баловень Судьбы»!!!

Темнота за приоткрытой гермодверью успевает сверкнуть и пукнуть еще раз, последний визгливый рикошет уходит в глубину отсека, не причинив вреда. В наступившей тишине из-за гермодвери раздается шорох и, неуверенно:

— Хью?.. лягушонок, это ты, что ли?!

— Бинго? Бинго-бой? «Серебряные», какого черта, что за пальба?! А ну, выходите оттуда...

— Мы думали, экипаж... Мертвяки...

— Очумели? Наша лодка на корме, Бинго.

— Мы подошли с носа.

— А облет?

— Не делали, Хью, спешили очень... Черт, Хью, вы целы там?

— Раздолбаи. Иван, что Пончик?

— Убит Пончик, — Иван всовывает дрожащими руками усики от кольца обратно в чеку гранаты, злобно поглядывая на появляющихся из-за гермодвери троих с «Серебряного Заката», — а если бы не он, убили бы Моню. Сссуки безголовые...

— Ладно, Иван... Моня, работай! Бинго, говори быстро, что у вас?

— Мы... Это... Хотели начинать с ракет работать, но туда с носа прямо не пройти: пусковая палуба задраена изнутри, обеими гермодверями. Ганс с Яцеком побежали искать обход... Схемы у нас дерьмовые по этой лодке, ничего не разобрать.

— Я не могу, — тихо говорит вдруг Везунчик, — не успеваю. Не понимаю ничего. Простите, ребята... Давайте, я вам помогу со взрывчаткой?

— Ага... — Хью наклоняется к Моне, заглядывая через плечо в монитор, и — без размаха, коротко, бьет Имона по затылку, а после успевает еще подхватить обмякшего хакера, — извини, Моня, это чтобы без рефлексий, времени нет... Времени вообще нет! О, и воздух у тебя почти на нуле... Бинго-Бой, давай запасной баллон. Давай быстро, тебе он больше не пригодится. А это — Имон О`Хейли, Бинго-бой. Тот самый! Шанс-для-всех, понимаешь? Его спасти надо... Иван!!!

— Да, командир.

— Выносишь Моню в «Стрекозу». Возьми, вот... Включаешь этот баллон ему в аппарат. Отправляешь наверх. Уйдешь с ним — не осужу. Вернешься нам пособить — отлично, быстрее управимся... Но за отправку Мони — на том свете мне ответишь, понял? Бинго-бой! Давай, работай по пусковым, если успеешь. А мы бегом к реактору. И...

В этот миг ракетноносец вздрагивает, по лодке проносится короткий тяжелый рев. Через несколько секунд — еще раз.

— Всё. Не успели. Боевой пуск, — крестится Иван, — помоги нашим, наверху, не оплошать, Господи.

— К реактору, бегом! — взывает Хью, уже откуда-то из соседнего отсека...

— Капитан, сэр! Мастер-акустик. Звук подводного пуска... и... звук подводного пуска повторно!

«Воробушек». Новый сигнала на сонаре. И еще один.»

— Огневым постам! Готовность шесть... четыре... два... ноль!

Океан вспучивается грохочущим куполом и исторгает из себя зависший на огненном столбе цилиндр, такой веселенько-шашечный и безобидный издали...

...И еще один, почти сразу, а первый уже рвется прочь, в зенит, чуть уклонившись к заданной кем-то когда-то далекой цели. И второй, следом за ним.

Оба — на Северную Америку.

— Выход целей!!! Ухожу с точки. «Воробушек».

И — корабли, vis-a-vis на зеркале Океана, взрываются одновременно дымом и пламенем из обращенных друг к другу бортов, словно сошлись в последнем морском бою. Огненно-дымные тучи срываются с палуб, сливаясь в одну, и с воем устремляются на перехват двух преисподен, упакованных до срока в набирающие скорость многотонные металлические посылки.

Схлестываются.

Настигают.

Внутри, в косматом чудовище, бьются сполохи и океан внизу кипит под дождем обломков.

Поодаль и выше высверкивает перехватчик, плюющийся в растущую тучу огнем и длинными дымными струями.

Четырежды рывкают и выстреливают дымом «Пэтриоты», четыре огненные стрелы исчезают козырными тузами в кипении разрывов над Охотой. Одновременно с ними, последним аргументом, вступает со своей ревущей песней «Тартар», стараясь не посрамить гордости своего хозяина — Большого Брамса...

— Брамс! Доложить эффективность огня.

— Много помех! Половина выстрелов работают друг по другу. В данный моме...

В данный момент по амбразурам бьет великанская огненная кувалда.

Удар, огонь и грохот, вспухший и погасший, оставивший после себя звон в ушах. «Баловень» содрогается, словно налетел на риф. Веером свистят осколки стекла, крошась о стены и столы. Вестовой матрос у одного из бывших иллюминаторов падает, как подкошенный.

И дым.

«Стоишь на мостике... а снаружи валит черная гарь»...

— Старпом?! — рывкает Йенсен, зажимающий уши. Справа из-под ладони у него показывается капля крови и пробирается по бритой щеке к бородке.

«Живы. Не ядерный. Хорошо».

— Сильный взрыв на полубаке, сэр. Спасатели... Пошли, жду доклада. У вас кровь, сэр...

Мастер-Пилот и Мастер-Инженер, сидевшие ближе всех к носовой переборке, лежат теперь головами на столах. Мастер-Инженер подергивается и вслепую шарит по столу руками. Из-под головы Мастер-Пилота расплзается алая лужица. Взрывом вынесло стекла рубки у трех амбразур. Остальные офицеры крутят головами, трут уши и глаза. Мастер-Дайвер, осыпанный какой-то белой трухой у переборки по правому борту, сидит с планшетом на коленях и оглядывает пост. Джереми Смит посерел лицом.

— Мистер Кэмп, посмотрите, что с Мастером Лучано, будьте добры... Остальные живы?.. Продолжаем!

— Я в порядке, — Мастер-Пилот зашевелился и приподнял окровавленное лицо, — порезало осколками, наверное. И слышу плохо... Сэр.

— Вестовой убит, сэр.

— Йен, что там у тебя?

— Это «Паамс», Капитан, — Мастер-Комендор стоит на осколках у разбитого носового иллюминатора, над телом вестового, и всматривается в амбразуру, опершись о стенку обеими порезанными руками. — Сам рванул... На очередном пуске... Мы потеряли «Паамс», сэр... И его крьюит-камеру со всеми зарядами... И с ними, похоже, пару «Эрликонов-Скайгардов», сэр...

— Йен, тебе помощь требуется? Йенссен! Ты там жив?!

— У меня порядок, Джо, не волнуйся.

Через полубак, развороченный провалом, метнулся кто-то орущим огненным клубком; пожарные накрывают его веером воды из брандспойта. Рваная дыра в палубе исторгает густой дым, подсвеченный сполохами пожара внизу, в трюме. Спасатели возятся в этом дыму, укладывая на носилки тело из развороченного правого «Эрликона».

— Кой черт, «порядок» — из тебя же полыхнуло на полнеба, и дымище валит, как из...

— Потери, сэр. Расчет «Паамса», в полном составе. Матросы-подающие, в крьюит-камере под «Паамсом»: два погибли, один изувечен. Палубный спасатель — сильно обгорел. «Эрликон» правого борта уничтожен. Старший расчета погиб, оператор ранен, в тяжелом состоянии. «Эрликон» носовой поврежден, частично боеспособен, расчет получил легкие ранения и контузии. Помощь оказана на месте. «Эрликон» левого борта поврежден незначительно, полностью боеспособен, расчет продолжает бой.

Йенссен достает из кителя трубочку, замирает, смотрит на нее недоуменно и убирает обратно в карман.

— Капитан, сэр, Мастер-пилот...

— Секунду, Лучано... Брамс, кто у вас был в правом «Скайгарде»?

— Так... Старший расчета — Ник-Богомол... Оператор — Сэмюэль Джой, юнга.

« ...хорошее место. Под обломки лезть не надо, под воду тоже. Если ядерные боеголовки... рядом не сработают...»

— Эээ... Капитан, сэр, Мастер-Пилот... Наш «Воробушек»... Он не успел уйти после выхода ракет. Его сбили, сэр.

— «Воробушка»?!

— Кто-то из «Серебряных» ребят. Видимо, прогадили перезакладку кодов в «Свой-Чужой», сэр. Другого объяснения не вижу. «Воробушка» сожгли, сэр...

— Смит!!!

— ...Спасатели! Пункт последнего расположения Ориентира! Мгновенно!!! «Воробушек»...

— ...Джонни! Дерьмо дело. Твои завалили моего «Воробушка».

— Да, Йен, мне доложили. Прости. Мне очень жаль. Найду ублюдков и расстреляю после Охоты...

Из-под броненавеса по штирборту «Баловня» вырывается, на острие пенного следа, лодка с морскими спасателями и исчезает во всплесках атаки.

— Это потом, Джо. Спасателей давай. От тебя ближе. Хоть кого-нибудь попробуйте вытащить. Пожалуйста, Джо.

На КП входят медики, укладывают на носилки Мастер-Инженера и пытаются усадить на место Лучано — чтобы перебинтовать.

...Иван заталкивает беспомощного Везунчика в рубку «Стрекозы». Защелкивает байонет его дыхательного автомата на новом воздушном баллоне, открывает вентиль, пару раз хлещет по щекам. Потом спрыгивает на комингс «Борея» и захлопывает снаружи маленький нижний люк. Срывает заслонку забортной воды на юбке.

— Удачи тебе, Имон, — бормочет Иван, захлестываемый горько-солеными потоками.

Пару секунд, цепляясь за комингс, провожает взглядом из-под запотевающей маски «Стрекозу», криво и нехотя отрывающуюся

к зеленому свету, быстро крестится, а потом проваливается в открытый люк «Борея». В схлестку огромных пузырей, рвущихся из чрева субмарины, и водоворота океанской воды, в лодку низвергающегося. И по проходу бежит к командному посту, по колено... пояс... грудь... во взбесившихся бурунах, задержав дыхание, рассекая инферно лучом подствольного фонаря.

Навстречу первым ударам подрывов, сотрясающим плоть, и душу, и океанские глубины.

— ...Капитан, сэр! Цели... Вероятно, уничтожены, сэр!..

— Вероятно?

— Визуально не наблюдаются. На локаторах не наблюдаются. «Аваксу» послан запрос на подтверждение.

— Капитан, сэр, акустики фиксируют подрыв лодки!

— ...Капитан, сэр... Морские спасатели ничего не нашли. В точке Ориентира было интенсивное падение обломков и поражающих элементов. Лодка спасателей повреждена, но терпимо. Потери — один человек, еще один ранен средне, еще двое легко...

— ...Джонни?..

— Не нашли ничего, Йен. Прости. Мне чертовски жаль. У моих лодка в пяти местах пробита и полностью обездвижена, они тонут. В живых осталось двое, оба тяжело ранены.

— Смит, попросите своих спасателей, кто живой, подобрать «Серебряных», у тех совсем задница... Джонни! Мне тоже жаль, Джоунс. Твоих подберут. И с удачной Охотой тебя.

— Тебе спасибо, Йен. И твоим парням. Упокой, Господи, души, кто не выжил.

— ...Капитан, сэр, Мастер-радист. «Авакс» подтверждает поражение целей. Поздравляют...

— «Поздравляют»... Ну, что ж... Мистер Смит, мы закончили. Отбой боевой тревоги.

На кормовую наделку с надсадным воем опускается перехватчик. Без ракет под плоскостями он кажется ошипанным и неуверенным в себе. Шасси касаются палубы. Вой переходит в скулеж. Из правой турбины сочится белый дым. Фонарь кабины откидывается, летчик остается неподвижен в своем ложементе. Бегут пожарники.

На противоположном крыле наделки стоят двое оранжевых техников, держа наготове найтовы для «Воробушка» и вглядываясь в океан из-под ладоней.

По всему судну лязгают гермодвери, отзываясь на сигнал отбоя тревоги.

Нули на табло в командном пункте гаснут.

Усталое «Уже» превращается в терпеливое «Когда-нибудь».

...Тихое покачивание и солнечный свет. Вечерний солнечный свет, тихое покачивание, и танец змеек-зайчиков на подволоке рубки.

Верхний люк приоткрыт. Сброшенная маска раскачивается на своем хоботе. Пищит спасательный радиобуй. Мелкая рябь плещет звонко снаружи по пузатому корпусу.

Моня-Везунчик лежит в кресле и дышит.

Просто лежит и дышит.

Под пайолами с журчанием перекачивается вода.

В восьмидесяти с лишним метрах под ним, заваливаясь на корму и на борт, медленно уходит в черноту опустевший, парализованный, но целый ракетносец, унося с собой своих губителей — семерых мертвых и раненного, но живого еще Ивана.

Который в сжимающемся воздушном пузыре, в каком-то отсеке, с последней мокрой сигаретой в зубах, досылает патрон и поворачивает автомат стволом к виску, морщась от быстро нарастающего давления.

— ...Капитан, сэр! Сигнал со «Стрекозы»!.. Не буй, а сигнал! Она на поверхности. Там дайвер-хакер.

— О`Хейли... Слава Богу... Первая хорошая весть за вечер. Смит, распорядитесь о подборе и буксировке... Мастер-медик, доложите состояние раненых.

— ...Да, сэр. Морские спасатели: тяжелые — один скончался, из «Серебряных», остальные стабильны. Средней тяжести — вне опасений. Легкораненные отпущены из санчасти. Бортовой спасатель: ожоги третьей и четвертой степени, пятнадцать процентов тела. Состояние средней тяжести, стабилен, без сознания, вне опасности... Мастер-Инженер сильно контужен, разрывы барабанных перепонки, резаные раны затылка и шеи, вне опасности...

— Оператор из правого «Эрликона»?..

— Оператор... Да, Сэмюэль Джой, юнга. Скончался десять минут назад, не приходя в сознание.

Безумный Йенссен выкладывает на стол трубку, кисет, гриндер, салфетку. Начинает туго набивать табак, посыпая крошками клавиатуру и брюки. Потом вынимает из кармана спички, встает и выходит из КП на ходовой мостик. Джереми Смит тихонько следует за ним, прихватив со стола забытую Йенсеном фуражку.

...Внизу, под крылом мостика, возле бакборта, пятеро священников разных конфессий переговариваются о чем-то друг с другом в ожидании похорон. Взблескивает православный наперсный крест; ребе в своем черном и в шляпе сдержанно жестикулирует, мулла кивает. Лама светится среди них ярким шафрановым пятном. Патер отошел к леерам и смотрит в воду, сжимая маленький томик Библии. Матрос из палубной команды тащит от форпика пластиковые венки, следом — еще один, с тележкой, на которой простыни, веревки и какие-то железяки вместо грузов к ногам.

Ветерок треплет, уносит к горизонту клочья дыма над Океаном. Солнце тускнеет и склоняется к горизонту, подсвечивая багряным облака, быстро собирающиеся в нехорошую грядку на вест-норд-весте. Погода портится.

Со стороны «Серебряного Заката» доносится тихий залп из стрелкового оружия, потом второй. Капитан Джоунс, человек слова, нашел-таки своих «ублюдков».

— ...Эээ... Сэр?

Йенссен вздрагивает и роняет вниз, на далекую палубу, обжегшую пальцы спичку.

— Капитан, сэр... Позвольте личный вопрос, хоть и не ко времени?.. Когда Охота закончится... чем вы думаете заняться?

— Ну... Как обычно, Джем. Как обычно. Запрусь в каюте на всю бункеровку. Буду читать новые книги и потягивать свой джин под сухарики.

— Нет, сэр. Я имею в виду — вообще закончится. Вся.

Тут Йенссен отвернулся от заката и удивленно, со вниманием, стал рассматривать старпома, будто тот впервые появился на мостике «Баловня».

— Вы это серьезно, мистер Смит?.. Не надейтесь. Она никогда не закончится. Ни-ког-да. Неужели вы не понимаете? Никто. Никогда. Не сможет. Гарантировать. Что там, — Капитан ткнул трубочкой в окровавленный горизонт, — не осталось ни одной, как изящно выразился утром наш... покойный юнга, «гадины».

Даже когда они расчетно выработают все ресурсы. Мы не можем рисковать. Да... Просто деньки, подобные нынешнему, станут реже. Вербовочные листовки, которые «...Сироты предпочтительны...», будут меньше мозолить глаза. Но Охота — о, нет, сэр! Охота — это теперь навсегда... До последнего выстрела, который найдется на Земле. И «Баловень» всегда будет утюжить океан, пока не сожжет весь оставшийся на планете мазут или пока не просыплется на дно ржавой трухой между шпангоутами. А я... Я всегда буду здесь, на мостике или в своей каюте... Всегда...

Смит дрогнул. На мгновение примерещилось: истлевшие паруса, водоросли на реях, скелет у штурвала, смертная мгла над морем... Сгинуло.

— И вообще, Смит, какого черта?! Я что — институтка, которую надо отвлекать от печальных мыслей?.. Гм... Простите, Джем. И спасибо.

Офицеры замолчали и стояли так, рядом, молча, пока мутное солнце, провалившееся под облака, не коснулось пелены на горизонте.

Тогда Безумный Йенссен вздохнул, заглянул в трубочку и аккуратно выколотил ее о планширь в ладонь. Полез в карман за пепельницей, последним подарком покойницы-жены.

— Вот, «собачьи хвосты» пошли по небу. Погода портится... Долго нам с ней везло... Пойдемте вниз, мистер Смит, надо попрощаться с ребятами. А после похорон командуйте отход по готовности. Идем на базу, Джем. Ремонтировать. И набирать новых... Сирот...

Без надежды

Рассказ

...Карты у нас не было. Откуда? Шли, как водится, по пачке «Беломора». Да и «Беломор» тот видели только мельком, на столах у начальства. Потому направление держали примерное — на солнце. А что там, впереди, Нарьян-Мар или Воркута, — так далеко и не гадали. Самое верное — ничего там нет, и приют наш крайний — полынья или волчья утроба...

— Чего ж вы рванули без надежды?

— Как без надежды? Надежда всегда есть. Терпения не хватает. Летом слух пошел, амнистия будет. За победу над Германией. Дескать, фронтовикам дела пересмотрят, и кто безвинно сел, всем — гуляй. Крепко на эту амнистию надеялись. Вот-вот, думали. Не сегодня-завтра на волю. Тут на собственной заднице-то не усидишь, не то что на зоне. Даже выработка упала, сколь начальство ни лютовало. Только мастер отвернется, эскизы сейчас работу бросают, в кружок соберутся и бу-бу-бу... Говорят, в Усинск комиссия приехала и сразу все дела затребовала по орденосцам. Их в первую очередь оформлять будут. Может, даже ордена вернут... Кто говорит? Откуда узнал? Не важно. Придурки из столярного в Рудоуправлении мебель разгружали. А там, в парткоме, — радио. Будто бы сам Сталин про фронтовиков сказал — отпустить. Они, говорит, за меня кровь проливали... Как же так? По радио — про эзков? Сомнительно. Однако все может быть.

Время шальное, победное. Веет вольным духом в республике Коми, будто солнышком ее, студеную, вдруг припекло.

Но прошел август, сентябрь, по речкам ледок захрустел, кое-где и встал крепко, а начальство про амнистию ни гу-гу. С них станется, что и притаили от Сталина списки. Больно уж много народу отпускать придется, как бы не вышло нагоняя за такие посадки в военное время. Закряхтели ээки, заволновались — ох, обнесут, забудут, затусуют дела по ящикам! Сгноят живьем в тундре, и концы в воду!

Больше всех Гошка Сухотин, автомеханик, переживал. До посадки было у него две медали — «За отвагу» и за оборону Советского Заполярья. Со всех сторон был Гошка герой, хоть и хлюпик — соплей перешибешь. Да попал раз под горячую руку в морозную пору. Четыре дня дивизия на марше снег месила, а на пятый — приказ: разворачиваться в оборонительную. Чистое поле кругом — ни теплячка под картером развести, ни керосину для лампы достать. Комдив ярится, кулаками машет — дай да дай ему электричество в штабную палатку, а ни одна станция не дышит — дизеля на морозе не заводятся. Ну и загремел Гошка в трибунал, из всех механиков — один. Нашли крайнего, кого не жалко. Да еще как хитро перекосило судейскую канцелярию — в штрафбат не послали, а выписали десятку по пятьдесят восьмой, как вредителю...

Когда замаячила весть об амнистии, Сухотин чуть не в пляс пустился — уверен был, что его, хоть не с орденоносцами, но вторым эшелонном обязательно выпустят, ведь не виновен он ни на полпальца — дураку понятно! Тем более Сталину...

Однако вот подзамялось дело. Гошка сам не свой ходил, пятый угол искал, почернел, доходить совсем с горя начал и однажды даже надзирателю в сердцах крикнул, мол, боитесь вы, кабы в Кремле про ваши дела не узнали! Еле отлежался потом... А тут и зима пришла, октябрь. Бураны зарядили.

И вот как-то метельным таким утром довелось нам троим — мне, Гошке и Саньку Вакуленко, тоже из нашей бригады, слегка у повара подшестерить — тащить из зоны в эковскую кухню на руднике всю сменную пайку — четырнадцать буханок, да крупу, да соль, да гидрожира полкило в котелке. Нелегка поклажа, однако за право нести мешок и драки бывают. А как же! Человек при кухне — это кум королю и сват министру. Совсем дураком надо быть, чтоб в такой счастливый день голодным спать лечь.

Понятно, поставили нас в переднюю шеренгу, чтобы конвою виднее, да и свои сзади приглядят, не дадут погужеваться

в дороге. Каждому ведь хочется пятерню в мешок запустить и горстями крупу в рот сыпать, потому и следят друг за другом надежнее вертухая. А буран завывает!

— Шире шаг! — начальник командует. — Не растягиваться!

Сам бы попробовал — с мешком на плечах да без дороги. Сугробов намело так, что не поймешь, где шоссе, а где целина. Спины передних конвойных поначалу еще маячили, а как вышли в чистое поле — все, марево непроглядное.

— Не отставать, мать вашу! — орет начальник, волнуется.

Зря только глотку надсаживает. Вряд ли кто его слышит дальше нашей шеренги. У бурана-то глотка позычней будет.

— Да вы что, сучье племя?! Прятаться?! — голос, вроде, близко, а человека не видать. — Передняя шеренга! Бегом! Пристрелю!

Припустили бегом. Черт его, шального, знает. И правда еще пальнет с перепугу. Бежим, бежим, боками друг о друга тремся, чтоб не потеряться, мешки на спинах прыгают, котелок звенит, хлебушек, только из хлебопечки, так щекотно через дерюжку попахивает — аж брюхо сводит! Но что за напасть — не можем нагнать конвой!

— Стой, мужики! — ору. — Куда-то нас не туда понесло!

Но Гошка машет уверенно, за мной, мол, не бойсь. Пробежали еще шагов пятьдесят. Нет, явно дело нечисто. Остановились, оглянулись — и задних не видно. Ждали, ждали — не нагоняют!

— Эй, — зову, — гражданин начальник! Мы заблудились!

Вдруг Гошка меня в бок как пихнет!

— Молчи!

Мы с Саньком на него уставились.

— Почему?

— Вы что, не понимаете? — мешком потрянул. — У нас жратва на месяц! Ходу даем! Воля сама под ноги ложится!

Я даже растерялся.

— Это — воля?! Занесет в сугробе, так что ни одна собака не отроет!

— Вот и хорошо, что не отроет! — Гошка рад. — И след не возьмет! Когда и двигать, как не в такую погоду! Пока погоню снарядят, мы уж на полпути будем!

— На полпути — куда?

— Я уж знаю, куда! — кричит в ухо. — Доведу, не сомневайтесь!

Я на Саньку посмотрел, вижу — мнется.

— В тундре смерть верная. Лучше вернуться...

— Куда вернуться?! — Гошка чуть не плачет. — Думаешь, лейтенант тебя караваем встретит?!

И, будто в ответ, сейчас же откуда-то — тра-та-та-та! Очередь.

— Вот тебе каравай! — Сухотин плюнул в снег.

— Да это они сигнал подадут! — не сдавался я. — Поняли, что мы заблудились. Пошли!

— В кондей посадят, — вздохнул Санек. — У них и в погоде зэк виноват...

И тут к вою ветра прибавился тошный такой посвист — с фронта я его не слышал. По-над головой так фить-фить. И снова глухо простучала вдалеке очередь.

— Сигнал подадут?! — гаркнул Сухотин. — Да они палят от пуза веером, лишь бы нас положить!

Тут уж переминаясь с ноги на ногу некогда стало. Подхватились и бежать. В какую сторону — неведомо, лишь бы от пули уйти...

Пурга утихла только на третий день. Солнышко проглянуло, идти стало легче. До тех пор, как ни старались, не столько шли, сколько отсиживались в норах под снежными застругами, жгли стланик да ольху, дремали, угревшись кое-как в берлоге.

Солнышку не рад был только Гошка.

— Самолет могут послать.

Чуть развиднелось, погнал в дорогу, каши сварить не дал:

— Во-первых, дым заметен, а во-вторых, спичек только коробок, экономить надо...

Ну, что, почесались да пошли. Пойдешь, когда они вдвоем подгоняют — мороз да Гошка.

— Куда ж он вел-то вас?

— Куда! На Кудыкину гору! Извиняюсь. Мы с Саньком и сами все допытывались, далеко ли еще. Но Гошка только отмахивался.

— Ишь, торопыги какие! Терпите! Идем неплохо, жратва есть, чего еще?

— Жратва и в лагере была, — Санек бурчит. — Небось, прожили бы кое-как... до амнистии.

Гошка аж мешок уронил.

— Да ты с головой или нет?! Мы же зачем и пошли — правду добыть! Зажилило начальство нашу амнистию, сидит, под жопу личные дела подложило, и все у него шито-крыто! А Сталин-то и не знает! Вот, горюет, хороший боец был Санек Вакуленко, да жаль, погиб смертью храбрых!

— Как это так — погиб? — удивился Санек.

— А где ж он? — Гошка закинул мешок на плечо и зашагал дальше. — Приказано было всех ошибочно замордованных отпустить, так? Если нет Санька, значит сгинул в рудниках, дошел на общих. Либо, в самом деле, оказался враг.

— Какой я тебе враг?! — Санек чуть не с кулаками.

— Вот то-то и оно! — Гошка лыбится. — Мало ли куда начальство наш список сунуло — во враги ли, в покойники. А тут, представь, вдруг открывается дверь в Кремле, иходишь ты. Разрешите, мол, доложить, товарищ Верховный Главнокомандующий. Боец Вакуленко жив-здоров и готов следовать по месту проживания, при всем параде и с боевыми наградами! Чудак-человек! Мы ж не только себя, мы всю республику Коми на волю выпустим! И Нарымский край в придачу.

Санек и челюсть отвесил. Вона как Гошка распланировал! А я посмеиваюсь.

— До Кремля далеко. А и близко было бы — кто нас туда пустит?

Но у Гошки на все ответ.

— Нам в Кремль и не надо. Нам только до связи добратся, дальше не учи. Доложим по всей форме...

Так это резонно рассказывает, аж в носу чешется. Санек идет, чуть не всхлипывает — очень ему хочется Верховному доложиться. Но меня на голый энтузиазм не возьмешь.

— Ну, дойдем мы, положим, до Инты. Та же зона, только больше. Ну и что? Ни одежды, ни бумажки. Кто такие? Откуда? Там же нам крылья заламают — и на нары. А уж к телефону и подступиться не дадут.

— К телефону! — Гошка презрительно скривился. — Да разве я потащил бы вас в бега ради какого-то телефона! Нет, братцы, там, куда мы идем, телефоны не в ходу. То есть, тьфу, что я? Там их как грязи. У каждого свой, через плечо. Так и ходят.

— Ага. И катушка провода на спине, — поддакнул я.

Люблю, когда смешно врут.

— Деревня! — отмахнулся Гошка. — Без проводов они работают! Но это мелочь, так — знакомой продавщице позвонить, в кино позвать. А есть там штука поударнее, совершенно секретная. Вам говорю, потому что доверяю. И потому, что задача наша — общая. Я не дойду — другой дойдет и, что надо, сообщит. В общем, зарыт там пункт прямой смотрительной связи с Верховным...

— Это как так — смотрительной?

— А так. Экран, как в кинотеатре, только поменьше. А на экране — Сам. Ты его видишь, он тебя видит. И разговариваете. Будто в одной комнате.

— Ты-то откуда про экран знаешь? — не утерпел я. — С Самим, что ли, разговаривал?

— Разговаривать не разговаривал, — степенно ответил Сухотин. — А слышал. Земляк у меня там служит, связист. Вместе на Северном фронте КП оборудовали. Надежный парень. Он нас до этого экрана допустит...

Санек рот разинул, даже мерзнуть забыл.

— А зачем Верховному такая связь? С тундрой...

— Так это еще, когда Карельский фронт был, построили тут секретный город — заводы, институты, бани... Ну и связь, понятно. Инженеров туда, мастеров собрали — ковать оружие победы. Наковали — будь здоров! Там паровозы без угля ходят, понял?

— Как без угля? А на чем?

— На солярке. И пароходы тоже.

— Так он на море, что ли, город твой? — подъелдыкнул я.

Гошка покашлял.

— Зачем на море? Нет. Воздушные они, пароходы. По небу летают.

— Как это так — по небу? — не понял Санек. — Что за туфта?

— Сам ты туфта! Пэвэошные аэростаты видал? Вот то же самое, только еще больше, с палубами, с каютами...

— Да ну тебя с каютами! — рассердился Санек. — Я думал, он серьезно... Не бывает такого!

— Бывает, — авторитетно подтвердил я. — Дирижабль «Гинденбург».

— Ну, слава богу! — облегченно вздохнул Гошка. — Хотя один церковно-приходскую школу окончил!

И больше про секретный город рассказывать не хотел, сколько Санек ни канючил.

— Ну а дальше?

— А дальше хуже пошло. Как ни экономили крупу, гидрожир да хлеб, а подъели все, до крошки. В мороз-то голодным далеко не уйдешь. Хочешь — не хочешь, а заправляйся. Да Санек с отчаяния две последние буханки разом всухомятку уписал, не доглядели. Чуть не помер, так ему кишки заворотило. Мы с Гошкой хотели ему еще кренделей навешать, для сытости, да сил не было.

А потом самолет прилетел.

Мы-то за это время привыкли, что вокруг ни души, будто на всей земле никого, кроме нас троих, и нет. Надеялись, что начальство про наш побег и думать забыло, терпения ему не хватило всю тундру перерыть. Да, видно, в кабинете, над бумагами, терпелка не мерзнет. Надо — и год будут искать, и два.

Сидели поутру у костра, дожидались каши. В котелке уж не горсть варилась, а щепотка всего, вместо гидрожира — одна промасленная бумажка с-под него. Вся и каша — жижа да вода. Одна радость, что набрали на первый за всю дорогу лесок, не из кустиков жидких, а из настоящих деревьев — тощих да кривых, но все-таки натуральных сосенок. Под ними, вроде, не так и холодно, как в тундре, уютней как-то... И тут налетело.

Ну прямо как в сорок втором, под Жиздрой, когда, бывает, выскочит из-за рощи «мессер» да в два ствола разом пропашет вдоль колонны колею — огонь пополам с кровью... Но тут-то налетел свой — вот что обидно! Хотя какие у эска свои? Только те, что по спине ползают, остальные все — враги.

Угловатый разлапистый Ил-2 прошел низко над тундрой, не боясь ни зениток, ни «мессеров», и с ходу всадил очередь прямо нам в костер. Далеко откинуло, завертело пропеллером искореженный котелок. Искры тучей поднялись в белом дыму. Мне запылило глаза, засыпало головнями, Санек выматерился растерянно, а вот Сухотин заорал так, что я сразу понял: зацепило его. Кое-как проморгался, гляжу — Санек уже тащит Гошку к лесу, а по снегу за ним широкая красная полоса. Кинулся и я на подмогу, потащили вдвоем, укрылись в сосняке — не успел, вражина, с разворота еще очередь дать. А наудачу, по деревьям, стрелять не стал, пожалел. Не нас, конечно. Патронов.

Вот и добегались. Ни жратвы, ни котелка и раненый. Гошка лежит, стонет без понятия, из ноги фонтаном кровь и кость торчит. Кое-как перетянули, замотали, снегом обложили. Надо бы уходить по добру, но куда его такого тащить? Все же полдня упирались, волокли на сосновых лапах по снегу, запарились, как ломовые клячи. К ночи разложили под деревьями малюсенький костерок. Заметят с самолета, могут и бомбу кинуть. Гошка совсем доходит, трясет его, зубы стучат, но в сознании — нога на холоде онемела, болит, конечно, страшно, но не до крика.

Отошли мы с Саньком в сторонку, посмотрели друг на друга — и, ни слова не сказавши, вернулись к Сухотину.

— Вот что, Георгий, как тебя... Иванович, — говорю. — Положение наше ясное — хуже некуда. Не сегодня-завтра нагрянут вертухаи, либо Илок опять прилетит, фугасками закидает. Через

всю тундру штурмовик летать не станет — видно, где-то рядом аэродром у них. Стало быть, надо уходить. Идти ты не можешь, а волоочь тебя — далеко ли уволочем? Да и зачем? Доходишь ты, Гоша, по полной, и остается тебе недолго. Решай сам: оставить тебя тут, у костра, на самостоятельное довольствие, или помочь, чтоб не мучился?

Гошка сквозь муть в глазах улыбается.

— Рано прощаетесь, ребята... Придется вам брэнное мое еще недельку-другую потаскать...

— Это на какой же резон? — Санек сердится.

Да и я обижаюсь. Сам же нас в бега сманил, под вышак подвел, и не наша вина, что его подстрелили. Что мы, санитарная команда — таскать его?

— Потаскаете, — смеется Гошка. — Иначе что ж вы есть будете?

— И согласились?

— А куда деваться? По-людски попрощались, и Санек его дубиной оприходовал. Две недели на этом пайке прожили, но тут новые беды — ударили морозы, да такие, что лес трещит, в небе столбы света гуляют, и никаким костром в этот холод не угреться. Не то что идти целый день, нос из берлоги высунуть больно — так прихватывает. А потом и совсем кирдык случился — огонь проспали.

Спички-то у нас давно кончились, угли таскали в колоде, раздували на дневке, огонек на сухой мох ловили — приспособились. Но в самый мороз как-то сморило сном обоих — чуть не замерзли. Проснулись ночью — здравствуйте! Повестка на тот свет.

С горя ломанулись в темноте через лес, куда глаза глядят. На что надеялись? На чудо. Если к утру тепла не найдем, то все — носом в снег и волчья отходная. Плохо помню я этот бег. Ветки по глазам хлещут, кусты робу дерут, и без того драную, по спине пот стекает, но тепла от этого ни капли — трясешься на морозе, да еще и мокрый. Потом силы кончились. Помню, встал на колени и думаю: хватит — здесь и лягу.

Только вдруг Санек со всего маху по шее мне как даст!

— Слышишь ты или нет, что говорю!

Я повернулся медленно, смотрю на него без мысли. В ушах глухо так голос, как через перину:

— Там, гляди... жилье, что ли?

Не сразу дошло до меня. А как сообразил, о чем он, протер глаза, присмотрелся — вижу и впрямь: лес впереди редееет, луна

в чистом поле светит, а на пригорке — крохотное какое-то строеньице — не то хатка, не то будка, для жилой избы вроде маловата, для собачьей конуры — великовата. Стоит черным кубиком, и ни огонька кругом, ни тына. Может, и правда, кусок скалы? А что, если будка эта — сторожевая? Ну да нам с Саньком бояться уж нечего, отбоялись свое.

Подошли, разглядели, пощупали. Оказалось — листового железа сарай, ворота двустворчатые, без замка, проушины толстой проволокой замотаны.

— А ну, давай, Санек! Для твоих клешней задача! Раскрути-ка эту проволоку.

— Не могу, — говорит, а сам поник совсем. — Пальцы онемели, ничего не чувствуют...

Ну взялся я сам, варежки драные, шкура с пальцев клочьями сходит, совсем застудил руки, но размотал проволоку и ворота открыл. Вот бы, думаю, тут ход подземный, пусть к вертухам, лишь бы в тепло! Но нет, железная, стылая громада во весь сарай. Пахнет соляркой. Сбоку — электропакетник и кабель наружу уходит. Пощелкал рубильником — хрен. Нет напруги. И тут сообразил: да это же электрогенератор! Если завести мотор, будет электричество, свет. Может, и тепло. Только как его завести? Эх! Сюда бы Гошку!

Пошарил еще вокруг генератора, нашел железную рукоятку, вроде той, что моторы заводят. Нашел и дыру, с виду подходящую — да все почти на ощупь, хорошо, луна в спину...

Вставил рукоятку, зацепил там за что-то, поднажал — еле-еле повернулось, чавкнуло — и все. Нет, так нам его не завести.

— Санек! — зову. — А ну помоги! Один я корячиться должен, что ли?

Не отвечает Санек, кабан ленивый. Как буханки жрать, так он первый! А как навалиться хорошенько... Я крутанул еще раз. Будто веслом в трясине гребешь — ни толку, ни удовольствия.

— Нет, брат, дизель так не запустить, — раздалось за спиной.

— А как? Может, ты знаешь?

— Тут бензиновый пускач должен быть. Долей в бак из канистры.

— Сам долей! Откуда мне знать, какой такой бак?!

Я сердито обернулся и чуть не упал от неожиданности. В дворях маячила щуплая низенькая тень.

— Под рукой у тебя патрубок! Крышку свинти.

Голос какой знакомый...

— Сплю я, что ли?

— Вот именно! Спишь на ходу! Бери канистру, вон там, в углу! Лей!

Я послушно поднял тяжелую емкость, снял крышку, наклонил. Пахнуло бензином.

— Осторожно! Не разливай! Блюда технику безопасности! Ну, хватит, завинчивай. Теперь подключи магнето. Видишь, проводок висит? Сюда его примотай, на клемму. Ну а теперь — крути маховик.

— Гошка, — прошептал я, взявшись за рукоятку. — Как же это так?

— Крути, тебе говорят!

Я крутанул. Еще. Проскочила искра. Маленький бензиновый двигатель чихнул и затарахтел ровно.

— Подавай муфту! — велел Гошка, показывая на короткий рычаг с набалдашником.

Я надавил на рычаг, что-то лязгнуло, заскрипело, провернулось, и вдруг страшно взревел дизель. Под потолком сарая сначала тускло, потом все ярче разгорелась пыльная лампочка.

— Готово дело! — Гошка вытер руки ветошью и бросил ее мне.

— Ну, пошли!

— Куда?

— Ты что же, не видишь?!

И тут я увидел.

Провода, что тянулись от нашего дизеля в поле, стали, будто елочные гирлянды, вспыхивать лампочками. Лампочки загорались сначала по одной, по две, по четыре, а потом целыми гроздьями, как в театре. И чем дальше, тем больше ветвились, разбегались в разные стороны огни, и вот уже свету достало на целый город. Осветились окна, улицы, побежали машины и огромный паровоз без трубы прогудел, набирая ход. А над крышами, посылая во все стороны лучи, висел огромный дирижабль.

— Что это, Гоша?! — спросил я.

Ноги у меня подкашивались уже не с усталости, а от удивления.

— Чудак-человек! — рассмеялся Сухотин. — Я же тебе говорил: это секретный город! Пошли! У нас еще дел по горло.

— А Санек? — я обернулся.

Санек спал сидя, привалившись к металлической двери сарая. Ноги его заметал снег.

— Пусть спит, — сказал Гошка. — Намаялся, хватит с него.

— Он же замерзнет! — обеспокоился я.

Гошка таинственно улыбнулся.

— Нет, нет! Он уже не замерзнет! Пошли!

Мы шли по широким, солнечным улицам, а вокруг поднимались дома-небоскребы, над головой проплывали дирижабли, на встречу нам попадались люди, на ходу разговаривающие по телефону, что у каждого висел на ремне через плечо. И никто из них не обращал внимания на нашу эковскую робу, на номера, пришитые на груди и на лбу, на весь одичалый наш вид.

— А документы у нас не спросят? — на всякий случай поинтересовался я.

— Не спросят, не спросят, — успокоил Гошка. — Тут уже Амнистия наступила. Про нас теперь все знают.

— За что это нам такая честь?

— За то, что мы идем на доклад к Самому.

И вот мы подошли к незаметной двери, спустились глубоко под землю и оказались перед экраном. Гошкин земляк как раз оказался дежурным и сразу дал Москву...

Ну а дальше вы знаете, товарищ Верховный Главнокомандующий. Извините, если рассказывал слишком долго, но вы сами приказали — во всех подробностях. А напоследок разрешите мне от лица всех фронтовиков республики Коми пожелать вам, дорогой товарищ Верховный Главнокомандующий, крепкого здоровья и долгих, долгих лет жизни!

Личности

Идеи

Мысли

The background of the page is a complex, abstract pattern of thin, black, wavy lines that create a sense of depth and movement, resembling a topographical map or a stylized landscape. These lines are concentrated on the left side of the page, with some extending towards the center. Overlaid on this pattern is a geometric logo consisting of a black square with a white number '2' inside it, and a gray square divided into four smaller squares by a white cross, positioned to the right of the black square.

2

Ефремов: резидент Космоса

В октябре исполнилось 40 лет со дня смерти Ивана Ефремова. Его роман «Туманность Андромеды», опубликованный в год первого спутника Земли, стал символом космических устремлений человечества. Вписаны в историю русской литературы философская антиутопия «Час Быка», исторические повести «Таис Афинская», «На краю Ойкумены», роман «Лезвие бритвы» и многочисленные «Рассказы о необычайном», где фантастические догадки переплетаются с реальными впечатлениями из жизни геолога-практика и ученого-палеонтолога. Между тем, до сих пор не раскрыта одна загадка — ровно через месяц после смерти Ефремова органы КГБ провели у него в квартире обыск, причины которого не ясны. Существуют версии, где Ефремов предстает то как английский шпион, то как инопланетный агент... Мы предложим на суд читателей еще одну гипотезу.

Обыск в ноябре

— Вот бы нашим геологам такое оборудование! — сказала Таисия насмешливо.

Один из оперативников — тот, что шарил металлоискателем вдоль подоконника, обернулся. Однако, встретив взгляд начальника, поправил наушник и крутанул ручку фазоамплитудного компенсатора, демонстрируя безразличие к посторонним звукам. Да и сказанное не к его технике относилось — в комнату внесли

рентгеноскоп на треноге. Стало ясно, для чего кагэбисты сложили на столе крупные камни из геологической коллекции — не изымать собрались, а только просвечивать. Вдруг внутри малахита тайник?

Обыск в квартире писателя-фантаста Ивана Ефремова шел несколько часов: в тесноте орудовали десять человек, не считая понятых. «Такой большой писатель, а всего две комнаты!» — удивлялась женщина при погонах. Ее включили в группу на случай сопротивления вдовы писателя, но Таисия Иосифовна вела себя спокойно, только один раз возмутилась, когда потребовали открыть стеклянный шкафчик, где стояла урна с прахом. Со дня кремации прошел месяц, скорбный сосуд пока находился дома — предстояла дальняя дорога. Встретив протест, люди из КГБ отступились. Зато сняли с полированной стенки золотистую палицу, висящую на тесьме. Сей экзотический предмет Иван Антонович привез из зарубежной экспедиции. Арестованную палицу так и не вернули.

Когда предъявляли ордер, предложили «сдать идеологически вредную литературу», — поиск ее и был заявленной целью тогда, в 1972 году. Однако уже в эпоху перестройки на запрос писателя Андрея Измайлова пришел ответ с иной мотивировкой: «На Ваше письмо в КГБ СССР от 9 марта 1989 г. сообщаем, что действительно в ноябре 1972 г. Управлением КГБ СССР по городу Москве и Московской области с санкции первого заместителя Генерального Прокурора СССР был произведен обыск в квартире писателя Ефремова Ивана Антоновича, а также некоторые другие следственные действия в связи с возникшим подозрением о возможности его насильственной смерти...» Вместо идеологической диверсии вдруг возникла иная причина — подозрение на убийство.

Дело темное

Вольнодумец Ефремов раздражал коммунистических вождей — в его романах люди будущего не вспоминают о марксизме-ленинизме, зато читают книги английского мистика Линдсея и русского поэта Гумилева, расстрелянного большевиками. Да и грядущие перспективы человечества очерчивались им не в духе научного коммунизма: предрекался экологический кризис, атомная война, темные века, и только потом — «светлое завтра». В романе-антиутопии тоталитарное государство на планете, где нашли приют беженцы с Земли, управляется партией «змееносцев». А всемогущий Суслов, идеолог Политбюро ЦК КПСС усмотрел здесь сатиру и на себя лично — узнал свой портрет в одном из инопланетных властителей. Глава КГБ Андропов подписал вердикт: «В романе “Час Быка” Ефремов

под видом критики общественного строя на фантастической планете “Торманс” по существу клеветает на советскую действительность». Книгу изъяли из библиотек, началась негласная травля. Больное сердце Ефремова не выдержало. Тут-то и озаботились органы: вдруг после смерти писателя уйдут за границу неопубликованные критические заметки? Наверное, был донос. Приняли меры.

И вот через 15 лет вместо политической подоплеку представлена другая причина — возможное убийство. Кто? Зачем? Ничего не ясно. А потом и того чище: в 1991 г. в журнале «Столица» (под редакцией Андрея Мальгина) появилась статья В. Королева (якобы бывшего сотрудника контрразведки Московского управления КГБ), где рассказывалось, как в его отделе разрабатывалось дело Ефремова. Оказывается, там писатель был представлен резидентом английской разведки, внедренным в российскую среду еще в юности. То есть истинная причина обыска — это не банальный донос, а разоблачение агента и его смерть — то ли от рук хозяев, приславших ядовитое письмо, то ли он сам остановил сердце силой воли, как умели это делать описанные им герои.

Идентификация и эволюции

Все это породило волну слухов и догадок. Кто-то начал выискивать в текстах писателя английскую лексику. Почему он говорит «дериваты» вместо «производные»? Отчего слово «интеллигентность» употребляется в значении близком к Intelligence Service? И вообще, как сирота-беспризорник с неясным происхождением (он ведь даже не Иван Антонович, а Иван Антипович!) стал вдруг доктором биологических наук? Один бойкий беллетрист даже сочинил детективную повесть о молодом англичанине, который прошел подготовку в индийской школе йогов, был заброшен в СССР, а потом в своих рассказах «передавал данные» — шифрованно обозначая координаты пусковых шахт баллистических ракет.

Геология — это, пожалуй, единственная отрасль, где в условиях коммунистической России сохранился дух старой имперской науки. Здесь имели влияние знаменитые горные мастера, такие как Иван Губкин и академик-геохимик Владимир Вернадский, в геологии обрели профессию и защиту дети расстрелянного философа Флоренского, а в экспедициях у вечерних костров продолжались традиции студенческих кружков и свободных дискуссий. Не удивительно, что ум молодого Ефремова избежал догматического влияния «красной профессуры», а знание латыни и специальная терминология сформировали уникальный литературный

стиль. («Трещинноватая психика» — так писатель характеризует одержимых фанатиков, используя геологический термин, обозначающий породу, впитывающую газы, жидкости и смолы.) Ко всему прочему, знакомство с бывшим послом Майским, который был завсегдаем клуба писателей-фантастов, позволило Ивану Антоновичу получать и читать зарубежные издания на языке оригинала — в обход Госиздата. Но были и у Ефремова читатели за границей: Джорж Лукас взял из романа «Туманность Андромеды» имя героя — Дар Ветер, взял да и присвоил его темному лорду «Звездных войн». Вот такая странная передача данных. Что касается «дериватов» — слово знакомо химикам и биологам, например, яйца динозавров — это дериваты древних ящеров.

Жук в муравейнике

Ефремов называл тоталитарный строй — «муравьиный лжесоциализм». Он говорил, что подразумевает маоистский Китай, но партийные идеологи КПСС бдительно опознали здесь свое, родное. И не случайно писатель-фантаст им казался чужим, чуждым. Но одновременно и внушал опасения — при жизни писателя трогать его не решались. Чем же объяснить вторжение после смерти?

Необычную версию высказал Аркадий Стругацкий. Он предположил, что обыск с рентгеном и приборами МИП проводился потому, что Ефремова кто-то счел пришельцем с другой планеты. Известно же, иностранные Secret Services анализировали проблему НЛО и вопросы инопланетного присутствия, почему бы не допустить, что и в КГБ некий советский малдер-скалли занимался «секретными материалами»? Аркадий Стругацкий не шутил — когда-то он сам преподавал японский язык в разведшколе ГРУ на территории Восточной Сибири (конфликт на личной почве прервал его офицерскую карьеру). Слова фантаста приведены в статье журнала «Нева»: «Я ставлю себя на место гипотетического романтического офицера и рассуждаю здраво: если Ефремов — агент внеземной цивилизации, то должно быть какое-то средство связи. Но как выглядит средство связи у цивилизации, обогнавшей нас лет на триста-четыре, да еще и хорошенько замаскировавшей это средство?! Поэтому брали первое, что попало. Потом, удовлетворенные тем, что взятое не есть искомое, все вернули».

Но очевидны неувязки такой гипотезы. Во-первых, чисто логически: если пришелец ушел — следы за собой он должен был замести. А во-вторых, какая уж там романтика: инопланетный психоз целенаправленно раздувался ЦРУ — для маскировки

разведывательных миссий секретных летательных аппаратов, пресловутых «летающих тарелок». КГБ потому и гонял советских уфологов, поскольку чекисты знали тайну американских пришельцев — откуда «подлые прилетают». Соответственно, появления и маршруты НЛО отслеживались — сообразно инструкциям, переданным в войска и на погранзаставы.

Но если инопланетяне тут не при делах, откуда взялось ефремовское прогрессорство: уверенная трансляция научных истин, неизвестных на Земле, — неведомая биполярная математика с кохлеарным исчислением, поправки к физике античастиц и насмешки над релятивистскими моделями космоса?

Источник тайных знаний

Конфликты с органами у Ивана Ефремова случались и раньше. Он ведь был не просто писатель, а геолог-палеонтолог, профессор, лауреат Сталинской премии 2-й степени. Помимо раскопок динозавров в пустыне Гоби, он участвовал в поиске полезных ископаемых (в т.ч. урана) — знал многое из того, что проходило «под грифом». В 1945 году Ефремов опубликовал рассказ «Алмазная труба» — об открытии коренного месторождения алмазов в Якутии, а в 1955 году практически в том же месте (300 км южнее) была открыта первая в СССР кимберлитовая трубка, впоследствии получившая название «Мир», — один из крупнейших карьеров по добыче алмазов открытым способом (диаметр «трубки» — почти полтора километра). Получается, писатель раскрыл государственную тайну? Претензия нешуточная: ему пришлось доказывать «компетентным органам», что предсказал месторождение исключительно по наитию. То есть здесь не утечка информации, а сбывшийся научный прогноз.

Возможно, с этого инцидента всё и началось: советские секретные службы заинтересовались очевидной загадкой творчества Ефремова — каким образом писатель получает пророческую информацию? Интересно, что в произведениях Ивана Антоновича можно найти не только основания для такого вопроса, но и приблизительный ответ на него. Например, в рассказе «Эллинский секрет» (Ефремов написал его практически сразу, как взялся за перо) в центре сюжета — странные сны-видения. Герой повествования видит себя в древней Греции и узнает рецепт античных ваятелей — вещество, размягчающее слоновую кость, что позволяет создавать изделия поразительной утонченности. В рассказе предложено объяснение видений — выдвинута гипотеза генной памяти: познания предков не умирают, а передаются потомкам,

записанные в молекулярных цепочках генома. Интересна не гипотеза, а выбор и подача темы — как будто писатель рассказывает о своем собственном опыте. Вероятно, именно эти «сны о небе золотистом, о пристани крылатых кораблей» подтолкнули Ефремова к писательству: значительная часть его творчества — это описания древних цивилизаций Средиземноморской Ойкумены.

Однако гипотеза о генной памяти не может объяснить многообразия сновидческих прозрений, и со временем Ефремов начинает говорить уже о «ноосфере». Этим термином геохимик Вернадский обозначал сферу деятельности разумного человечества, но писатель-фантаст отождествил ноосферу с индийской мифологемой «Небесные хроники Акаши», — это уже не молекулы ДНК, а некая геофизическая структура, где неведомо как записана и хранится вся информация о происходящем на планете Земля. Вот с таким банком информационных данных, судя по всему, и наладил писатель ментальный контакт — получал оттуда живые картинки времен египетских фараонов, Александра Македонского и Таис Афинской...

Астролаз

Одно дело — картинки древности, но откуда информация о далеком будущем, об инопланетных мирах и продвинутой науке? Известно, что Иван Ефремов в романе «Туманность Андромеды» говорил о «Великом кольце»: межзвездный космос заполнен визуальной информацией, которую посылают в эфир далекие братья по разуму. В романе сказано, что эти радиосигналы, несущие видеобразы, улавливаются орбитальными антеннами и дешифруются электронно-вычислительными машинами, но сделан намек и на более непосредственные контакты — героя книги во время рискованного эксперимента посещает видение прекрасной инопланетянки, красавица произносит: «Оффа алли кор!» Трудно отделаться от впечатления, что здесь Ефремов рассказывает о своем собственном опыте сверхчувственного восприятия.

С точки зрения академической науки — иррациональная мистика! На такое обвинение Иван Антонович ответил в статье, опубликованной в «Комсомольской правде» 28 января 1968 года: «Во второй половине нашего века уже нельзя больше проводить знака равенства между мистикой и парапсихологическими явлениями». И действительно: в 1962 году членкор АМН СССР Леонид Васильев издал книгу «Экспериментальные исследования мысленного внушения». Существование всеобщего психического поля логически связывалось с коллективным бессознательным, о чем писал

знаменитый Карл Юнг, а в Чехословакии как раз в это время прославился Станислав Гроф, создавший трансперсональную психологию с ее внетелесными путешествиями.

Понятно, что разведывательные органы — по самому смыслу своей деятельности — не могли не заинтересоваться таким нетривиальным способом получения информации: вдруг астральный шпионаж окажется продуктивнее реального? Однако если предположить у Ефремова наличие экстрасенсорных способностей, гораздо логичнее для КГБ — завести с ним дружбу и вместе проводить исследования необычайного. Ведь Ефремов сам призывал к преодолению барьеров мышления, «основанного на логически-линейных методах изучения мира», — для того, чтобы развивать «способности Прямого Луча, ранее считавшиеся сверхъестественными: ясновидение, телеакцепция и телекинез, умение выбирать из возможных будущих то, которое совершится...» Какая вдохновляющая перспектива! Вместо этого — научная обструкция, изъятие книг, внушения от секретарей ЦК КПСС... Если уж не смогли наладить сотрудничество с живым творцом, после смерти металлоискателями не машут: обыск в квартире — полная бессмыслица.

Из протокола обыска: «...Конверт размером 19х12 светло-бежевого цвета. На конверте надпись: “...моей жене от И. А. Ефремова”. В конверте два рукописных вложения. Первое — на трех листах белой нелинованной бумаги размером 20х28. На первом листе текст начинается со слов “Милая, бесконечно любимая...” На третьем листе текст заканчивается записью: “Прощай”».

Тайна писателя-фантаста стала пеплом, что захоронен под странно-неправильным каменным многогранником на комаровском кладбище.

Раскопать тайну

Я снял с полки и уложил в портфель четырехтомник Ивана Ефремова — потрепанные черные книжки с пометками и закладками. Выписки и комментарии свои распечатал на принтере, а самые важные цитаты обозначил зеленым фломастером и пронумеровал — чтобы проще было обсуждать всё это с экспертом. Впрочем, эксперт (назову его Петр Петрович) знал ефремовское творчество, пожалуй, не хуже меня. Знал он и кое-что еще. Мы проговорили несколько часов. Думаю, тайна Ефремова раскрылась нам с нетривиальной стороны.

Расшифровка фрагментов беседы:

Я: Петр Петрович, скажу прямо — лично мне вполне вероятным кажется контакт Ефремова с некой Космической

информационной системой, — очень часто и вполне серьезно он писал про экстрасенсорные видения, называл их «инвертные, обратимые галлюцинации, возбужденные в сознании какими-то выскочившими из необозримого фонда памяти частицами». И я вполне резонно предположил, что именно эта способность творческого ума заинтересовала КГБ. Но все еще непонятно — зачем устроили обыск после смерти писателя? Искали дневники с записями астральных путешествий?

П.П.: Конечно, прижизненное сотрудничество — более предпочтительно. Но, возможно, оно было. Это, кстати, не противоречит обыску, последовавшему после внезапной смерти: наверняка искали нечто материальное — необходимое секретным службам. Но совсем не обязательно дневниковые отчеты. Помнишь, в романе Ефремова «Лезвие бритвы» говорилось о чудесной короне, надев которую человек узнает «мудрость богов»? А вдруг это не просто миф? Дело в том, что в естественном состоянии ума подключение к Космическому интернету неконтролируемо. Искусственно, химическими средствами, можно вызвать подключение, но тогда блокируется сознательный поиск. Можно еще обучиться так называемым «осознанным сновидениям», но им сопутствует неясность: то ли ты находишься внутри своего персонального биокомпьютера — шаршишь у себя в подсознании, то ли уже вышел в Космическую Сеть. К тому же всё увиденное надо еще правильно расшифровать, а то получится фантазийный хаос, как у Даниила Андреева в «Розе мира». Однако с давних времен существуют легенды о волшебных камнях или предметах — такие чудесные USB-контакты. Возможно, их-то и надеялись найти при обыске. Пусть не верили чекисты в мистические сказки, но, если есть шанс, что существует информационная изнанка бытия, вселенская база данных, каналы проникновения туда, — разведка обязана изучить вопрос.

Я: И у нас это изучали?

П.П.: Пока сведения в открытый доступ попадают только из военной среды. Воспоминания отставников появляются в Интернете — спасибо генерал-майору Александру Суптеле и генерал-лейтенанту Алексею Савину... Что-то можно найти в западном сегменте www, но там много дезинформации. Интересно, что в 80-х годах прошлого века известный каббалист Филипп Берг пугал американских военных: «В будущей войне русские победят! Западная наука не имеет никакого представления о том, что такое мысль и где она обитает. А вот наука восточноевропейского блока уже осознала это...»

Я: Несуразно он пророчил. Победенным оказался как раз наш СССР!

П.П.: Война шла нетривиальная. После того, как осознали, что прямой ядерный конфликт исключен, военные бюджеты пошли в область диверсий — физико-биохимических, финансово-экономических, информационных. Нашлись доллары и для астрального бомбометания. Один питерский медиум в книге «Гандхарвы» рассказывает про оккультное подполье в СССР, где адепты пытались в медитации влиять на коммунистических генсеков. У нас в Красноярске в начале 80-х годов КГБ раскрыл подобную ячейку, даже газетная публикация была с многозначительным названием «Чернокнижники». Думаю, борьба и сейчас идет не менее активно, ведь геополитический маневр еще не закончен.

Я: Каббалист зря ругал западную науку, как раз в 90-е годы крупнейший английский физик Пенроуз вместе с американцем Хамероффом обозначили тему «Квантовое сознание» («Quantum Mind») — там как раз про ЭТО. А вспомним французского философа и математика Рене Декарта, утверждавшего: «Я мыслю, следовательно — существую». Ведь подразумевается, что и мысль существует реально. Декарт философски обосновал внепространственное существование особой информационной субстанции. Впрочем, еще в античные времена греческий мыслитель Платон говорил о Мире Идей, параллельном нашему, — концепция на Западе была общеизвестной. Американский фантаст Филипп Дик (это его «Вспомнить всё») как раз в начале 80-х годов написал метафизический роман «ВАЛИС» — так он именовал Всеобъемлющую Активную Логическую Интеллектуальную Систему (определение он приводит со ссылкой на Советскую энциклопедию, где ничего подобного, конечно, нет).

Очень важно подчеркнуть: в таких контактах есть опасность. Ефремов все время напоминает своим читателям о контроле над психикой и самодисциплине. Он был знаком с фантастической повестью Колина Уилсона «Паразиты сознания» — именно Уилсон пропагандировал трактат Линдсея, из которого герои ефремовского «Часа Быка» взяли название темной планеты Торманс. Уилсон описывает человечество, зараженное некими информационными сущностями: они обитают в ноосфере, в коллективном бессознательном, питаются негативными эмоциями, поэтому подталкивают людей к агрессии, убийствам и самоубийствам. Это такие вредоносные «ноовирусы», которые можно подцепить в Космическом интернете. Поэтому сильно рискуют люди, увлекающиеся внетелесными путешествиями в астрале, ученые, занимающиеся трансперсональной психологией, изучающие сновидческое состояние «фаза», и даже философы, разрабатывающие тему «Квантовое

сознание». В зоне риска и те, кто воображает, что состоит в контакте с инопланетянами. Не случайно, в США, где давно уже вошли в моду медитация и путешествия «вне тела», так много разговоров о похищениях людей пришельцами, а также сильно распространены невротические психозы, афазии, процветают иррациональные секты и аморальные практики.

П.П.: Да, в США опыт богатый. Вот, например, церковь мормонов (в Штатах как раз готовится встать у руля власти президент-мормон). Ведь это, по сути, оккультное течение: начало ему положили проповедники, которые с помощью волшебных камней и «жезла природы» контактировали с потусторонними силами. Мормонский пророк Джозеф Смит клал камень в шляпу, опускал туда лицо, впадал в транс и начинал вещать... (Думаю, он лишь поначалу спиритический контакт имел, а потом уже художественной самодеятельностью занимался). Вообще-то, мормоны — это вовсе не провинциальные чудаки, а серьезный проект масонов, что понятно из сходства названий — и там и там зашифрован девиз «Из множества — единое», он же отпечатан и на долларе.

Я: «Mass» и «one», «More» и «more» — вот, оказывается, в чем дело! Из множества камней сооружают единое здание.

П.П.: Да, у них идея фикс — дескать, из отдельных людских мозгов надо соорудить Супер-Разум. От коллективного бессознательного — к коллективному сверхсознательному. Как итог: все превращаются в клеточки единого организма — царство Матрицы.

Я: Не очень приятная перспектива. Но возникает вопрос: что же существует на самом деле: ноосфера — как единое сверхсознание человечества в процессе его развития — или уже готовый Космический Интернет как информационная основа Вселенной?

П.П.: Есть и то, и другое. Но локальная сеть соперничает с глобальной, поэтому адепты гностических контактов и противостоят мировым религиям, ведь каждая из таковых — просто кодировка для перенесения личных данных в космическое «облако», подобно тому, как пользователь хранит свои файлы на удаленных серверах. Можно вообще в «облако» переселиться. Однако на протяжении всей истории человечества локальный проект конкурирует с глобальной сетью и старается закрепить-обособить ближний слой космической иерархии, взяв под контроль трафик...

Я: Метафоры из компьютерной сферы позволяют кое-что понять в сфере религиозной. Кстати, приставка «RE» придает латинскому корню «LIGA» в слове «религия» вполне определенное значение — ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ.

Свойства вида *Homo sapiens*, видовой фактор и судьба человечества

Косная материя безжалостна по отношению к жизни: эволюция косной материи ведет к всеобщему снижению температуры, вплоть до температуры, близкой к абсолютному нулю, что принято отождествлять с «тепловой смертью». Может быть, именно поэтому Природа на Земле не остановилась на одноклеточных существах, а в течение трех миллиардов лет упорно продвигалась по пути все большего усложнения своих творений, апофеозом чего стало создание вида *Homo sapiens*, появившегося «всего» каких-то 200 тысяч лет назад. Этому виду Природа подарила потенциальную возможность построить цивилизацию. Вероятно, то же самое происходит и на других планетах, пригодных для жизни. Зачем? Может быть, Природа надеется, что дружные усилия разумных существ помогут ей сохранить жизнь, как явление, несмотря на пагубное для жизни снижение температуры? Не случайно же Природа наделила людей волей к жизни и способностями познавать и созидать. Но наблюдая Бытие вида *Homo sapiens*, мы обнаруживаем его полную неспособность к гармоничному общественному существованию. Человечество на протяжении тысячелетий буквально раздирается войнами, борьбой за ресурсы, борьбой идеологий и пр. Очень трудно разглядеть в человечестве прообраз созидателей вечной жизни, поскольку созидательная деятельность, да еще в таких грандиозных масштабах, требует четко согласованных коллективных действий. В чем причина очевидного несоответствия?

Мне представляется, что причина кроется в тех свойствах, которыми Природа наделила наш вид. Любой природный объект можно охарактеризовать набором присущих ему свойств, и наш вид не исключение. Почему-то в исторических исследованиях, касающихся прошлых общественно важных событий, не принято связывать причину этих событий с поведенческими свойствами нашего вида. Мы же учитываем, что пчела может ужалить, если она решит, что человек ей враждебен. Пчеловод на всякий случай надевает сетку. Поведенческие свойства человека во много раз сложнее. Не учитывая их, невозможно, по моему мнению, разобратся в причинах исторических событий.

Свойства вида *Homo sapiens*

Люди склонны преувеличивать свое значение, существует даже понятие о человеке как о «царе природы». Но детальный анализ убеждает в другом: вид *Homo sapiens* может оказаться совсем не последним видом человекообразных на Земле. На смену ему может прийти другой вид со свойствами, более отвечающими требованиям Природы. Пытались ли мы трезво оценить свойства не отдельных людей, а нашего вида в целом? Может быть, кто-то и пытался, но здесь мы сделаем еще одну попытку, как бы это ни оказалось сложно. Дело в том, что человечество чрезвычайно неоднородно и по своим природным качествам, и по идеологическим установкам, и по экономической развитости стран. Правомерно даже утверждать, что разные человеческие «племена» пока еще проживают в разных исторических эпохах, начиная от эпохи, близкой к каменному веку, и кончая развитым капитализмом. Общие для вида свойства можно обнаружить лишь при статистическом анализе, да и то с большим трудом, поскольку кто-то из нас добрый, кто-то злой, кто-то всему ищет причину, а другой готов все принимать на веру, и т.д. Видовые свойства у нас одни, но «амплитуда» их у каждого своя. В данном исследовании морфологические и размерные характеристики вида не представляют интереса. Не имеет значения даже, о чем люди думают. Для общественных отношений важно, как себя человек ведет, а поведенческие свойства нашего вида можно представить следующим списком:

Группа свойств, характеризующих нас как животных:

- 1. Инстинкт продолжения рода.*
- 2. Эгоизм и жадность.*

3. Жестокость.
4. Готовность к конкурентной борьбе.
5. Боязнь боли, увечий и смерти.
6. Стремление получать удовольствие.
7. Лениность.

Группа социально значимых свойств человека:

8. Разумность.
9. Способность говорить.
10. Принадлежность к группе социальных животных.
11. Готовность к сотрудничеству в процессе созидания.
12. Стремление к познанию.
13. Стремление к справедливости.
14. Инерционность мышления.
15. Стремление подчиниться лидеру.
16. Завистливость.
17. Своеволие.
18. Способность обманывать.
19. Тяга к самоутверждению.

Список не претендует на полноту, но он содержит те свойства, которые используются в данном анализе. Общепринято поведение человека объяснять «человеческим фактором», особенно в экстремальных ситуациях. По аналогии свойства, объединенные данным списком, будем в дальнейшем изложении называть «видовым фактором», поскольку именно наличием этих свойств можно объяснить многое в поведении человечества в целом.

Примеры неудавшихся попыток влияния на видовой фактор

Преобладание антисоциального поведения людей, мешающего гармоничному общественному Бытию, было замечено еще задолго до новой эры. Не случайно появились религиозные заповеди, с помощью которых пытались исправить человеческую натуру. Минуты тысячелетия, но ничто в человеческой породе не изменилось.

К числу попыток положительно повлиять на человеческую породу относится и система воспитания, существовавшая в Советском Союзе. Система была организована таким образом, что ее действие начиналось с дошкольного возраста (октябрята). Затем дети организовывались в пионерские отряды, потом молодые люди вступали в комсомол и т. д. На всех этапах людям

внушались совсем неплохие правила социального поведения, о чем свидетельствует «Моральный кодекс строителей коммунизма». Привожу его полностью:

1. Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма.

2. Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест.

3. Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния.

4. Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов.

5. Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного.

6. Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат.

7. Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни.

8. Взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей.

9. Непримируемость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству.

10. Дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни.

11. Нетерпимость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов.

12. Братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

Кодекс был написан в 1961 году по инициативе Н. С. Хрущева, причем авторы, по свидетельству одного из них, сознательно внесли в него пункты, созвучные религиозным заповедям. Чем плохи приведенные «заповеди» коммунизма? Обоснованные возражения, на мой взгляд, можно представить только по пункту 11, так как любая нетерпимость ведет к насилию, а цепь насилия нельзя прервать насилием. Следует отметить, что и до написания и опубликования кодекса гражданам СССР внушались те же самые ценности. Однако этим ценностям, как и в случае религиозных заповедей, противостоял видовой фактор. Стоило населению страны в результате «оттепели» войти в контакт с западными «ценностями», как коммунистическая идеология не выдержала конкуренции. Страна стала перестраиваться на либерально-рыночную идеологию. Если учесть видовой фактор, то тому, что и в России победила либерально-рыночная идеология, удивляться не приходится.

Использование видового фактора для продвижения идеологических учений

В истории человечества неоднократно появлялись люди или группы людей, которые сознательно использовали видовой фактор для продвижения в массы сформированных ими идеологических учений. Известно, что идеология для многих обладает притягательностью, так как, встав под ее знамена, человек обретает цель своей жизни и, кроме того, обретает сообщество, идущее к той же цели. Жизнь наполняется смыслом, и именно в нем многие находят свое самоутверждение. Судя по достигнутым успехам, авторы идеологий учитывали: если идеология не затрагивает глубоко какого-либо природного свойства человека, не базируется на него, то, скорее всего, она не получит распространения. В этом и состоит искусство использования видового фактора. Из табл. 1 (см. стр. 164) видно, какое именно свойство человека использует та или иная идеология.

Интерпретация свойств, указанных в табл. 1 (см. стр. 164), может быть самой различной, поэтому приведу свой комментарий.

Эгоизм и жадность. Вероятно, это самые несимпатичные наши свойства. Их природное назначение — обеспечение самосохранения, и потому против вручения нам этого «подарка» Природы трудно спорить. Данные свойства полезны, по крайней мере, на время завоевания видом своей ниши в биосфере. Но когда уровень социальной защищенности особи станет достаточно высоким, человечеству придется ограничить влияние данных свойств методами воспитания.

Воинственность и жестокость. Зачем понадобилось Природе наделять нас свойствами, которые принесли человечеству столько горя и потерь, столько разочарований в сущности человеческой породы? Вероятно, следует учесть, что у Природы не было другого выхода, поскольку, по ее замыслу, люди, преодолевая любые трудности, должны были расселиться по всей поверхности Земли с целью постепенного освоения всех ресурсов планеты. Это необходимо для реализации замысла Природы в отношении разумных существ.

Готовность к конкурентной борьбе. В дикой Природе это проявляется в виде борьбы самцов за самку. Таким способом Природа надеется улучшить набор качеств, наследуемых потомством от самца. Но в социальной жизни мы наблюдаем и другие проявления, например, в виде деловой конкуренции.

Таблица 1

Идеология	Авторы
Либерально — рыночная	Дж. Локк (1632–1704), Ш.Л. Монтескье (1689–1755), А. Смит (1723–1790),
Консервативная	Э. Бёрн (1729-1797), Ж. де Местр (1753-1821), Л. Бональд (1754-1840).
Социалистическая	«Государство» Платона (427–347 до н.э.), «Утопия» Т. Мора (1478–1535) «Город Солнца» Т. Кампанеллы (1568–1639).
Коммунистическая	К. Маркс (1818-1883), Ф. Энгельс (1820-1895)
Социал- демократическая	Э. Бернштейн (1850-1932),
Фашистская	Б. Муссолини, А. Гитлер.

Пропандируемый смысл Бытия	Используемое свойство человека
Для предпринимателей: максимизация прибыли, причем, любой ценой. Для людей наемного труда: максимизация дохода и личной собственности.	Эгоизм, жадность, готовность к конкурентной борьбе. Воинственность и жестокость
Сохранение стабильности Бытия: сохранение общественной иерархии; отрицание необходимости ускоренного прогресса; сохранение традиционных устоев	Лень, инерционность мышления.
Обеспечение социального равенства всех людей.	Принадлежность к социальным животным. Стремление к справедливости.
Ликвидация частной собственности на средства производства, равенство, братство, достижение всеобщего благоденствия.	Принадлежность к социальным животным. Стремление к справедливости. Жестокость.
Мирное и постепенное достижение партнерства трудящихся и капиталистов	Принадлежность к социальным животным. Стремление к справедливости.
Установление мирового тоталитарного господства самоизбранного человеческого сообщества	Воинственность и жестокость, стремление подчиниться лидеру.

Леность. Отражает естественное стремление особи минимизировать затраты энергии при достижении какой-либо цели.

Принадлежность к группе социальных животных. Зоосоциология и этология отличают животных социального типа по такому признаку, как «взаимное реагирование, порождающее сотрудничество». Особую ценность имеет сотрудничество в процессе созидания. Дело в том, что сотрудничество предполагает неукоснительное выполнение индивидумом нравственных обязательств перед сообществом. Нравственные обязательства ограничивают поведение человека целым рядом запретов. Несоблюдение запретов, подсказанных многовековым опытом человеческого общения, делает сотрудничество неэффективным. Хотелось бы обратить внимание на глубокую разницу между ролями, которые выполняют в обществе уголовное наказание и нравственное воспитание. Наказание наступает тогда, когда преступление уже совершено и вред социуму уже нанесен. Нравственность же призвана упредить, не допустить антисоциальное поведение. Предполагается, что люди, прошедшие через специальное и действенное воспитание нравственности, не станут совершать антисоциальных поступков. По этой причине общество должно уделять внимание, прежде всего, воспитанию и тратить средства именно на него.

Стремление к справедливости. Обычно под справедливостью понимается соответствие между ролью в обществе и социальным положением, между правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием, заслугами и их признанием. Люди постоянно озабочены тем, как добиться требуемого соответствия между упомянутыми категориями в реальной общественной жизни, но пока этого не удалось добиться, причем ни в одной общественной формации. И все же мечта о построении справедливого общества, как некий идеал, не покидает человечество.

Инерционность мышления. Выражается в предпочтении традиционных представлений и широко известных истин, а также в настороженном отношении к новому.

Стремление подчиниться лидеру. Данным свойством обладают не все люди, но подавляющее большинство.

Проведенный анализ позволяет ответить на некоторые простые вопросы, касающиеся будущей судьбы вида *Homo sapiens*.

А) Какая из известных идеологий ближе всего к решению общечеловеческих проблем?

Очевидно, что это не может быть господствующая ныне либерально-рыночная идеология. Хотя появление данной идеологии было исторически обусловленным и объективным явлением, ее нельзя признать пригодной на все времена. Достаточно указать на смысл Бытия, предлагаемый данной идеологией:

Достижение любой ценой максимальной корпоративной прибыли, а также достижение максимально возможного личного обогащения.

Такой смысл Бытия противоречит нормам морали и нравственности, хотя можно спорить, нужны ли вообще данные категории человечеству. Все зависит от устремленности. Если главная цель Бытия людей состоит в обеспечении максимальной эффективности экономики, чтобы как можно быстрее достичь желаемого жизненного комфорта, то, спору нет, преимущества либерально-рыночных отношений очевидны. Действительно, владелец частной собственности, вкладывая свои личные средства, стремится это сделать максимально эффективно. Развивая свой бизнес, он проявляет чудеса изворотливости и инициативы, что и составляет суть преимуществ либерально-рыночной экономики перед экономикой, основанной на коллективной собственности. Но капиталистический способ хозяйствования базируется на таких свойствах человеческой природы, как эгоизм, жадность, жесткость, и, если ничего этому не противопоставить, то поведение людей в массе становится не просто безнравственным, а совершенно недопустимым для разумных существ, которым предстоит коллективно решать проблему сохранения жизни, как природного явления.

Б) Сможет ли вид Homo sapiens, сохраняя свои свойства, перейти к решению общечеловеческих проблем?

Совершенно очевидно, что существует весомое препятствие — видовой фактор, содержащий такие отрицательные в общественном отношении свойства, как жестокость, воинственность и эгоизм. Тогда зачем Природа наделила ими наш вид? Возможен такой ответ: вид Homo sapiens представляет собою передовой отряд разумных существ на планете Земля. В задачу вида входило успешное освоение всей территории и всех земных ресурсов. Если бы свойства вида не были столь «боевыми», такую задачу, вероятно, было бы невозможно выполнить.

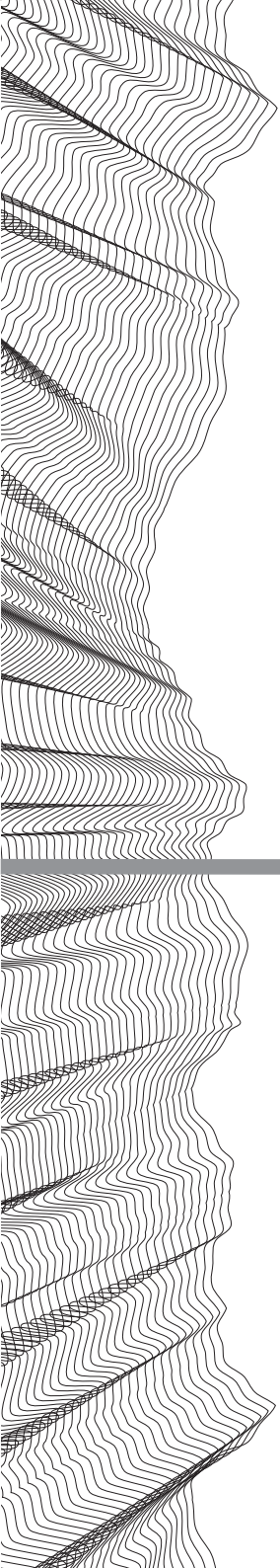
В) Если вид Homo sapiens не сможет, в силу присущих ему свойств, решать общечеловеческие проблемы, то, каково его будущее?

На смену данному виду, а может быть, и в его собственных рядах, должны постепенно появиться представители другого

вида, с другими свойствами. Широко известно, что вид *Homo sapiens* появился далеко не сразу. Ему предшествовали Человек прямоходящий, Человек умелый и др. Правомерно ли считать вид *Homo sapiens* самым совершенным и незаменимым? Очевидно, что нет никаких оснований для подобного заключения. Либо люди каким-то образом смогут положительно повлиять на свои отрицательные видовые свойства, либо Природа постарается этот вид заменить. Тогда нам остается осознать, что мы свою задачу выполнили, плацдарм завоеван, а нам осталось достойно уйти со сцены и дать возможность другим разумным существам решать проблему так, как это задумано самой Природой. Разумеется, на замену вида потребуются тысячелетия. Но куда Природе спешить, если у нее впереди миллиарды лет?

Литература:

1. Бурень В., Обухов В., Царенко П. Происхождение жизни и человека. СПб, 2003. 140 с.
2. Зальцман Л. Восхождение миров. СПб: Европейский дом, 2003. 381 с.
3. Тинберген Н. Социальное поведение животных. М.: Мир, 1993. 147 с.

ИНФОРМАТОРИЙ

The background of the page is a complex, abstract pattern of thin, black, wavy lines that create a sense of depth and movement, resembling a topographical map or a stylized landscape. These lines are concentrated on the left side of the page, with some extending towards the center. In the upper-middle section, there is a logo consisting of a black square with a white number '3' inside it, and three gray squares arranged in a triangular pattern to its right.

3

«Малеевка-Интерпресскон. Новая волна»: второй сезон

Литературный семинар «Малеевка-Интерпресскон. Новая волна» принимает рукописи к сезону 2013 года. Окончание приема — 30 декабря 2012 года. Семинар пройдет в начале февраля 2013 года в одном из пансионатов под Санкт-Петербургом. В этом году мастерами групп станут Дмитрий Вересов, Алан Кубатиев и Святослав Логинов. Семинар продлится 6 дней, включая дни приезда и отъезда.

Помимо работы по группам запланированы встреча с представителями крупнейших профильных и «малых» независимых издательств, редакторами журналов, активно публикующих фантастику, практикум по редактуре и стилистике, выступления видных литературоведов и киноведов.

Требования к рукописям:

1. Язык семинара — русский.

2. Для участия в семинаре необходимо представить:

— повесть, роман, сюжетно законченный фрагмент романа объемом от 5 до 15 авторских листов;

— либо подборку из 3 рассказов объемом от 0,5 до 1,5 авторских листов каждый;

Примечание: Таким образом, минимальный необходимый объем текста, прилагаемого к заявке на семинар, 1,5 авторских листа, и это может быть подборка рассказов, небольшая повесть, сюжетно законченный фрагмент романа либо сценарий, отвечающие прочим требованиям настоящего Положения.

Особенности сезона 2013 года:

суммарный объем текстов, предлагаемых одним автором в группе Святослава Логинова, не должен превышать 4 авторских листов;

кроме прочего, Дмитрий Вересов берет в работу еще и сценарии фантастических фильмов.

К рассмотрению принимаются фантастические произведения, написанные в любом жанре, стиле, направлении, соответствующие приведенным требованиям.

Предпочтительны тексты, ранее не публиковавшиеся коммерческими тиражами. Если у вас сейчас нет нового текста, но вы хотите участвовать в семинаре, в каждом конкретном случае решение принимает ведущий.

К повестям, романам и фрагментам в обязательном порядке должен прилагаться синопсис (краткое описание сюжета) объемом от 1 до 2 тыс. знаков с пробелами.

Тексты присылать в формате Microsoft Word (*.doc, *.rtf) либо *.txt.

Заявки принимаются только по электронной почте. Адрес электронной почты для заявок и произведений: maleevka@interpresscon.ru. В письме нужно указать:

- ФИО автора;
- название произведения;
- контактный электронный адрес, если он не совпадает с тем, с которого пришло письмо;
- имя мастера, которому текст предлагается на рассмотрение.

Если произведение, присланное до 30 декабря включительно, отклоняется из-за несоответствий технического плана (например, ввиду превышения объема), координатор уведомляет автора об этом с подробным обоснованием причин. Автору дается два дня на устранение технических недочетов.

Авторы, чьи произведения успешно пройдут отбор на Литературный семинар, будут извещены об этом по мере формирования групп, но не позже 10 января 2013 года.

Списки участников Литературного семинара «Малеевка-Интерпресскон» будут публиковаться на сайте interpresscon.ru по мере формирования групп. Окончательные списки будут объявлены не позже 10 января 2013 года.

Если количество авторов, подавших заявки в ту или иную группу, превысит количество вакантных мест, или мастер сочтет, что ваше произведение больше подходит другому ведущему, оргкомитет может предложить автору присоединиться к группе другого ведущего.

В традициях Малеевки, участникам в обязательном порядке следует ознакомиться с произведениями других авторов их группы. Соответствующие инструкции и индивидуальный код доступа мы вышлем по электронной почте.

Оргкомитет

Наши авторы

Евгений Акуленко (род. 1976 г. в г. Новозыбков Брянской обл.). Закончил Тверской государственный технический университет. На данный момент возглавляет IT-департамент группы компаний. В нашем альманахе публиковался неоднократно. Живет в Твери.

Павел Амнуэль (род. 1944 г. в Баку). Известный писатель. Закончил физический факультет Азербайджанского государственного университета. Первая публикация — еще в 1959 г. (рассказ «Икарция Альфа» в журнале «Техника-молодежи»). Автор множества научных работ, романов, повестей и рассказов. В нашем альманахе печатался неоднократно. С 1990 года живет в Израиле.

Александр Бачило (род. в 1959 г. в г. Искитим Новосибирской обл.), российский писатель и сценарист. Окончил Новосибирский электротехнический институт, работал в Институте ядерной физики СОАН СССР. Первые фантастические рассказы опубликовал в газете «Молодость Сибири», в 1983 году. Участник Малеевского семинара фантастов, ВТО МПФ, команды КВН Новосибирского государственного университета. С 1999 г. живет в Москве. Сценарист программ «ОСП-студия», «33 квадратных метра», «Хорошие шутки», многочисленных сериалов, среди которых первый сезон фантастического триллера «Башня». В нашем альманахе печатался неоднократно.

Олег Быстров (53 года). Родился в Краснодаре, где и проживает по сегодняшний день. Окончил Кубанский медицинский институт. Рассказы публиковались в сборниках и периодике. Повесть «Зрячий» опубликована издательством «Фантаверсум» в 2011 г. Работает врачом.

Леонид Зальцман (род. в 1932 г. в Одессе). Закончил Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина, электромеханический факультет. Публиковался в журналах «Полигнозис», «Стратегия России», в издательстве «Европейский дом» (книга «Восхождение миров») и в других издательствах. Всего более пятидесяти публикаций, включая авторские свидетельства на изобретения. Пенсионер. Исполнительный директор рабочей группы «Землянин» при сант-петербургском Союзе ученых.

Павел Полуян (род. в Красноярске в 1958 г.). Окончил Красноярский государственный университет. Преподавал философию, специализируясь на философских вопросах физики. Научные работы включены в материалы российских и международных конференций и философских конгрессов. Публицистические статьи, посвященные разоблачению паранаучных мифов, печатались на страницах центральных СМИ, переводились на английский, французский, итальянский, греческий и др. языки. Изданы книги «Ликвидация НЛО» (Красноярск, 2001), «Охота за НЛО. Вихри во времени» (Москва, 2007). Работает ведущим инженером на предприятии ОАО «Енисейгеофизика». В нашем альманахе работы П. Полуяна публиковались неоднократно.

Алексей Соколов (род. в 1962 г. в Ленинграде). Учился в ЛГПИ имени А.И.Герцена на факультете естествознания. Сменил несколько профессий, в настоящее время — исполнительный директор специализированного издательства. Занимался альпинизмом, спелеотуризмом, дайвингом, яхтингом, верховой ездой, военно-исторической реконструкцией. Публикации — в журналах «Florida, Russian Magazine» (рассказ «Кризис среднего возраста») и «Волга, XXI век» (рассказ «На рейде, вечером, давно»). Живет в Санкт-Петербурге. В нашем альманахе печатался рассказ «Старик и космос» (№ 6 за 2012 г.)

Содержание

КОЛОНКА ДЕЖУРНОГО ПО НОМЕРУ

Самуил Лурье	3
--------------------	---

ИСТОРИИ, ОБРАЗЫ, ФАНТАЗИИ

Павел Амнуэль «УГЛОВОЙ ДОМ». <i>Повесть</i>	7
Олег Быстров «ОН ДОЛЖЕН ЖИТЬ». <i>Рассказ</i>	57
Евгений Акуленко «МАКСИМКА». <i>Рассказ</i>	71
Алексей Соколов «СИРОТЫ ПРЕДПОЧТИТЕЛЬНЫ». <i>Повесть</i>	91
Александр Бачило «БЕЗ НАДЕЖДЫ». <i>Рассказ</i>	135

ЛИЧНОСТИ, ИДЕИ, МЫСЛИ

Павел Полуян «ЕФРЕМОВ: РЕЗИДЕНТ КОСМОСА»	149
Леонид Зальцман «СВОЙСТВА ВИДА НОМО SAPIENS, ВИДОВОЙ ФАКТОР И СУДЬБА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»	159

ИНФОРМАТОРИЙ

«Малеевка-Интерпресскон. Новая волна»: второй сезон	171
Наши авторы	173

ПОДПИСКА

Способы оформления

- Заполните квитанцию, вырежьте ее и оплатите в банке не позднее 20 января 2013 года!
- Зайдите на наш сайт www.vokrugsveta.ru в раздел «Подписка» и оформите подписку там.

Подписка на 6 номеров

с № 02 (февраль)/2013 — 343,20 руб.

Код предложения 5453

Внимание! Предложения по подписке

действуют только для физических лиц с доставкой по территории Российской Федерации. Сбербанк возьмет с вас оплату за свои услуги. Служба подписки ответит на все ваши вопросы. E-mail: poldenXXIvek@ppmt.ru Тел: +7 495 744 5513

Подписка на 12 номеров

с № 02 (февраль)/2013 — 686,40 руб.

Код предложения 5454

<p>Извещение</p>	<p style="text-align: right;">Форма №ТЦЛ-4</p> <p style="text-align: center;">ООО «Издательство «ВОКРУГ СВЕТА» (наименование получателя платежа)</p> <p>7731269320 / 773301001 40702810238110010403 (ИНН получателя платежа / КПП получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>в Московском банке Сбербанка России ОАО г. Москва БИК 044525225 (наименование банка получателя платежа)</p> <p>Номер кор./счета банка получателя платежа 30101810400000000225</p> <p>Оплата подписки на __ номеров альманаха фантастики «Полдень, XXI век» с № 02 (февраль)/2013 по коду предложения __ (наименование платежа)</p> <p>Ф.И.О. плательщика: _____</p> <p>Почтовый индекс _____</p> <p>и адрес доставки: _____</p> <p>Телефон: _____</p> <p>Сумма платежа: _____ « ____ » _____ 20 ____ г.</p> <p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен. Подпись плательщика</p>
<p>Квитанция</p>	<p style="text-align: right;">Форма №ТЦЛ-4</p> <p style="text-align: center;">ООО «Издательство «ВОКРУГ СВЕТА» (наименование получателя платежа)</p> <p>7731269320 / 773301001 40702810238110010403 (ИНН получателя платежа / КПП получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p>в Московском банке Сбербанка России ОАО г. Москва БИК 044525225 (наименование банка получателя платежа)</p> <p>Номер кор./счета банка получателя платежа 30101810400000000225</p> <p>Оплата подписки на __ номеров альманаха фантастики «Полдень, XXI век» с № 02 (февраль)/2013 по коду предложения __ (наименование платежа)</p> <p>Ф.И.О. плательщика: _____</p> <p>Почтовый индекс _____</p> <p>и адрес доставки: _____</p> <p>Телефон: _____</p> <p>Сумма платежа: _____ « ____ » _____ 20 ____ г.</p> <p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен. Подпись плательщика</p>

Обязательно пришлите копию оплаченной квитанции по e-mail: poldenXXIvek@ppmt.ru или факсу: (495) 689-95-44.

Борис Стругацкий
представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ

XXI ВЕК

Читайте в следующем номере:

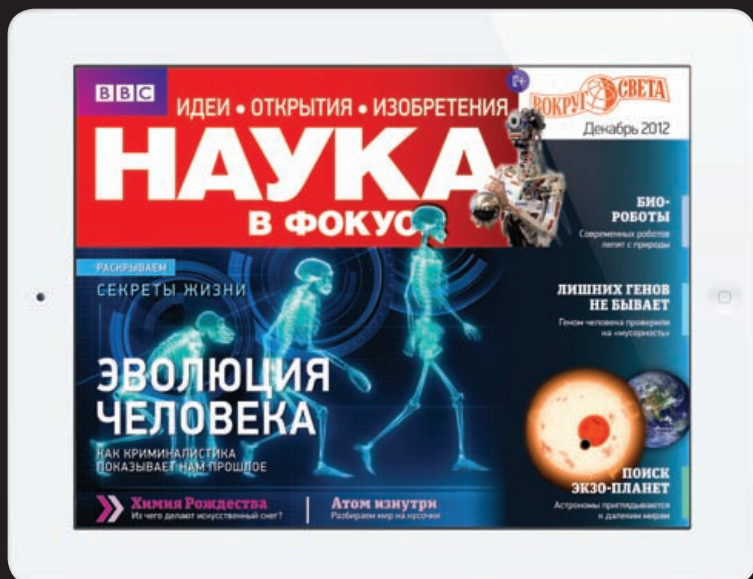
Начало романа
Анастасии Монастырской
«Девять хвостов
Небесного Лиса (Ку-Ли)»

Каково это — быть современной Кассандрой, чьи слова никто не воспринимает всерьез?! Каково это — во имя не признанного всеми дара отказаться от любви, семьи и друзей? Каково это — день за днем видеть чужое будущее и иногда, в ущерб себе и во благо других, стараться его изменить?

Но именно к ней, городской сумасшедшей, и попадает таинственный венок пророчеств, финал которого предвещает конец мира...

а также произведения
Юрия Погуляя
Марии Позняковой
Геннадия Прашкевича
и других авторов

ТАКЖЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Учебник по геному.
Молекулярные биологи расшифровали, казалось бы, бесполезную часть человеческой ДНК и обнаружили, что она наполнена не «мусором», а чёткими инструкциями

Биороботы.
Нынешних роботов лепят с живой природы — с быстрыми ногами, чувствительными пальцами, прожорливым желудком и способностью к обучению

Структура атома.
В древности мудрецы гадали, из чего сделан мир. Мы сейчас куда лучше знакомы с составляющими материи, но тайны ее устройства до сих пор не до конца разгаданы

«Наука в фокусе» теперь и на *iPad*

**Увлекательно
и понятно о науке
и окружающем
мире**

